

1 • 9 • 0 • 5

COPIMOBO

1905

Г О Д

В С О Р М О В Е

ОЧЕРК СОРМОВСКОГО ИСПАРТА

025365

Handwritten signature

Александръ Васильевичъ
Сигорскій

1 . 9 . 2 . 6

ИЗДАНИЕ СОРМОВСКОГО ИСПАРТА

О Т П Е Ч А Т А Н О
в типографии Нижполиграф,
Варварка, 32, в количестве
3000 экзempl., Нижегородский
гублит № 142

Предисловие

Сормово занимает в революционном движении не последнее место. Здесь действовал целый ряд товарищей, чьи имена долго будут служить для молодежи путеводными огнями.

Молодежь должна знать прежние условия жизни рабочего класса, должна знать историю революционной борьбы пролетариата до Октября.

Надо оговориться, что у нас в СССР мало еще сделано в этом отношении: музеи революции, собирающие тщательно документы прежних лет, — имеются лишь в больших городах, а местные рабочие районы не обладают документами, да и сами участники многих событий не могут дать даже воспоминаний, чтобы восстановить те или иные события и собрать материалы по истории партии. Возьмем Сормово: о Сормове больше данных в Москве, но меньше в Н.-Новгороде и совсем никаких в самом Сормове.

Истпарт Райкома в начале 1925 года задумал написать хотя бы коротенький очерк событий первой русской революции.

Создана была комиссия из участников тогдашних событий, некоторые товарищи дали свои воспоминания. После обработки этих воспоминаний, сличения одних материалов с другими, подтверждения их документами — получилась настоящая книжка. История революционного движения в Сормове до 1905 г. отражена М. Горьким в его повести «Мать», да в документах судебных процессов. Период с 1905 г. до 1909 г. описан тов. Флеровским в журнале «Коммунистическая Революция». О дальнейшей жизни партии и событиях в Сормове сведений почерпнуть неоткуда. Истпарт к десятилетию Октябрьской революции должен приготовить такой же сборник воспоминаний, разобраться в материале своего архива.

Этой книжкой положено начало работы по собиранию материалов о Сормове, его революционной борьбе, о жизни и работе его большевистской организации.

Многие прокламации и листовки периода пятого года в книге приводятся текстуально, полностью, т. к. они как нельзя лучше отражают настроение партии и революционных рабочих, а также события того времени.

В коллективной проработке материалов, послуживших источником настоящей книги, принимали участие члены комиссии по изучению событий пятого года в Сормове т.т.—И. А. Ляпин, А. Н. Чарухин, П. Н. Ануфриев, А. Я. Матвеев, В. И. Малыгин, Ф. И. Маштаков, А. А. Урыков и И. М. Плесков.

Подготовка книжки к печати проделана тов. В. М. Вороновым. Активное участие в издании книги принимал тов. Д. Б. Богданов.

Истпарт при Сормовском Райкоме ВКП (б).

I. HAKAHYHE

THE HAZARD

«Только вооруженный народ может быть действительным оплотом народной свободы».

...«Рабочий класс получил великий урок гражданской войны; революционное воспитание пролетариата за один месяц шагнуло вперед так, как оно не могло шагнуть в месяцы и годы серой, будничной, заботой жизни».

Н. Ленин. «Начало революции в России».

Сормовский пролетариат в революционном движении участвует давно. Уже в 1892 году среди рабочих Сормова распространяется отчет «о Сормовской социал-демократической организации». Социалистические кружки города всегда обращали внимание на Сормовский завод и вели там пропаганду. Уже один факт установления в Сормове жандармского пункта с середины 90-х годов указывает на быстрый рост пропаганды в этом районе.

Со словом «сормович» устанавливались определенные, хотя и различные в отдельных кругах «городского общества», понятия: для социалистической интеллигенции, для кружковых пропагандистов «сормович» был человеком будущего общества, борцом за социальную революцию, двигателем революции; для хранителей самодержавного строя, для защитников старых устоев — «сормович» был «олицетворением дикого разгула», орудием для проведения в жизнь «чудовищных замыслов черни». В этом столь различном отношении к «сормовичу» задолго до революции 17 года как бы предугадывался тот барьер, который разделит классы в эпоху гражданской войны, и вместе с тем та крупная роль, которая в социальной революции выпадет на долю Сормова.

1 мая 1902 г. в Сормове происходит первая политическая демонстрация. Рабочий Петр Заломов поднял красное знамя и впоследствии был героем судебного процесса, на котором он сказал проникновенную речь. Эти события, разыгравшиеся весной 1902 г. в Сормове, послужили, как известно, канвой для романа М. Горького — «Мать».

«В образах этого социального романа навсегда запечатлены пожирающий жизнь человека завод, хижины пролетариев кругом него, появление подпольной социал-демократической организации и успешная проповедь в ней городских интеллигентов», — говорит С. Архангельский в статье «Крупная промышленность и происхождение пролетариата» («Нижегородский краеведческий сборник», том I).

В конце 1904 г. Сормово имело коллектив РСДРП, работой которого руководил Нижегородский Комитет партии. Коллектив работал с 1900 года. Он руководил семью существовавшими тогда районами; район делился на кружки, которых в каждом районе было от 3 до 5, в кружке же было от 5 до 10 рабочих. Первоначальными организаторами коллектива были: Заломов, П. Д., и Самылин, М. Технические средства у коллектива для пропаганды и агитации были невелики: для выпуска прокламаций имелась типография, состоящая из плиты в поллиста писчей бумаги, шрифта, рамки, валика, гектографа и мимеографа.

Кроме прокламаций, выпускаемых своими средствами, коллектив получал пропагандистскую литературу от Нижегородского Комитета, а также ленинскую «Искру» и другие газеты, журналы, брошюры и книги Центрального и Московского Комитетов.

Печатная и устная пропаганда сосредоточивалась на экономических и политических вопросах. Политические свободы, 8-часовой рабочий день, гнет самодержавия и произвол агентов правительства, задачи учредительного собрания, штрафы, стачки — вот вопросы, которыми была занята пропаганда и агитация того времени.

В результате агитации и пропаганды значительно усилилось участие в организации сознательных рабочих. Настроение среди широких масс рабочих повысилось. Это выразилось в свободном распространении и чтении прокламаций по цехам, в стремлении рабочих разрешать вопросы на цеховых собраниях, в сборах денежных средств для политического «Красного креста» по оказанию помощи политическим заключенным и их семьям. Происходившие перед событиями пятого года собрания по цехам, по сравнению с предыдущими годами, отличались четкостью и большей смелостью в выступлениях ораторов и требованиях рабочих.

II. ПОСЛЕ „КРОВАВОГО ВОСКРЕ-
СЕНЬЯ“

THE UNIVERSITY OF CHICAGO
LIBRARY

1. Первые стычки и забастовки

10 января, около 10 часов утра, была получена газета «Нижегородский Листок», из которого рабочие узнали телеграфное сообщение о расстреле на Дворцовой площади.

Это событие произвело потрясающее впечатление на сознательную часть рабочих. Партийные и более активные рабочие стали собирать в кружки остальных рабочих по цехам. На таких собраниях обсуждали происшедшие кровавые события и призывали рабочих к протесту и однодневной забастовке. Вечером, по окончании работ, организация совместно с активными рабочими, собралась в лесу за старообрядческим кладбищем для разрешения вопроса, как проводить забастовку. Присутствовало 200 человек. Единогласно решили провести однодневную забастовку. Собрание происходило под охраной боевой дружины.

Забастовка, однако не могла быть проведена, взамен ее был организован сбор денег в пользу питерских рабочих, на который откликнулось подавляющее большинство рабочих, несмотря на запугивания заводской администрации и полиции. Это еще раз подтвердило, что революционному движению сочувствуют огромные массы рабочих.

Собрание, речи и агитация партийных работников и факт расстрела питерских рабочих, произвели сильное действие на сознание широких масс рабочих. На сормовских заводах в ближайшие дни началось частичное забастовочное движение по цехам с пред'явлением экономических и политических требований. По замечаниям заводской администрации, в лице Мещерского и Приемского, частичные забастовки для производства были убыточнее, чем общая забастовка, так как нарушали стройность обще-заводской работы. Эти забастовки встревожили администрацию заводов, черносотенцев, полицию и духовенство. Вся эта свора через своих идейных руководителей, вроде Михайлова, Пушкарева, Станового и др., для борьбы с возникающим забастовочным движением воспользовалась помощью темных, неразбирающихся в событиях чернорабочих. Они

были организованы соответственным образом на борьбу с забастовщиками.

Вскоре произошло и столкновение. Рабочие кузнечного цеха, объявившие забастовку, пришли к рабочим механического цеха призвать их к поддержке этой забастовки. Изменники рабочего класса, во главе с Кадетовым, Куликовым и другими, вооруженные ломками, набросились на пришедших кузнецов и избili рабочего Мокина и других. Мокина пришлось отправить в больницу.

Вот прокламация того времени, изданная Комитетом Сормовских и Нижегородских рабочих С.-Д. 6 февраля:

«За последнее время, после кровавых событий в Петербурге, где кровью наших собратий-рабочих, погибших от штыков и пуль безумцев-солдат, были обгарены улицы и Дворцовая площадь, после смерти тысяч борцов за свободу, наш «святейший» синод, представляющий из себя жирных, отъевшихся на народные деньги, пяти тунейдцев-попов, стал рассылать по деревням, селам, заводам и городам манифесты и воззвания, призывающие рабочих и крестьян к миру и тишине, к продолжению своего обычного труда. «В поте лица своего добывай хлеб свой», говорят они. — «не трудящийся же недостоин пропитания»... Итак, они говорят то, что им самим говорим мы, труженики, и говорим давно, что они тунейдцы, не зарабатывающие свой хлеб в поте лица, а живут трудом других—недостойны пропитания... Подобные сладкие песни они поют от сытых толстых утроб. Помните, товарищи, кто они—те же волки в овечьей шкуре, обманывающие нас, простых рабочих своими учеными речами... Правду ли они говорят нам, что войну затеяли не мы а японцы? Правда, что не мы—рабочие, а царь. Не японцы пришли к нам, а мы, как это и выходит по словам «святых свиней». Наши братья сражаются в чужой далекой стороне, говорят они в воззвании... как же это так попали наши солдаты в чужую, далекую сторону? Да очень просто: послало наше самодержавное правительство, чтобы забрать в свои руки китайскую Манчжурию, разделить ее дворянам да чиновникам царским. Значит войну начало наше правительство, и напрасно эти «святые свињи» синода стараются обмануть русский народ. Это им не удастся потому, что у народа есть свои учителя, такие же бедняки, как и народ, стонущий под нагайкой царских опричников и проливающий свою кровь на улицах городов и заводов...

Нет! Довольно обманов, довольно подлостей, пора стыдиться врать, стыдиться не русского народа, а заграничных правительств. Возмутительная ложь не продлит вам, святые свињи, сроки царства и угнетения народа! Волна революции идет. Она близка! Товарищи! разве нас не обманывают, говоря, что события 9 января в Петербурге вызваны иностранными врагами, что Англо-Японский союз (какой?) прислал 18 миллионов на устройство беспорядков. Нет, эти события вызваны нами, угнетенными, бесправными и вечно голодными русскими рабочими, желающими улучшить положение, стремящимися к лучшей жизни... И никаких миллионов не было никем прислано, что было разъяснено нашим бесстыдным правительством на протест английского посланника в Петербурге. Так вот, товарищи, чем успокаивает нас царь со своими чиновниками... Что после этого ждать и верить царю и правительству?

Нет! только сам рабочий народ может улучшить свое положение объединившись в могучую организацию, и общими силами сбросить с плеч своих палачей и угнетателей, которые на мирные наши требования приказывают колоть и стрелять в нас. Вот какой наш

царь-начальник... Но заря новой жизни, заря свободы и счастья разгорается с каждым днем все ярче и шире и никакому мраку не затмить ее радостного всеобновляющего пожара! Царству насилья и тиранства не долго осталось царствовать в нашей измученной родине. Последние события показали царскому правительству, что мы—сила, такая сила, которая в один прекрасный день, как волна моря обрушится на ветхий, растрескавшийся по всем швам ковчег царя-деспота с его чиновниками и не оставит от него следа. Этот день, товарищи, близок. Волна идет! Приговор народа над поработителями уже произнесен. Да здравствует политическая свобода! Долой деспотов!»

«Нижегородский Рабочий Листок», февраль 1905 г., издание Нижегородского Комитета РСДРП, так описывает сормовские события в январе:

«Сормово. Когда дошли до нас вести о героической борьбе петербургских товарищей, о всеобщих стачках во всех крупнейших городах, жажда борьбы загорелась и у нас, пошла и у нас молва о стачке. 10 января на сходке в 200 человек ораторы горячо призывали к поддержке петербургских товарищей, и все 200 чел., как один, дружно решили на другой же день начинать забастовку.

Но у нас слишком мало товарищеского единения между рабочими разных цехов: все идут врозь, в каждом цехе думают только о своих мелких интересах. На другой день бросили работу только в паровозно-механическом цехе, да в паровозной сборке. В других цехах не нашлось даже кому останавливать работу. Так продолжается и до сих пор; стачки только в отдельных цехах начинались, но не могли слиться в одну общую стачку. За это время наша администрация хорошо подготовилась к отпору: собрала из уезда массу полиции, лишние двери в цехах были заперты и заколочены. Мещерский организовал из пожарной дружины и из нескольких изменников-рабочих целую шайку, которая должна избивать стачечников, и эта шайка уже приступила к делу: жертвой этих негодяев сделался тов. Мокин, избитый ими до полусмерти и находящийся сейчас в больнице.

26 января забастовали подручные котельного цеха. Требовали: 1) прибавки поденного жалованья вместо 60-ти—70 коп.; 2) распределение расценков пропорционально жалованью.

Директор обещал к 1 февраля удовлетворить требования. 28-го рабочие механического цеха предъявили заведующему Кабачинскому требование уволить негодяев: Кадетова, Куликова и других, избивавших Мокина; переговоры велись до окончания работ, когда пришел в цех директор и обещал расследовать дело.

3-го февраля забастовали в мостовом и котельном, а к 12 часам дня примкнул и судостроительный. Требования: 1) повышение платы до 80 коп.; 2) распределение приработка пропорционально заработной плате. Цеха не работали 3 дня. В пятницу 4-го к ним присоединились и рабочие вагонной кузницы. Опять обещаниями, да посулами директор склонил их работать. А сам тем временем вызвал войска.

Вообще по всему видно, что администрация, как огня, боится теперь нашей стачки, действует всеми средствами; если бы мы были немного подружнее, мы могли бы теперь легко добиться многого.

Пора покончить нам с нашей разрозненностью. Мы плохие товарищи друг другу. Стыдно покидать товарищей одних в борьбе, каждый рабочий должен помнить правило: «один за всех и все за одного»... (№ 10 «Ниж. Раб. Листок».)

2. Администрация идет на уступки. Рабочие создали „собрание уполномоченных от цехов“

Результатом забастовочного движения было то, что администрация заводов была вынуждена пойти на уступки рабочим и предложить создать институт уполномоченных от цехов. Институт уполномоченных был создан для урегулирования отношений между рабочими и заводской администрацией по вопросам тех экономических требований, какие предъявили рабочие разных цехов.

18 февраля были произведены выборы уполномоченных. Выборы происходили по цехам, на открытых собраниях, выбирали от каждой сотни одного уполномоченного. Всего было избрано 153 уполномоченных. Начались собрания уполномоченных. На этих собраниях выделились от рабочих два постоянных руководителя: Шмельков (беспартийный был всегда председателем) и Яковлев (с.-д. большевик, секретарь собраний). Заводская администрация представлялась г.г. Мещерским и Заварицким. На первых пяти заседаниях требования рабочих всех цехов уполномоченными были сформулированы и предъявлены заводу.

Вот текст подлинного документа за подписями уполномоченных:

«На общих собраниях уполномоченных от 8.225 рабочих 21 цеха, происходивших 24 февраля при участии 140 человек, 18 февраля утром—104 человека и вечером—116 человек, постановлено заявить заводу управлению о следующих насущных нуждах рабочих, удовлетворение которых они желают со стороны общества «Сормово»:

1) Восмичасовой рабочий день. Продолжение работ накануне воскресных и праздничных дней: для дневной смены без перерыва для обеда до 2-х ч. дня, а для ночной—с 2 час. дня до 9 ч. вечера. Выдача заработной платы во время работ, без потери рабочими своего времени. Освобождение от работ 19 февраля и 1 мая каждого года. Отпуска рабочим по их желанию на месяц в году сверх отпусков, вызываемых необходимостью. Отмена сверхурочных работ, кроме вызываемых необходимостью.

2) Как постоянные, так и частные работы, должны производиться не от подрядчиков и подрядчиц, а от завода. Контроль выборов от рабочих за действиями конторы по найму рабочих. Увольнение рабочих по соглашению заводской администрации с выборными от рабочих, с предоставлением права уволенному из одного цеха поступить в другой. Свободный переход из одного цеха в цех без расчета. Отмена найма рабочих на определенный срок. Оставление на местах рабочих, вступивших в судебный спор с заводом. Беспрепятственный прием и служба рабочих, заподозренных полицией в неблагонадежности; принять уволенных за августовскую забастовку 1904 г.

3) Повышение расценок, установление и распределение их по взаимному соглашению заводской администрации с выборными от рабочих и вывешивание их на видных местах. Установление двойной платы за сверхурочные работы. Установление минимальной почасовой платы мастеровым всех разрядов не менее 1 р. 25 к., рабочим и сторожам—1 р., женщинам—60 к., ученикам—50 коп. и обязательное ежегодное ее увеличение. Для учеников отмена отрядных работ и предоставление свободы выборов ремесла по их способностям и склонностям. Выдача полной платы рабочему за произведенную работу, оказавшуюся браком не по его вине. Вы-

дача полной поденной платы за прогул, происходивший не по его вине. Еженедельная выдача заработной платы по субботам всем рабочим, а по понедельникам тем, которые не успеют получить свой заработок в субботу.

4) Отмена штрафов и обысков. Вежливое отношение заводской администрации к рабочим. Улучшение мастерских в санитарных и гигиенических отношениях, как-то: устройство надлежащей вентиляции, отопления, ретиральных мест. Устройство и содержание на заводский счет надлежаще-оборудованных бань для рабочих и их семейств. Увеличение заводского медицинского персонала, вежливое и внимательное отношение к больным и бесплатная выдача лекарств из заводской аптеки по рецептам частных врачей. Устройство и содержание на заводский счет начальных школ по планам и программам земских школ, в достаточном для потребности рабочих количестве. Устройство школ высшего типа с техническими отделениями. Отмена однопроцентного вычета из заработка на содержание сормовского церковно-приходского попечительства и передача этого вычета в капитал особо-учрежденной взаимовспомогательной кассы. Расширение заводской библиотеки и участие выборных от рабочих в заведывании ею. Построить удобный вокзал в Канавине, отмена за проезд по сормовской ветке платы и увольнение начальника станции Ракитина.

5) Пенсия за выслугу лет, выдача поденной заработной платы в случае болезни и полного месячного заработка одновременно семье рабочего в случае его смерти. При увольнении с завода по какой бы то ни было причине рабочего, имеющего дом на заводской земле, оставление за ним права аренды земли на срок не менее года или вознаграждение за постройку в размере действительной стоимости.

6) Свобода собраний рабочих для обсуждения своих общих нужд и выборов своих уполномоченных по общим делам с предоставлением помещения от завода для собрания уполномоченных не менее одного раза в месяц, а для общих и цеховых собраний—по мере надобности. Свободный доступ на эти собрания газетных корреспондентов. Неприкосновенность рабочих, выборных депутатов и их кандидатов, со стороны заводской администрации с сохранением за ними места, в случае лишения их свободы по поводу участия в общих заводских делах—до решения дела судом, и после этого, в случае судебного определения, а также в случае общего расчета рабочих при забастовках.

На настоящее заявление рабочие будут ждать ответа в продолжение недельного срока со дня передачи его г. директору сормовских заводов. После сего, в случае неудовлетворения этих насущных потребителей, основанных на законном желании рабочих, создать для себя мало-мальски сносные условия жизни,—уполномоченные слагают с себя ответственность за дальнейшие действия рабочих 28 февраля 1905 г.

Председатель собраний **В. Шмельков.**

Секретарь **М. Яковлев.**

Дальше идут подписи всех уполномоченных.

В заседаниях 5, 6, 11 и 17 марта при совместном рассмотрении пунктов с рабочими и при тщательном обсуждении каждого пункта, заподоуправление дало свой ответ.

В положительном смысле собранием уполномоченных был разрешен целый ряд экономических требований. Добились частичного увеличения заработка, были удовлетворены требования рабочих об уменьшении сверхурочных работ, отменены некоторые виды штрафов и обыски в проходных, заставили администрацию своевре-

менно выдавать наряды на сдельную работу в определенные сроки и во время работы выдавать заработную плату. В результате некоторое время заработную плату выдавали каждую неделю. В цехах были поставлены умывальники и кубы для кипяченой воды, в горячих цехах устроены бани, везде увеличено электрическое освещение установкой переносных электрических ламп и улучшено отопление цехов.

В подтверждение своих требований, предъявленных администрации через уполномоченных, рабочие 5 марта осуществили 7½-часовой рабочий день в субботу явочным порядком: рабочие не пошли на установленный обеденный перерыв. Несмотря на данные гудки на обеденный перерыв и приказание цеховой администрации остановить машины и станки, рабочие воспрепятствовали остановке двигателей и продолжали работать. Проработав до 2 часов, пошли домой. Этот случай характерен тем, что администрация, до утверждения правил внутреннего распорядка фабричной инспекцией, не хотела их проводить в жизнь. В делах заводоуправления в то же время есть телеграмма от 5 марта, № 57333, на имя Приемского от правления (за подписью Картавцева); «Соглашайтесь субботу до двух рабочих день десять получка еженедельно сегодня будет правление напишем вечером», и другая телеграмма № 2627 от 5 марта: «Вечерним поездом отправляем вам письмо по делу рабочих. Картавцев». Так осуществили 7½-часовой рабочий день без перерыва в субботу.

В следующую субботу, 12 марта, это требование рабочих поддержали служащие главного технического бюро и предъявили ряд требований. Заводоуправление на записку служащих глав. техн. бюро дало ответ 30 апреля, где указывает, что служащие всегда поддерживаются администрацией и тут же подтверждается «желание улучшить положение г.г. служащих».

Так же перед этим явочным порядком было отменено празднование масляницы, и в 1905 г. этот традиционный праздник работали.

3. Борьба за земскую школу и рабочую кассу взаимопомощи

Кроме предъявления экономических требований рабочим пришлось выдержать напряженную борьбу за школу и отмену однопроцентного вычета из заработка рабочих «на содержание сормовского церковно-приходского попечительства» и передачу его в рабочую кассу взаимопомощи.

Вот ответ правления: «Правление Акц. Об-ва, вносящее постоянно «свою лепту» на общее дело просвещения и воспитания детей рабочих, тем не менее считает, чтобы рабочие, желая обучать своих детей, сами принимали какое-либо участие в содержании школ. Без такого участия со стороны рабочих Об-во не берет на себя обязательства содержать низшие школы, при том же по программе земских школ, как «менее обширных», чем церковно-при-

ские школы». Устройство же высших технических заведений заводоуправление считает делом исключительно государственного значения и ведения. Вычет по одной копейке с рубля в пользу церковно-приходского попечительства заводоуправление не в праве отменить по своей воле, а передача вычета в кассу взаимопомощи не может быть произведена, ибо такая касса не существует. На случай же возникновения ее, вступившие в нее члены должны будут каждый лично за себя подать в кассу заявление о взносе на ее нужды той или другой части получаемого ими заработка от завода».

025365 Рабочие не удовлетворились этим «разъяснением» и сами взялись за разрешение этих вопросов. С этой целью была избрана «школьная комиссия», работавшая много дольше собраний уполномоченных. Работа «школьной комиссии», участников которой в настоящее время восстановить не представляется возможным, продолжалась до октябрьской забастовки. Проверка оправдательных документов по постройке каменной школы ревизионной комиссией, в которой были И. Плесков, В. Пискунов и др., за отсутствием некоторых документов, осталась неоконченной. Собирались летом раза 3—4. По вопросу о передаче школ из ведения церковного попечительства земству, рабочие ездили к председателю земской управы. Либеральный земец Зубков снабдил рабочих представителей документом о согласии земства на принятие школ Сормова в свое ведение. С этим документом рабочие направлены были к председателю губ. земск. управы Килевейну для скрепления документа его подписью.

Рабочие с документом земства ездили в Н.-Новгород, к Килевейну. Он, помимо прямого разговора о деле, выпытывал сведения о революционном настроении сормовичей, об организации правления рабочих на случай удачной революции и приезжал в Сормово поговорить и поразведать кое о чем. Эти заигрывания либералов в общем помогли рабочим оформить «законным порядком» дело о передаче школ в земство.

Но мытарства посещением рабочими Килевейна не окончились. С документом земства направились в духовную консисторию, оттуда к «викарному», а потом и губернскому архиерею. Прием у викарного был смешен, но результатов не дал, несмотря на его обещания сделать многое. Губернский же архиерей, продержав в приемной рабочих (были Плесков, Шмельков, Шимборский и др.) около часа (все были убеждены, что он наблюдал тайно) выслал своего секретаря с об'явлением отказа.

Формальный акт передачи после долгих мытарств по «пилатовым конторам» и парадным под'ездам был получен от Килевейна, который сам выхлопотал его через губернатора Фредерикса. Наконец-то школы фактически были переданы земству, а оно не препятствовало подбору педагогического персонала, по усмотрению организации. Организация РСДРП приняла живейшее участие в подборе учительского персонала и ею было намечено кандидатов 25—30. Все они были земством утверждены преподавателями школы (ныне школы № 3 и 5), сгоревшей в 1924 г., а чтобы между

учителями не было споров, кандидаты с.-р. человек 6—8 не были утверждены. Школа с подбором учителей начала свою деятельность. Дело о передаче школ тянулось по суду до 1912 г., но рабочие начали это дело всерьез и переделать его не удалось и в годы реакции.

Как в этом затяжном вопросе, так и в целом ряде других экономических вопросов работа уполномоченных носила затяжной характер, собрания созывались редко. Это тормозило работу. Администрация заводов на собраниях делала все меньше и меньше уступок. В конце-концов, всем стало очевидно, что переговоры с администрацией бесполезны, и после 17 марта институт уполномоченных окончил свое существование. Это не могло внести успокоения в рабочую среду, а заводоуправление предлагает 26 марта введение на заводе старост (на основании закона 10 июня 1903 г.) и 4 апреля — особо уполномоченных в церковно-приходское попечительство по вопросу о вычете 1%. Рабочие категорически отказались от такого разрешения возбуждаемых ими вопросов и указывают, что уполномоченные ими избраны и свои требования они заявили в «требованиях уполномоченных». Старост не избрали, а вопрос об 1% вычете в пользу церковно-приходского попечительства был перенесен в Александро-Невскую церковь (ныне школа № 5 семилетка имени Угланова) для совместного разрешения с верующими, а потом на общее собрание прихожан 3 апреля в собор, построенный на те же 1% вычеты.

Обсуждение вопроса об 1% вычете не обошлось без эксцессов. 31 марта, по окончании работ, рабочие подошли к главной конторе и через уполномоченных требовали отмены вычета, так как администрация отлынивала от разрешения этого вопроса. Полиция пыталась задержать одного представителя. Рабочие пустили в ход гайки и камни, представителя удалось освободить. Только после долгой, упорной борьбы с духовенством и верующими 8 апреля был отменен вычет 1% в пользу церковно-приходского попечительства, интересы которого защищало и правление акц. общества в Петербурге.

4. Революционная активность рабочих растет. Клуб под открытым небом

Революционное настроение рабочих росло и проявлялось не только в освобождении своих представителей, в разрешении вопросов о школе, явочном проведении рабочего дня, но и во многих других случаях. Так, 1 апреля в здании столовой, на лекции доктора Карманова «О мероприятиях против холеры», присутствующие 300—400 человек рабочих определенно высказались против попыток либералов увлечь такими лекциями на свою сторону рабочих. Во время лекции лектор был прерван словами: «Не время заниматься лекциями о холере, пора заняться рабочими вопросами». Присутствие на лекции полиции и ее поведение раздражало рабочих. Послышались возгласы: «долой полицию», раздались

со стороны рабочих револьверные выстрелы и... полиция бежала через окна столовой.

Наступила весна, и природа дала рабочим широкое, свободное помещение для собраний: рощу и лес. Весенний разлив Волги сормовичи, по традиции, старались использовать для катания на лодках, особенно молодежь, а рабочие постарше с семьями устраивали гулянья на берегу. У железнодорожного моста было всегда скопление катающихся на лодках и большое количество гуляющих. Так было и весной 1905 года. Организаторы удачно использовали эти скопления на чистом воздухе большого количества рабочих для устройства митингов. По окончании работ на заводе (после 6 часов вечера), рабочие группировались около железнодорожного моста и слушали выступающих с лодок ораторов.

Бдительное око полиции не обманывалось относительно гуляющих и катающихся в устье «Левинки». Всегда дежурил барказ, чтобы воспрепятствовать устройству демонстрации на лодках, по дворам подрядчиков, близ моста, в засаде находилась полиция. Митинги собирали 200—300 человек и вначале шли без вмешательства полиции, а последующие при приближении полиции расходились.

Особенно памятен митинг 28 апреля. Он начался пением революционных песен, раздачей прокламаций о жизни заграничных рабочих и праздновании ими первого мая. Ораторы говорили с лодок. Этот митинг спугнул большое количество рабочих. С лодок вышли на берег и, соединившись с гуляющими, организовали группу человек в 500, в центре которой пелись революционные песни и был выкинут красный флаг. В это время появилась конная полиция. Отступление на лодках было отрезано полицейским барказом. Демонстранты встретили конную полицию камнями и отдельными револьверными выстрелами, после чего полиция ускакала. Участники же митинга пошли с красным знаменем и пением революционных песен по железной дороге через Университетскую улицу (б. Соборная) на улицу Свободы (б. Большая дорога), ныне улица Коминтерна. По пути к демонстрантам присоединились рабочие, дойдя до угла Центральной улицы (Бузычкин переулок), против дома Чугурина и Бузычкина, демонстрация была встречена со стороны каменной школы конной полицией, а из Бузычкина переулка — пешей.

На предложение полиции «разойтись», демонстранты ответили возгласами: «долой полицию, долой самодержавие». Полиция дала залп в воздух, а в ответ на это демонстранты забросали полицию камнями, были и отдельные револьверные выстрелы. Полиция стреляла в демонстрантов и в результате были ранены. Вид раненых не испугал рабочих, а, напротив, они еще сильнее стали нападать на полицию и она принуждена была скрыться. По характеру ранения т. Командина, рабочие предполагали, что полиция была в засаде в доме Бузычкина на чердаке. Ранеными среди демонстрантов оказались: Толстикова, Дмитриев А., Командин Л. и др.

Так продолжало расти революционное движение среди рабочих под руководством РСДРП. Руководителями организации в Сормове были: Павлов, Жан (Сергеев), Ф. Рыбников, Л. Командин, Ф. Каюров, Ив. Чугурин и др. Из руководителей с.-р. того времени известны: Д. Старцев, Обрядчиков и П. Целовальников.

Сплоченность рабочей массы, ее правильные и организованные собрания, демонстрации, сознание рабочими своих сил, все это доставляло много беспокойства и хлопот «местным властям». Для поддержания своих сил власти ввели усиленную охрану, стягивали полицию со всей губернии, в Сормово были вызваны казаки. Полиция готовилась не допустить празднования 1 мая.

Рабочие усиленно готовились к этому дню. Партийная организация устраивала митинги в лесу. Разъяснялось значение этого празднования, в цехах с той же целью распространяли прокламации с призывом к организованному выступлению.

30 апреля началась атака со стороны властей. Утром было передано в канцелярию Сормовского пристава из Нижнего-Новгорода телефонное распоряжение о производстве обысков и целого ряда арестов партийных товарищей. Это распоряжение властей было перехвачено через контору общества потребителей, где пользовались присоединением телефона для подслушивания полицейских распоряжений. Товарищи, подлежащие налету властей, были предупреждены и сумели укрыться от ареста. Организация, благодаря своевременному получению предупреждений, не подверглась разгрому: при обыске многого не нашли и аресты были случайные.

Силы были неравные и организация, чтобы сохранить в дальнейшем за собой руководство рабочей массой, решила не устраивать демонстраций 1 мая. 1 мая 1905 года в Сормове прошло в прогулках рабочих по улице Коминтерна (б. Большой дороге). Некоторые товарищи разбрасывали прокламации, кое-где пели революционные песни—все это держало полицию на-чеку.

Организация того времени с целью продолжения начатой агитации среди рабочих, с целью углубления политического их развития использовала все возможности. По спаде воды митинги были перенесены в лес, поближе к природе и подальше от полиции. Митинги получили форму пикников, где устраивали и украшения, и буфет, что привлекало и средства на нужды организации. Так началась полоса митингов. Пикники возбудили интерес среди широкой рабочей массы и сначала по воскресеньям, а затем и ежедневно, после работы рабочие потянулись к лесу, чтобы услышать ораторов, говорящих о свободе, об организации рабочего класса. Эту тягу рабочих организация задумала использовать для устройства митингов поближе к Сормову. Такое место нашлось у заводской больницы в бывшей тут роще (ныне почти вся вырублена). Место это было близко к жилищам рабочих и в то же время на окраине, откуда можно было укрываться от полицейских и казачьих раз'ездов. Первоначально, после работ, стали собираться

организованные товарищи. Они читали вслух известия о рабочей жизни и событиях, поясняли их тут же, чем и привлекали к себе группы гуляющих рабочих. Иногда вместе с газетой прочитывали и прокламацию, в таких группах велись и споры. Создавалась обстановка для общих митингов. Скоро на этом месте организация организовала общий митинг, собираться здесь вошло у рабочих в привычку. Назначили хорошего оратора и митинг собрал много рабочих. С этого времени и начались ежедневные митинги, собиравшие иногда до 6000 рабочих. Митинги обыкновенно начинались часов с 7 вечера и продолжались до темноты, примерно, часов до 10—12 ночи.

Первоначально выступления ораторов носили бессистемный характер и касались, как политических, так и экономических вопросов. Была установлена очередь выступлений ораторов от партий: один день—большевики, один день—меньшевики и один день—с.-р.

Ораторы того времени: «Лопата» (Десницкий—большевик)—прочел цикл лекций в 8 вечеров о цене, ценности и прибавочной стоимости, «Орлик» (меньшевик) говорил преимущественно агитационные речи, «Алексей Иванович» говорил о конституционном праве, далее—выступал «Платон Лебедев» (Керженцев—большевик), Калашников и др. Из с.-р.—Колосов говорил об аграрной программе, часто начиная свою речь религиозным подходом.

Митинги привились, установленный порядок выступлений ораторов по очереди нарушался иногда дискуссиями, прибывающими вновь ораторами: так, например, было с приездом писателя Тана (Богораза). Форма организации, предположенная им, вызвала большую дискуссию между Сормовскими организациями и Таном. В этот вечер дискуссия не была закончена и перенесена в лес на праздничный день для партийных и активных работников. Тану, собственно говоря, пришлось лишь сделать небольшой доклад в 10—15 минут, а остальное время он сидел и слушал спор между «Лопатой» и Колосовым.

Митинги ежедневно продолжались около 2-х месяцев и для большинства рабочих не прошли бесследно: они подняли революционное настроение. Нередко этот революционный подъем духа рабочих выражался в дружном протесте против самодержавия.

Место митингов настолько популяризировалось, что превратилось в своего рода клуб под открытым небом, в открытую аудиторию, где рабочий осознал свою роль, свое классовое назначение.

Здесь иногда решались вопросы, вносимые с цеховых собраний, при чем эти митинги-собрания были так авторитетны, что рабочие им подчинялись беспрекословно.

Приведем пример с железнодорожниками. Рабочие железнодорожного отдела подвижного состава выставили администрации ряд справедливых требований. Тут было требование и о введении

третьей смены, и об увеличении заработка, и о вежливом обращении, и об удалении заведывающего Энаковского и ряд других.

Администрация заводов не удовлетворила эти требования и железнодорожники, не сговорившись с другими организациями, объявили забастовку. Это вызвало необходимость обсуждения вопроса за больницей, на митинге. Здесь выяснилось, что такое неорганизованное выступление распыляет силы рабочих, и общее собрание, несмотря на справедливость требований железнодорожников, решило прекратить их сепаратное выступление. Решение митинга железнодорожниками было исполнено.

Местные власти, имея в своем распоряжении вооруженную силу, помещали вблизи митинга 50—60 полицейских и полсотни казаков (полиция в казармах за больницей—ныне конный двор СЦРК, а казаки в сгоревшей школе № 5). Полиция раз'езжала около собраний, но попыток к разгону их не делала. Организация все же принимала меры предосторожности на случай нападения: выставлялись патрули из членов боевой дружины, активные и партийные рабочие имели при себе оружие. Чтобы углублять работу среди широких масс рабочих и привлекать их к организации, чтобы вовлечь массы рабочих в развертывающиеся исторические события, чтобы сберечь силы для общего выступления, организация согласовала действие своих членов (большевиков и меньшевиков).

— «В других городах погромы, а у нас (в Сормове)—митинги, открытые собрания,—говорили партийные ораторы,—мы должны сберечь свои силы, чтобы выступать организованно против самодержавного гнета».

Поэтому революционный путь борьбы меньшевиков и большевиков того времени в Сормове был связан этой общей задачей: организация не допускала споров партийных на митингах, а выносила дискуссии в лес, в среду организованных рабочих. Основная обязанность всех членов организации—как можно больше захватить, вовлечь в борьбу широкие массы рабочих.

Между партийцами—членами РСДРП возникли горячие споры, так как был ряд неразрешенных вопросов. Это были вопросы о демократизме в партии, о всеобщей политической стачке, о вооруженном восстании, о борьбе с буржуазией, о захвате власти. Эти вопросы обсуждали, дискуссировали в лесу, на собраниях активных партийцев.

С.-р. усиленно агитировали и пропагандировали свою программу. Они распространялись о наделении крестьян землей, об улучшении экономического быта рабочих через Учредительное Собрание, о политических свободах, но не отвечали на основные вопросы рабочих о роли и значении пролетариата в революционной борьбе с капиталом и буржуазией, о его роли при захвате власти, т.-е. не отвечали на основные вопросы. Все партии сходились на одной общей цели: на штурме самодержавия.

5. Экономические требования рабочих

В этот период на заводе пред'является целый ряд требований отдельными цехами. Администрация настаивает на избрании старост, рабочие отказываются, ссылаясь на то, что депутаты были избраны и требования рабочих пред'явлены. По заводу чаще расклеиваются объявления администрации: «Сим объявляется рабочим цеха, что договор найма с ними, на основании ст. 105 устава о промышленности, расторгается и все рабочие немедленно увольняются. Расчет по поденному подсчету за месяц будет произведен в конторе по найму рабочих...» В июне такие объявления были вывешены в чугунно-литейном, медно-литейном, мостовом, швеллерном, вагонно-классном и др. цехах.

Заводоуправление 2 июня вывешивает такое объявление:

«Начиная с января с. г. в различных цехах завода рабочие всей мастерской или отдельными группами стали пред'являть различного рода требования, как по вопросам, касающимся нужд их цеха, так и по вопросам обще-заводского характера.

Невозможность надлежащим образом обсуждать пред'являемые запросы повела к тому, что некоторые из цехов были временно закрываемы и рабочие отпускались. Такое положение продолжалось до конца февраля с. г., когда рабочими всех цехов были выбраны депутаты для пред'явления заводоуправлению от имени уполномочивших их рабочих заявлений и для обсуждения таковых. Результатом обсуждения общезаводских нужд рабочих—было изменение целого ряда пунктов правил внутреннего распорядка, как-то: уменьшена продолжительность рабочего дня, по субботам и накануне больших праздников работа оканчивается в 2 часа дня; назначена с 1 июля с. г. еженедельная расплата с рабочими, отменен штраф за прогул в течение трех дней; отменены обыски и т. д.

Что касается цеховых нужд, то было урегулировано по всему заводу поденное жалование рабочих, распределение сдельного заработка, пересмотрены расценки на многие работы, по которым были возбуждены те или иные запросы, и введены некоторые новые расценки на работы, производившиеся ранее исключительно по нарядам. Для возможности в дальнейшем обсуждать с рабочими их нужды, им было предложено избрать из своей среды цеховых старост, согласно законам 10-го июля 1903 года, ибо избранные, согласно правил, уполномоченные значительно расширяют круг своей деятельности и могут действовать более самостоятельно. В настоящее время во многих цехах снова возбуждаются различные вопросы, но, к сожалению, рабочие этих цехов не желают пользоваться выработанными способами ведения своих сношений с заводоуправлением. Вместо того, чтобы обращаться по каждому вопросу за разрешением его к заведующему цехом или же, в случае неудовлетворения их прошения, к заводоуправлению—рабочие бросают работу, собираются общими массами, отказываются выбирать уполномоченных, короче,—не желают ввести какой бы то ни было порядок в их сношениях с заводом. Но так как для заводоуправления сношения с рабочими возможны лишь при условии, что порядок в мастерских и по всему заводу не будет нарушен, то следствием такого поведения рабочих неизбежно явится закрытие отдельных цехов. Принимая же во внимание, что работы некоторых цехов тесно связаны с производительностью целых отделов, весьма вероятно, что такой порядок вещей повлечет за собой приостановку действий всего завода. Во избежание таких последствий, заводоуправление настоятельно предлагает рабочим всех цехов немедленно выбрать старост или уполномоченных для ведения их

дел и предупреждает, что принятый рабочими способ не может повести к мирному и спокойному решению, возбуждаемых ими вопросов, и сборища в цехах или возле главной конторы останутся безрезультатными».

Значение борьбы этого периода объясняет прокламация:

«Ко всем рабочим Сормова и Н.-Новгорода», издание нижегородского комитета РСДРП.

«Пролетарии всех стран, соединяйтесь!»

Стачка на заводах и фабриках Нижнего-Новгорода окончилась. Рабочие одержали частичную победу: хозяева уступили и исполнили часть тех требований, которые предъявили им рабочие. Сокращен рабочий день на папиросных фабриках Аппака и Тришкана, на заводах «Славянии» и Пфора, введен 8-часовой рабочий день на заводе Персиц, на заводе Курбатова—по субботам работа оканчивается в 2 часа, повышена заработная плата у Тришкана, Аппака, «Славянина». Введен свободный день в неделю и повышен расценки во всех типографиях. Удовлетворены требования служащих в аптеках Вильбушевича, Матвеева, Гейнце. Но не везде удалось рабочим столкнуть с своих плеч хоть частичку того гнета, в котором держали их целые годы их угнетатели—хозяева. На мельницах Башкирова, на заводах Доброва, Мейера, в большинстве аптек—все остается по старому, служащие аптек продолжают еще бастовать и хозяева упорно отстаивают свои права—грабят и угнетать рабочих.

Нужна, товарищи, долгая и упорная борьба, чтобы шаг за шагом отвоевать у капиталистов-хозяев наши права, завоевать себе право жить, как живут люди. Мало этого, только отчаянной борьбой отразим мы все новые попытки хозяев отнять у нас обратно то, что вырвали мы из их рук. Чуть ослабевают наша борьба, чуть слабеет наш товарищеский союз, как снова опускается на нас тяжелая рука хозяина-угнетателя. И это мы видим постоянно. Петербургские рабочие своей могучей стачкой 1896 года добились издания закона об 11 с половиной часовом дне, но окончилась стачка, и снова фабриканты почувствовали, что сила в их руках, что с рабочими, которые не связаны в одно целое, не объединены в прочный союз, они легко справятся. Так, конечно, и стало и закон об 11 с половиной час. раб. дне так и остался существовать только на бумаге, а потом правительство внесло в этот закон целый ряд изменений и все вернулось к старому, к тому, что было до стачки. То же мы видим и у нас в Нижнем. Типографии Машистова, «Волгарь» рассчитывают рабочих и нанимают новых на старых условиях. Машистов и Жуков знают, что теперь рабочие не объединены, у них нет уже той силы, которую они имели во время стачки, благодаря тому, что шли все вместе, боролись, как один человек, а раз этого нет, раз рабочие разединены, значит сила на стороне хозяев, значит хозяева попрежнему закабалят рабочего.

Да, товарищи, только в товарищеском союзе наша сила, только связанные в союзы можем мы успешно бороться с хозяевами. А чтобы прочны были плоды нашей борьбы, чтобы хозяева не отбирали у нас обратно то, что мы вырвали у них своей борьбой,—необходимо, чтобы наш союз был не временный, чтобы мы были объединены не только на время стачки, надо, чтобы мы всегда могли силе хозяев противопоставить силу объединенных рабочих, надо, чтобы хозяева знали, что перед ними не разобщенные рабочие, а товарищеский союз, который готов бороться за всех и каждого. Словом, наша борьба будет успешна и наши завоевания будут прочны лишь тогда, когда мы объединимся в постоянные рабочие союзы. А всякий союз может держаться и расти, когда члены его могут свободно собираться, свободно говорить о своих делах, о своих нуждах, свободно издавать свои газеты. Открытые рабочие собрания, рабочие газеты будут постоянно напоминать каждо-

му из нас, как одинаковы у всех нас интересы, как одинаково угнетают нас капиталисты, как важно для нас бороться дружно, как один человек. Наши собрания, наши газеты будут звать в наши ряды еще малосознательных товарищей. Наш союз будет расти, будет крепнуть сила рабочего класса, все успешнее будет борьба с хозяевами-капиталистами. И эта борьба тем более успешна будет для нас, чем меньше полицейских пут будут опутывать руки борцов. Покуда за стачки нас бросают в тюрьмы, покуда рабочий-стачечник считается преступником, которого надо бить нагайками, расстреливать царскими пулями, до тех пор наша борьба с хозяевами будет до невозможности трудна. Только, когда стачки будут признаны законным средством борьбы рабочего класса, только при свободе стачек для борьбы рабочего класса откроется широкое и свободное поле. Значит, чтобы наша борьба с хозяевами-капиталистами была успешна, чтобы силе хозяев мы могли противопоставить еще большую силу рабочего класса, нужна свобода союзов, свобода слова, свобода печати, свобода стачек и неприкосновенность личности. Эти требования рабочего класса всегда заявляла и за них боролась Росс. Соц.-Дем. раб. партия. Эти требования заявили и наши петербургские рабочие.

Правительство, напуганное грозным восстанием петербургского пролетариата (9 января), хотело поймать рабочих на удочку, дать им, как детям, игрушку — пусть позабавятся. Оно назначило для выяснения нужд рабочих комиссию Шидловского. И вот, когда собрались рабочие-выборщики, избранные почти всеми рабочими Петербурга, то они заявили: что, главное, в чем нуждаются рабочие России, это — свобода слова, печати, союзов, стачек, неприкосновенность личности. Нужна свобода рабочим, чтобы вести широко и свободно борьбу против угнетателей капиталистов. На эти требования правительство ответило отказом и теперь снова остановились все фабрики и заводы Петербурга.

Рабочий класс силой завоеует себе свободу и понятно, почему царское правительство ответило отказом на эти требования рабочих. Согласие на них — есть смерть самодержавному правительству. Оно может существовать, лишь заковав весь народ в цепи полицейского произвола. Оно отдало весь народ во власть царских чиновников, и чиновники эти стоят над безгласным народом, как темный лес. Простому рабочему человеку никогда не пробраться через этот лес, никогда не добиться правды. И только тогда, когда законы будут издавать не чиновники, а выборные от всего народа, только тогда рабочие завоеуют себе право союзов, свободу слова, печати, стачек. Потому что, только депутаты рабочих будут отстаивать эти необходимые рабочему классу права. Значит, чтобы наша борьба была успешна, нам необходимо, чтобы весь народ имел право распоряжаться своими общенародными, государственными делами, чтобы весь народ имел право выбирать своих депутатов, которые одни должны иметь право издавать все законы, назначать все налоги и подати, назначать и сменять чиновников. Словом, нам нужна политическая свобода.

Вот почему рабочие всей России выставляют требование: «Долой самодержавие», «Да здравствует политическая свобода». Вот почему требование созыва народных представителей должно стать общим требованием всего рабочего класса. Пусть народ сам выберет по всей России своих депутатов. Пусть эти депутаты составят верховные собрания, учредительное собрание, оно учредит выборное правление на Руси и обеспечит народу право свободных собраний, свободной речи и свободной печати. И тогда борьба рабочего класса развернется во всей силе и мощи и под напором революционного рабочего класса падет царство гнета одного класса другим классом, уничтожен будет гнет капиталистов над рабочим.

Долой капиталистов! Да здравствует социализм! Да здравствует учредительное собрание!»

6. Первая полугодовщина „Кровавого воскресенья“

Наступил июль. Время с 1 по 9 июля было посвящено агитации, как на митингах, так и по заводу о полугодовщине расстрела питерских рабочих 9 января. Были выпущены прокламации с призывом к рабочим отметить 9 июля всеобщей однодневной забастовкой и устройством демонстрации.

Сбор был назначен в дубовой роще, ниже того места, где были обычно митинги, позади домов, у речки, к 10 часам утра. Организация призывала рабочих приходить в этот день вооруженными револьверами на случай могущего быть нападения со стороны полиции и казаков.

День 9 июля в Сормове был днем организованного выступления пролетариата: весь завод не работал, железнодорожное и пароходное сообщение с Нижним-Новгородом было прервано, торговли в Сормове никакой не было. Призыв организации явиться на демонстрацию вооруженными напугал население и к назначенному времени на улицу масса населения не вышла. Можно было видеть лишь партийцев и активных рабочих, идущих к назначенному времени и месту. На место сбора явилась боевая дружина большевиков—20 человек и с.-р. человек 10 с бомбами и револьверами. Всего собралось человек 150, было 5 знамен: 2 черных и 3 красных.

Собравшиеся развернули знамена и открыли митинг. Говорили о значении расстрела питерских рабочих 9 января. Власти приняли меры к недопущению демонстрации. Казаки полсотней построились цепью около домов, полиция человек 20—30 загромождала дорогу к Дарьинскому мосту, а солдаты полуротою подходили со стороны школы (ныне сгоревшей) к митингу.

Не доходя несколько сажень, солдаты по команде были остановлены; от них отделился офицер, а навстречу ему выступил начальник боевой дружины П. Мочалов. Начались переговоры, которые привели к тому, что офицер приказал разойтись. Ему собравшиеся ответили отказом. Так продолжалось до трех раз, после чего офицер отдал приказ солдатам окружить собравшихся. С ружьями на перевес солдаты начали окружать митинг. Некоторые невьдержанные участники митинга бросились бежать через болото и речку к Дарьину, а остальные свернули знамена и сели. Солдаты прикладами заставили встать сидящих, окружив, отвели собравшихся с этого места на место обычных собраний за больницу, там разомкнули свое кольцо и ушли в казармы. Собравшиеся рабочие продолжали митинг около часа, пропели похоронный марш и спокойно разошлись с тем, чтобы часа через 2—3 собраться вновь.

Место митинга после ухода активных рабочих стало заполняться новыми рабочими, не бывшими на демонстрации, а также гуляющими. С прибытием участников демонстрации вновь выступили ораторы «Лопата», «Алексей Иванович», «Геннадий»,

«Борис», Колосов. Митинг продолжался до поздней ночи. При исполнении похоронного марша один из членов боевой дружины не снял головного убора, как это все сделали. Руки боевика были заняты бомбами. Окружающие рабочие были возмущены таким невниманием, но по объяснении причины успокоились.

По окончании митинга, когда большинство собравшихся уже разошлись, вновь появилась конная полиция и настойчиво требовала очищения места митинга. В это время кем-то была брошена под ноги лошадям бомба, которая, ударившись о землю, близ больничного забора, взорвалась. Силой взрыва вырыло яму, повредило забор и легко ранило лошадь.

Так прошла первая полугодина расстрела питерских рабочих.

7. Черная сотня за работой. Похороны первых жертв революционной борьбы

10 июля во время обычного ежедневного митинга из Нижнего пришел товарищ с известием, что там происходит погром. Погром в Н.-Новгороде начался за Народным домом, где рабочие города собирались на митинг. Погромом руководил Ганохин, трактирщик Журавлева, Ключев и поп Орловский, а участники были—грузчики, ломовые извозчики, переодетая полиция. Погром начался днем и продолжался до вечера. Были убитые, в числе которых аптекарь Гейнце. Громилы, расходясь, говорили, что будут громить еще два дня.

Собрание, выслушав такое известие, обсуждало его недолго—решили дать отпор погромщикам и с этой целью поехать на ночь в Нижний. Тут же нашлись желающие, которые и отправились в эту ночь в город. Собрание на этом не успокоилось и вынесло решение, чтобы имеющие оружие утром отправились в Нижний, и как начнется погром, дали бы знать в Сормово. Сормово же, как только услышит о погроме, прекращает работу и прямо из завода идет в Нижний.

На другой день (11 июля) с утра до обеда потянулись из Сормова кучками вооруженные товарищи, кто—на пароходе, кто—на поезде, а кто и пешком. Начальник боевой дружины с одной частью остался в Сормово, а другая часть ушла в Нижний.

Всего отправилось в Нижний около 100 сормовичей. Сормовичи, кроме револьверов, имели несколько бомб, которые были замаскированы в корзиночках малиной. Бомбы в ход пустить не пришлось, потому что во время погрома эти товарищи были на Верхнем базаре, а пройти оттуда на Нижний Базар было невозможно: все съезды были заняты полицией, которая никого не пускала.

Нижний в этот день представлял из себя мертвый город. Магазины были закрыты, по улицам движения не было. Только сормовичи да шпики виднелись на улицах; при таких условиях день провести в Нижнем было трудно.

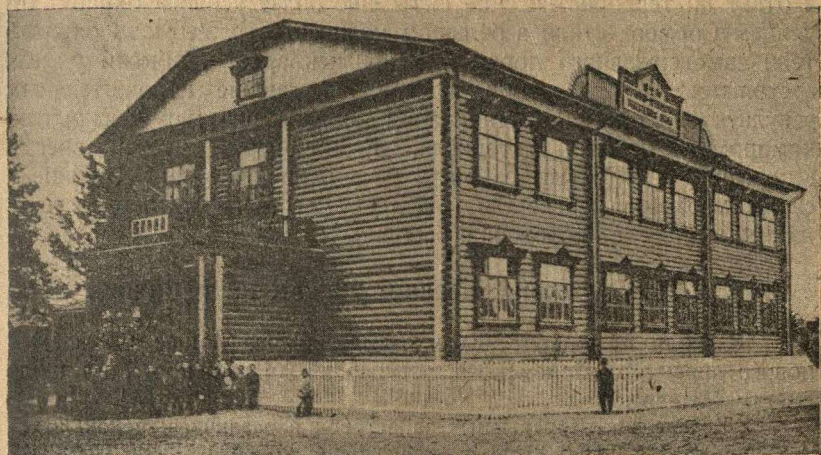
В середине дня стали понемногу открываться магазины и пробуждаться жизнь Громилы появились на улицах ближе к вечеру, но они вели себя тихо, хотя и собирались кучками.

Наступил вечер, и дальше сормовичам оставаться в Нижнем не представлялось возможным; решено было в 8 часу отправляться домой таким же порядком, каким и прибыли.

Погромщики, видя, что сормовичи расходятся, стали держать себя наглее и в 9 часу началось избиение. Избиение началось с Балчуга, где пострадали сормовичи А. Минин и Г. Котов. Котова в бесчувственном состоянии отправили в больницу, а после излечения перевели в тюрьму. С Балчуга погром перекинулся на Нижний Базар и Набережную. Захваченные в этом районе сормовичи дали должный отпор погромщикам, но, ввиду малочисленности и наступившей темноты, должны были отступить. В этой схватке на Набережной был убит член Сормовского Коллектива Л. Командин и член боевой дружины А. Дмитриев.

После Нижегородского погрома сормовская полиция усиленно проявляла репрессивные действия, выражавшиеся в требовании с наступлением сумерек удаляться всем с площади митинга. В ответ на грубые действия полиции при разгоне активных рабочих, оставшихся после митинга, в один из ближайших вечеров, членами боевой дружины на этой площади были брошены три бомбы в полицию. Бомбы полиции не причинили вреда. 12 июля в 11 часов вечера взорвавшейся бомбой у здания Ремесленной школы (ныне сторевшей) был убит Андрей Ефремов и ранен в ногу Н. Постановов.

11 июля А. Ефремов и Постановов совместно с другими товарищами ездили в Нижний и сделались свидетелями вечернего погрома, когда были убиты Дмитриев и Командин. Начавшаяся ли реакция или пропаганда террористических актов на митингах, убийство ли товарищей озверевшей погромной толпой, или иные какие-либо причины заставили этих двух товарищей забыть дисциплину и бросить бомбу в помещение полиции. Ефремов и Постановов были членами РСДРП. Организации не удалось установить, где была взята бомба. По одной версии взрыв бомбы произошел от падения Ефремова, в руках которого была бомба, а по другой—Ефремов был подстрелен часовым у помещения школы, где находились казаки, и при его падении бомба взорвалась. Ефремов был разорван. По фотографии, снятой полицией, у тов. Ефремова была оторвана правая нога в паху, прорвана часть живота, раздроблена левая рука в трех местах и на виске имела пулевая рана. Постановов при этом был ранен осколком бомбы в колено и в горячах нашел в себе достаточно сил доползти до ближайшего дома, где и был скрыт. На другой день товарищами он был перевезен на Пески, в квартиру М. Н. Князева, где и производилось лечение его около двух недель. Труп тов. Ефремова ночью схоронен полицией на кладбище.

Здание Ремесленной школы (сгорела). Здесь помещался казачий штаб.
Около этой школы погиб А. Ефремов.

15 июля в Сормове состоялись похороны убитых товарищей—Командина и Дмитриева. Трупы их губернская администрация решила взять из Нижнего и похоронить в Сормове. Эти похороны превратились в грандиозную противоправительственную демонстрацию. Сормовский и Варинский заводы, а также общество потребителей, не производили работы.

Из Нижнего гроба с убитыми были доставлены к сормовскому вокзалу на лошадях. Здесь их встретили партийные и более активные рабочие, взяли гроба на руки и так на руках несли весь путь. Во время пути до Сормова подходили все новые группы сормовских и варинских рабочих. В сопровождении громадной массы рабочих гроба, по настоянию родителей, пронесли в собор, где было отпевание убитых. После отпевания гроба с убитыми, в сопровождении еще большей массы рабочих, с черными и красными знаменами, с пением «вечная память», понесли большой дорогой к кладбищу. На похоронах присутствовало от 7 до 8 тысяч. На могиле убитых были произнесены речи; одним из выступавших был «Орлик». Во время одной из речей была попытка провокации: кто-то крикнул «казаки», присутствующие на провокационные выкрики не обратили внимания. Был произведен денежный сбор в пользу семей убитых и все разошлись с кладбища по домам. На пути шествия нигде не было видно ни казаков, ни полиции. Насколько похороны товарищей были по тому времени грандиозны, видно из слов одного из провожавших попов, который выразил желание сейчас же умереть, если бы ему устроили такие же похороны. Рабочие ответили ему, что такие похороны надо заслужить так, как заслужили их убитые товарищи.

Взрыв бомбы и смерть Андрея Ефремова не подействовали устрашающе на реакцию, как некоторые об этом думали. Реакция

в ответ на террористические акты еще более усилила охрану: по улицам Сормова стали в большом количестве раз'езжать охранители самодержавного порядка. Усилились аресты, обыски у лиц, состоящих на подозрении, правда, не давшие положительных результатов, так как организация приняла ряд мер к скрытию компрометирующего материала. Реакционеры, чтобы внести дезорганизацию в ряды рабочих, не ограничились лишь полицейскими мерами, а прибегали к более существенному воздействию на экономическое положение рабочих.

8. Новый экономический нажим на рабочих

18 июля по заводу было расклеено следующее об'явление нового директора Приемского, вступавшего в должность с 1 июля вместо Мещерского:

Вследствие непрерывных забастовок в различных цехах, в течение мая, июня и июля и пред'явления определенными группами рабочих разных требований, сопровождавшихся в большинстве случаев остановками в работах, нарушался правильный порядок производства заводов. Весь июнь месяц и часть июля не работали швеллерный и мостовой цеха, а с 1 июля забастовал медно-трубный цех и 7 июля остановилась работа в паровозной кузнице. Кроме того, нарушение порядка непрерывности работ на сталелитейных печах, которые не работают по воскресным и праздничным дням, производит задержку в снабжении цехов металлом, ухудшает его качество и делает производство убыточным. Медно-трубный цех, отказавшийся исполнять обязательные правила заводоуправления, относительно разделения этого цеха на группы по специальностям, несмотря на то, что правила эти введены вследствие требований самих рабочих, выраженных господину фабричному инспектору и записанных им в соответственную книгу, как имеющие целью правильный порядок работ и общую пользу, не только забастовал, но угрозами и насилиями, бастующие рабочие препятствуют вступить на работу желающим. При таких условиях выпуск паровозов, пароходов и др. изделий заводов, являясь невозможным и завод, не получая платежей от заказчиков, лишается средств на содержание рабочих.

На основании изложенного, сим об'является, что через две недели с сего числа, а именно с 1 августа, завод закрывается на неопределенное время, а всем мастеровым и рабочим будет выдан расчет.

Открытие завода в будущем возможно лишь при условии, что вновь поступающие рабочие будут точно соблюдать условия найма, порядок производства работ и правила внутреннего распорядка, изложенного в их расчетных книжках».

На случай самовольного начала работ на заводе на время остановки его администрацией была организована охрана из сторожей, полиции, вольной пожарной дружины, рабочих грузчиков. Для охранников было приготовлено большое количество водки, хлеба и колбасы. Охрана была вооружена различным способом: полиция винтовками, остальные ломami, топорами, а для пожарников в котлах железо-прокатного цеха был приготовлен пар для нагревания воды, «на предмет ошпаривания» рабочих через пожарные машины.

Труп Андрюши Ефремова.

Разумеется, только пьяная охрана могла применить все намеченные меры. Рабочие оказались организованными, и администрация, продержав охрану в пьяном состоянии в течение двух недель, лишь напрасно израсходовала средства. С остановкой завода 1 августа рабочие в завод не допускались, кроме служащих. Служащие в большинстве своем находились в лучших условиях. У них был короче рабочий день, им ежегодно выдавались награды, к ним было лучше личное отношение администрации. Администрации необходимо было усилить антагонизм между рабочими и служащими: служащие не были уволены.

Выдача заработка рабочим в окончательный расчет производилась в течение 1, 2 и 3 августа, по особому расписанию, вне стен завода, у главной проходной. Расчет больно ударил рабочих, большинство из них получило пустые расчетные книжки, а денег — ни монеты.

Причиной этому было то, что с рабочих удерживали не только тот кредит, какой они брали в ссудо-сберегательной кассе, а и то, что с них причиталось за поручительство за своих товарищей. Все рабочие брали долгосрочный кредит на устройство жилищ, покупку одежды, свадьбы, похороны и проч., т. к. заработной платы хватало лишь на самое необходимое. Своей зарплатой рабочий не мог расплатиться, т. к. он по условию принимался только на две недели, а поэтому для обеспечения уплаты необходимы были поручители. К этому надо добавить, что лишь 12 июля директор объявил о том, что выдача 10.000 рублей на руки (10.000 рублей пожертвованы были «хозяевами» 5 июля в ознаменование выпуска 1000-го паровоза), согласно желания самих рабочих, выраженного в петиции в феврале с. г. от их уполномоченных, не может быть произведена. 10.000 рублей внесли в Госбанк на имя фонда кассы взаимопомощи для сормовских рабочих.

Рабочие остались без работы и без денег. Но этим дело не ограничилось. Рабочим был преподнесен еще сюрприз. Совет сормовских школ извещал, что с прекращением уплаты 1% в церковно-приходское попечительство, в предстоящем учебном году за обу-

чение своих детей рабочие должны были внести плату в размере от 10 до 20 рублей за год обучения.

Так, все вело к тому, чтобы разрознить рабочих, чтобы прекратить влияние партийных рабочих на массы.

Живая связь организации с массами порвалась. Часть рабочих раз'ехалась по деревням, вести агитацию нигде, кроме мастерских, нельзя было. В мастерских организованные рабочие пользовались всяким моментом отдыха, каждым перерывом работ для революционной агитации. Малочисленная организация собрала все свои силы и не выпускала руководства оставшейся частью рабочих. Организация созывала нелегальные собрания партийных товарищей. Было два собрания в Мышьяковском лесу (по пути в ярмарку). На одном присутствовало человек 50, а на втором человек 100. Одно из собраний было разогнано казаками, при чем при разгоне арестовали несколько человек, в том числе В. Романова, но арестованных выпустили в тот же день.

Кроме нелегальных собраний, устроили два собрания рабочих фасонно-сталелитейного цеха в бывшем лесу у старообрядческого кладбища. Собрание это было созвано в связи с решением администрации завода пустить этот цех раньше открытия работ всего завода, так как требовалось срочно выпустить изделия этого цеха. На собраниях обсуждались вопросы о начале работ одним цехом, а не всем заводом, об условии приема на завод, о недопущении при приеме просеивания рабочих, об условиях работ, о понижении расценок. В связи с открытием работ лишь одного цеха, на эти собрания были привлечены активные рабочие других цехов, и собрания количественно доходили до 250—300 человек.

На первом из этих собраний была избрана комиссия для пред'явления администрации требований рабочих: пуск всего завода, приемка всех рабочих без просевки, оставление старых расценок и ряд других.

После переговоров комиссии с заводоуправлением, на втором собрании решено было согласиться с предложением заводоуправления о начале работ фасонно-сталелитейным цехом на старых условиях, но с тем, чтобы другие цеха постепенно были открыты в течение не более одной недели. Такое промедление администрация объяснила технической невозможностью одновременного пуска всего завода, что, по мнению рабочих, было лишь дипломатическим приемом, так как были случаи одновременного пуска всех цехов. Вслед за началом работ этих цехов, администрация других цехов начала приглашать персонально ряд рабочих, при чем вводила новые условия работ с пониженными расценками и новые правила внутреннего распорядка. Таким путем с 25 августа начал работать весь завод.

Перед открытием завода директором Приемским издан циркуляр (от 15 августа) и объявление, характеризующее положение и взгляд администрации. Объявление к печатанию разрешено вре-

менно исполн. должность уездного исправника по селу Сормову Петровым.

В циркуляре 15 августа говорилось следующее:

«Приступая к постепенному открытию заводских работ, напоминаю г.г. начальникам отделов, заведующим цехами, мастерам, счетоводам, чертежникам и др. служащим, снабженным от своих начальников присматривать за разными производствами в заводах, что закрытие завода с 1 августа отозвалось не только тяжелым наказанием для рабочих, но и слишком опасным испытанием для правления Общества «Сормово», которое, не допуская с завода ожидаемую производительность, в одном только июне затратило на расплаты на 740.000 р. больше, чем выработали заводы. Всем известно, что внешняя агитация вызвала безалаберное настроение забастовок рабочих, однако, в последние месяцы, работы шли особенно вяло и в тех цехах, где не было забастовок. При этом, некоторые наши сослуживцы, под влиянием страхов, большей частью неосновательных, уединялись от рабочих, боялись обращаться к нарушителям правил с законными замечаниями и требованиями. Действуя таким примером на своих сослуживцев, эти лица оставляли рабочие массы без руководства, развивая, даже среди лучших людей, безразличное отношение к происходящему, столь пагубное для дела. Лица, от которых требуется управление, обязаны не бояться пред'являть законные требования тем, кому это кажется неисполнимым. Лучше идти на другую службу чтобы с новым открытием завода не повторять бывшего положения, которое может привести все дело к упадку. Способствовать под'ему работоспособности, настоящим не только прошу, но настоятельно требую, как от главных моих сотрудников, так и от всех помощников их, чтобы они внушили всем своим подчиненным, кому это письмо не будет послано, следующее: 1) Действовать личным примером на рабочих, для чего неуклонно исполнять требования циркуляра от 11 января с. г., относительно прихода на службу в указанные часы и, по возможности, без опозданий. 2) В течение дня обходить несколько раз свои цеха, быть на деле ближе к людям, знать, по возможности, всех своих людей, не только обращать свое внимание на качество выделяемых вещей, но и не стесняться лично делать замечания, когда происходит нарушение заводских правил. В этом отношении прошу также обращать особое внимание на нетрезвое поведение рабочих и проч., что объявлено мною печатно всем рабочим в расклеенном по заводу объявлении. Всякое закономерное замечание, имеющее целью доброе намерение, действует и на испорченных людей очень хорошо, если даже замечание будет выражено в резкой форме. 3) Распоряжаться и следить, чтобы никогда не было случаев оставления без присмотра и руководства рабочих групп. Обращаю на это внимание потому, что в некоторых мастерских видел по десяткам людей, сидящих и даже лежащих в рабочее время, около мастерских. Я наблюдал даже, что десятки рабочих, присланные за материалами в другой цех, сидят без дела по часам, якобы на счет материала, имея полную возможность не задерживаться. При телефонах эти нарушения слишком легко устранить. 4) По отношению одного цеха к другому, считаю самым важным, чтобы начальник цеха ставил первым условием своей деятельности интересы своего завода, пренебрегая даже в некоторых случаях интересами своего цеха.

Когда требуется спешное выполнение изделий, прошу помогать друг другу не столько записками, сколько личным содействием и советом, оставляя, когда это возможно, выполнение формальностей (требования, №№ заказов и проч.), после изготовления спешной вещи.

Уверен, что мои уважаемые сослуживцы поддержат вышесказанное, направленное для пользы заводов и улучшению общего

благополучия. Имея руководящую цель, мы должны при дружной работе скоро привести завод к полному порядку и высшей производительности, как по качеству, так и количеству изделий.

Бог нам на помощь, господа!

Директор Сорм. заводов **Н. Приемский**.

Объявление, на которое ссылается Приемский в циркуляре, было таково:

«Открывая запись для поступления в завод на работу, заводоуправление предупреждает, что с начатием работ будут строго и неуклонно применяться следующие правила:

1) Взыскание за прогул по правилам, практиковавшимся до апреля настоящего года. Необходимость введения штрафа за прогул вызвана сравнением числа прогульных дней за 4 месяца: апрель, май, июнь, июль 1905 г., когда, в виде опыта, прогулы не штрафовались, с теми же месяцами 1904 г., когда штрафы применялись. По точным выборкам расчетного отдела заводов 1904 г. в апреле при 231.222 рабочих днях прогульных дней было 1649, а в 1905 г. при 190.230 рабочих днях прогульных было 3.397, в 1904 г. в мае при 222.379 рабочих днях прогульных—2.037, а в 1905 году при 256.325 рабочих днях—7011, в 1904 г. в июне месяце при 233.042 рабочих днях прогульных—2.574, а в 1905 г. при 197.887 рабочих днях—прогульных 8.723 и, наконец, в 1904 году, в июле, при 245.351 рабочих днях—прогульных 2.489, а в 1905 году при 223.347 раб. днях—прогульных 6.631. Другими словами, уничтожение взысканий увеличило число прогулов: за апрель в 2½ раза, за май в 3 раза, за июнь в 4 раза и за июль в 3,7 раза.

Такие значительные прогулы вредно отражались на деятельности заводов, а также на заработке рабочих, а т. к. необычайное возрастание прогулов явилось немедленно вслед за уничтожением взыскания за прогулы, то заводоуправление снова вводит эти взыскания, при чем за прогул более 3 дней сряду, или в сложности больше в месяц, рабочие будут немедленно увольняемы.

2) Хотя за пронос водки в завод и за приход в пьяном виде рабочие штрафуются по табели взыскания, но это зло настолько сильно вкоренилось и действует настолько заражающим образом, что заводоуправление предупреждает, кто будет проносить водку или являться на завод в нетрезвом состоянии, будет немедленно уволен с завода.

3) Все заведующие и мастера будут внимательно следить за тем, чтобы питье чая происходило в назначенное для того правилами внутреннего распорядка время, т. е. не более 15 минут утром и не более 15 минут после обеденного свистка. Чаепитие в неуказанное время будет рассматриваться, как нарушение порядка, и замеченные в этом рабочие будут считаться лицами, нежелательными на заводе. Такое же отношение заводоуправления будет к тем рабочим, которые будут злоупотреблять рабочим временем под предлогом куренья.

4) Выдача полочки будет производиться в назначенные табелем дни с 1 час. 30 мин. пополудни и оставление работы ранее этого времени будет строго преследоваться.

Директор заводов **Приемский**.

Вместе с новыми правилами администрации удалось при приеме хорошо просеять рабочих. На другой же день после пуска всего завода случилась в фасонно-сталелитейном цехе забастовка из-за сниженных расценок, но она окончилась в тот же день компромиссом. Революционно настроенных рабочих администрация вы-

звала к работе условно: они были приняты как вредный элемент лишь в течение двух месяцев.

9. Перед булыгинской думой

После локаута, с открытием работы, настроение рабочих понизилось, и организации пришлось вести работу лишь с небольшим количеством рабочих. Собрания созывались в ярмарочном лесу, а иногда и на квартирах под видом вечеринок. На них являлось от 30 до 80 человек. Эти собрания были посвящены булыгинской думе (совещательной), на них выявлялась роль и значение этой думы. Эта затея правительства организацией была использована в целях революционной агитации, чтобы подготовить сознание рабочих к необходимости вооруженного восстания, посредством которого свергнуть самодержавие и добиться учредительного собрания.

Вот две прокламации того времени:

Российская Социал-Демократическая Рабочая Партия.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Ко всем рабочим!

6 августа опубликован манифест о созыве Государственной Думы. Вы помните, товарищи, как полгода тому назад царь заявил, что он намерен призвать достойнейших от населения к участию в законодательстве. Кто же оказались этими достойнейшими по мнению царя? Кто обладает правом избирать и быть избранным в Думу? Очень богатые землевладельцы, очень богатые горожане. Исключение представляют лишь крестьяне, но, чтобы из них кто-нибудь не попал в члены Думы такой, который действительно защищал бы интересы крестьян, для того их будут фильтровать 4 раза («на сельских сходах, на волостных сходах, на съезде уполномоченных от волостей, на губернских собраниях»). Для остальных избирателей от буржуазии выборы будут двухстепенные. Из вас, рабочих, царь, очевидно, не нашел ни одного достойнейшего. Не будут также иметь права участвовать в выборах лица, осужденные или привлекающиеся к суду за всякие дела, влекущие за собой лишение прав состояния. Как известно, самодержавие всякого, кто только так или иначе боролся за освобождение России, даже врачей, адвокатов, инженеров и т. д., привлекало по ст. 126 Уг. Улож., которая как раз грозит лишением прав состояния, следовательно, этим условием, самодержавие устраняет от выборов всех передовых людей России. Ясно, что даже из крупной буржуазии в Думу попадут не те, которые хоть как-нибудь стояли за народные интересы, а лишь слепые исполнители царской воли.

Но вот эти достойнейшие царские лакеи соберутся в Думу. Что же будут делать они там? Прежде всего, они должны будут дать торжественное обещание на верность «самодержавцу всероссийскому», затем должны они будут помнить, что Дума имеет право лишь «предварительно рассматривать и обсуждать законодательные предположения». Дума, таким образом, будет иметь не решающий голос, а лишь законосовещательный, следовательно Дума создается не для народа, а чтобы помочь самодержавию расширить свои права. Дума не имеет власти, т. к. царь эту власть оставляет всецело за собой. Если даже допустить невероятное, что члены Думы,

собравшись, сказали бы царю: «Мы отказываемся участвовать в правительственных работах и требуем немедленного созыва все-народного Учред. Собр.», царь по ст.ст. 52 и 53 сказал бы им: «Извольте рассмотреть дела к такому-то сроку, иначе государственный совет рассмотрит их без вас». Если Дума вносит неугодный правительству законопроект, решающий голос отдается государственному совету и царю. Если у Думы вышло разногласие с министром, решающий голос имеет государственный совет и царь. Каков царь, нам известно уже давно, а после 9 января, мы его узнаем еще лучше. Но что такое государственный совет? Это высшее бюрократическое учреждение, в котором в настоящее время сидит: 5 великих князей, 5 просто князей, 20 графов, 6 баронов, 1 принц, все министры и остальные—представители высшей бюрократии. Этому учреждению отдается в полное распоряжение Дума из «достоинейших» буржуа. Мы даже не ожидали, что самодержавие в таком нагмом виде преподнесет русскому народу свою гнусную комедию. Вы требовали, товарищи, чтобы выборы производились на основании всеобщего, прямого, равного и тайного избирательного права. Вам преподносят двухстепенные выборы для богатых (с высоким цензом) и 4-степенные для крестьян. Вы требовали демократическую республику, чтобы вся власть была в руках народа. Вам преподносят законосовещательную Думу, при которой власть будет в руках государства и царя. Вы требовали, чтобы выборы производились сознательно и свободно, чтобы была свобода слова, собраний, печати, чтобы были возвращены наши товарищи, пострадавшие за политические убеждения, которые томятся в тюрьмах и ссылке за свою любовь к пролетариату и родине. Вместо этого на выборы будет накладывать свои грязные руки вся многочисленная свора властей, начиная с губернатора и полицейской сошки в городе и кончая земским начальником и стражником в деревне, а чтобы не было разговора о настоящей воле, об этом позаботятся казацкие нагайки и солдатские пули, а где нужно, там на помощь двинут пьяную черную сотню. Шесть месяцев потихоньку хитрило самодержавие с проектом думы и, наконец, разрешилось наглой, безобразной комедией.

И мы должны, товарищи, теперь же, не теряя времени, приняться за энергичную агитацию против этой царской затеи. Мы должны разъяснить всем, что самодержавие ничего не может дать народу, т. к. уступить хоть часть власти народу, означает смерть для самодержавия, ведь оно живо только тогда, когда «само все держит» только бесправием народа. Мы должны разоблачить истинный характер этого «ценного» царского предприятия. На митингах, на собраниях избирателей, куда мы должны проникнуть всеми мерами, мы должны агитировать за отказ участвовать в выборах в эту царскую комедию, пусть всюду выносятся резолюции с требованием Учредительного Собрания, на основе всеобщего прямого, равного и тайного избирательного права. Мы, революционные социал-демократы, не пойдем на удочку царского правительства: мы ничего не ждем от такой Думы, и мы должны агитировать против участия в этом правительственном обмане.

Отказывайтесь участвовать в выборах! Долой царскую комедию! Да здравствует всенародное Учредительное Собрание! Вот наш лозунг к предстоящей агитации и на почве этой борьбы против царского обмана мы будем готовить всенародное вооруженное восстание. Не от самодержавия, а на развалинах его, мы добьемся истинных прав и испытанной свободы. Вперед же, товарищи, за работу!

Сормовская организация Нижегородского Комитета РСДРП.

17 августа. 1905

6000 экзempl.

Вторая прокламация:

Российская Социал-Демократическая Рабочая Партия.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

К гражданам!

Товарищи! Кончилась война, полтора года длилась эта бессмысленная бойня. Полтора года стоял над страной кровавый кошмар. Полтора года в угоду бессмысленной политике самодержавия, ради безумных затей разных Алексеевых, Безобразовых и К^о, ради лесных промыслов Николая последнего, широкой рекой лилась кровь рабочих и крестьян в далекой Манчжурии и волнах Тихого океана. Тысячи трупов устлали эту неведомую, ненужную народу, страну... Тысячи и тысячи работников отрывались от родины, от семьи, от своих занятий и гнались на убой, туда, под Ляоян, под Мукден...

Молодые, здоровые шли они туда, калеками с оторванными руками и ногами, больные, безумные возвращались оттуда, если только возвращались... Тех бед, тех страданий, того моря крови и слез, что принесла с собой эта война, не перечеть никому. Хотел ли народ этой войны? Нужна ли она была ему? Ведь народу война не нужна, но царское правительство не спрашивало народ. Что за дело ему до того, что думает, чего хочет народ. Война нужна была правительству, чтобы поддержать свое падающее значение. К чему же привела эта война наше правительство? К тому, к чему и должна была привести—к позорному миру. Оно поняло, что вести войну дальше против воли народа—значит рыть самому себе глубже могилу. Оно сдалось, заключило мир.

Спасибо ему и на этом, скажут иные. Нет, скажем ему, этого мало, слишком мало. Кровь тысяч наших братьев, невинно пролитая самодержавным правительством, вопиет к нам. В этой крови получила крещение великая борьба русского народа за свободу, страна сознала, что дальше жить так нельзя! Она поняла, что дальнейшее существование самодержавия ведет ее на край гибели. Она сознала весь ужас своего положения и объявила войну своему злейшему врагу—самодержавному правительству. Вот уже скоро год, как длится эта война, скоро год, как на улицах русских городов, на полях русских деревень, льется кровь смелых борцов за свободу. Кровью этих героев, кровью крестьян и рабочих, поднявших великое знамя борьбы за свободу, залиты Петербург, Рига, Варшава, Одесса и тысячи других мест. Борьба разгорается кровавым пожаром, восстанием пылают наши окраины. То там, то сям, в центре России, вспыхивают горячие схватки с врагом. И до мира еще далеко. Только тогда, когда в прах падет враг перед лицом всенародного восстания, только тогда, когда царизм будет стерт с лица земли, только тогда может настать мир. Только тогда пойдем мы навстречу свободе и свету. А до тех пор борьба, смертельная борьба, ибо народ-великан пробудился, гром манчжурских пушек его разбудил, он сознал, что довольно над ним глумились, довольно терзали его и больше он не может жить с царским правительством. Либо оно, либо он.—Двоим им места нет.

На борьбу же, товарищи, на борьбу! Ни отступления, ни мира, покуда не падет гнусная свора палачей, терзающих родину, покуда не засияет солнце свободы над великой страной.

Долой самодержавие! Да здравствует всенародное восстание! Да здравствует Учредительное Собрание!

Сормовская рабочая группа РСДРП.

Август, 1905 год.

5.000 экз.

Агитация партийной организации убедила и объединила рабочих на признании бесполезности этой думы и необходимости требования учредительного собрания и подготовки к всенародному восстанию.

Повышающееся политическое настроение рабочих проявилось и в экономической борьбе; например, формовщики фасонно-литейного цеха прекратили работу 1 сентября, рабочие судостроительного цеха—27. Было брожение и в других цехах, требовали отмены условий, на которых начал завод работать, требуя отмены 2-недельного найма, что являлось для администрации неприемлемым, так как она этой неопределенностью держала рабочих под угрозой.

10. Соц.-демократическая организация развивает свою работу

За время с открытия завода — 25 августа по 18 октября организация усиленно развивала свою деятельность. Кроме вышеуказанных прокламаций, распространялись и другие прокламации, газеты и литература, устраивались нелегальные собрания и летучие митинги. Прокламация—«Как отобрать землю у помещиков и уделов» обращена к крестьянам. Вот подлинный текст этой яркой прокламации:

Российская Социал-Демократическая Рабочая Партия.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Как отобрать землю у помещиков и уделов.

Давно у мужика легла на сердце одна затаенная мысль, каким бы образом забрать крестьянам помещичью и удельную землю.

Мысль справедливая, потому что разве можно, в самом деле, вечно так бедствовать, как бедствует малоземельное, да безземельное крестьянство?

Вся лучшая земля в барских, да царских руках, а мужик голодает на своем «наделе». С земли своей не проживешь, иной раз даже подати царские не заплатишь. За аренду тоже и помещики и удел берут безбожно,—выходит все им отдай! А пойдешь в барскую экономию—на хлеб, да на квас не заработаешь. В городе тоже работы нет. Просто кругом горе... Видно, без земли придется погибнуть, пропасть с голоду всем—как уже и умирают не в одной деревне.

Правда на стороне крестьян, потому что человек рождается не на муки, а солнце, вода и земля не для одного царя да бар существуют на свете.

Но у крестьян не только одна эта правда, только против каждой крестьянской правды у царя с барамы двадцать неправд и опутали они крестьян со всех сторон своими неправдами, связали их по рукам и по ногам. А наибольшие неправды вот какие:

1) Царское самодержавие—что вся власть в руках царя, что его чиновники, да полиция делают с нами все, что им угодно, что у царя под командой тьма солдат, а у народа нет воли, нет никаких прав, нет орудия, чтобы защищать себя.

2) Вторая неправда—это царские подати, что наложены только на бедных людей,—а на наши деньги царь содержит против нас всю полицию и всю свою силу и покупает против нас, кого захочет.

Третья беда с попами. Мало царю нашей неволи, мало наших денег, еще и в душу, да совесть хочет залезть. Сделал из попов своих чиновников, чтобы морочили нас по церквам. Вот так-то опутали нас и выхода как будто бы нет никакого.

Но выход есть и правда наша не пропадет, не погибнет.

Нужно только понять хорошенько, разобрать до косточки все вранье царское, да дружно за дело взяться и верх будет за нами. Если нашей правде загородили теперь дорогу царские, да барские неправды, так нужно уничтожить все эти неправды и на их место поставить везде нашу народную правду.

На место самодержавия царя, корыстных царских чиновников да проклятой полиции—нужно поставить свой народный порядок—Демократическую Республику. Нужно, чтобы всеми делами русского государства орудовали не царь с министрами, а выборные от всего народа, от крестьян и рабочих, от всего населения.

На место неволи нужно установить свободу на все—свободу собираться, свободу обо всем говорить и писать, свободу забастовок и союзов, свободу переезжать, куда хочешь, без всяких паспортов,—чтобы полиция не могла арестовывать и все запрещать.

Нужно распуścić постоянное войско, уничтожить военную длинную службу, раздать народу ружья и учить всех военной науке по две-три недели, как теперь учат ратников,—тогда народ будет иметь возможность защищать свои права. Подати, которые всей своей тяжестью ложатся на бедный люд, нужно уничтожить, а вместо того издать закон, чтобы платили больше те, у кого больше.

У попов нужно отнять всю их власть, уничтожить синод и установить равную свободу для всех вер. Попам, монастырям и церквам не платить из казны ничего.

Если вот так переделать все порядки в государстве, то наша крестьянская и рабочая правда возьмет верх. И чтобы добыть себе землю и всякую правду, нужно прежде всего взяться за эти порядки потому, что иначе никогда не избавиться нам от нашей нужды и горя.

Переделать же эти порядки могут только выборные люди, которые будут избраны с полным правом это делать всем народом, живущим в России, равными, прямыми и тайными голосами. Они соберутся в «Учредительном Собрании» и там установят новые порядки.

Только такое всенародное Учредительное Собрание и может сбросить долой царскую неправду и самого царя, если он до тех пор еще будет на троне. Ни царь, ни его министры, да чиновники, не могут уничтожить того, чем они держатся, и то что они сами делают да переделывают—новое вранье и неправда против народа.

Но Учредительному Собранию нужно же будет знать подробно про крестьянскую нужду и горе, нужно знать, где, какую землю закрепить за крестьянами, потому что хотя в Учредительном Собрании будут выборные и от крестьян, но от каждой деревни не будет выборного, а будет один на целую округу, тысяч на 50 жителей, а то и больше, к тому же еще не весь народ понял как следует, что ему нужно, и во многих округах крестьяне будут выбирать своих врагов—бар. А бары тоже не выберут туда защитников рабочего люда. Потому-то в Учредительном Собрании, даже если оно будет всенародное, большинство выборных будет держать руку бар.

Учредительное Собрание должно хорошо знать, чего хочет народ по всей России, по всем деревням и селам, и наше дело заставить его делать то, что желает народ!

А пока еще нет Учредительного Собрания, пока еще царь и проклятые чиновники стараются обморочить нас и оставить все по старому, нам также нужно теперь же собирать все свои силы, соединиться и добиваться Всенародного Учредительного Собрания.

Чтобы все это сделать, мы должны сейчас же сговориться, объединиться и избрать из своей среды «Крестьянские Комитеты», которые будут вести наше дело.

Крестьянские комитеты должны, прежде всего, найти ход в нашу Социал-Демократ. Рабочую Партию, чтобы узнавать от социал-демократов, обо всем, что делается в России: что делает царь и правительство, что делают бары, что делают рабочие в городах и крестьяне в других губерниях, что делают солдаты.

Комитеты должны сейчас же обдумать, как добыть оружие, ружья и т. п., чтобы бороться против царской силы. В этом деле им тоже поможет Российская Социал-Демократическая Рабочая Партия.

Когда мы так сейчас объединимся и выберем свои комитеты, добудем, сколько можем, оружия, да обдумаем вместе с городскими рабочими, социал-демократами, как захватить казенные склады оружия и пороховые погреба, казначейства и все, чем силен царь, и как привлечь к себе солдат, — тогда не только правда, но и сила будет за нами. И если мы запашем тогда себе землю, то уже никто не отнимет ее у нас.

Без восстания с оружием в руках не удержать нам в своих руках помещичьей и удельной земли. Без восстания, да без наших крестьянских комитетов не добиться созыва настоящего Всенародного Учредительного Собрания и не добиться от Учредительного Собрания, чтобы оно закрепило землю за нами даром, без всякого выкупа.

Так поднимемся же дружно защищать свою правду! Будем объединяться, выбирать свои комитеты и присоединяться к единственной настоящей партии рабочего люда Российской Социал-Демократической Рабочей Партии! А соединившись в братский союз, поднимем великое всенародное восстание с оружием в руках. Все восстанем: и крестьяне, и рабочие, и солдаты, и вместе всем народом добудем свою правду и волю.

Перед нами много еще дела.

Во-первых, добиться, чтобы было создано Учредительное Собрание от всего народа, на равных правах. Во-вторых, забрать земли, какие нам нужны, и через свои выборные комитеты передать в Учредительное Собрание, что мы эти земли считаем своими, выкупа за них платить не будем и силой стоим за то, чтобы законом эти земли закрепить за нами.

В третьих, передать через комитеты, что нам царь не нужен, а удельная его земля вся нам нужна и мы ее себе заберем.

В четвертых, потребовать, чтобы было распушено царское войско и чтобы ружья были розданы всему народу.

В-пятых, передать, что мы хотим народного правления — Демократической Республики, чтобы Россия управлялась выборными людьми от всего народа, чтобы все были равны перед законом и имели равные права чтобы барам не было свободы грабить народ, чтобы не было податей на бедных людей, а только налог по доходу; сказать, что будем силой добиваться народного правления. Трудно это наше дело, но трудно только, пока мы спим. Разве легче погибать на войне? Разве легче погибнуть с голода? Разве легче весь век быть в барском яре? Легче платить казне подати? Легче мучиться под властью земских начальников, под властью полиции, в вечной неволе?

Проснемся же, братья! Смело и дружно за наше святое дело!

Добудем волю, отнимем палачам! А весной с плугами на вольную землю, которую мы целые века поливали кровью и потом для ненасытных бар!

Сормовская рабочая группа РСДРП.

Сентябрь, 1905 год.

10 тыс. экз.

Вторая прокламация обращена к новобранцам. Вот ее текст:

Российская Социал-Демократическая Рабочая Партия.

Пролетарии всех стран, соединитесь!

К товарищам новобранцам!

Товарищи! Приближается время призыва, и в ваших семьях, как и в сотнях тысяч других семейств, царит горе и скорбь. Нынче вы, молодые, сильные, рвущиеся к жизни, вместе с сотнями тысяч таких же, как и вы, должны явиться по зову вашего кроважного царя в приемные пункты, где вам скажут—«годны», «годны», оставить голодать своих старых отцов и матерей, малолетних братьев и сестер; «годны» бросить на произвол своих жен и детей—женатые, невест—холостые; «годны»—быть слугами кровавого Николая, «годны» быть нравственно искалеченными, быть солдатами.

Да, товарищи, нравственно искалеченными, потому что вы, такие, как сейчас: умеющие мыслить, думать, знающие, что черное не бело, в слуги Николаю не годитесь.

Слуга царя не должен знать, что забастовщики—рабочие, в которых ему приказано стрелять, на забастовку вызваны нуждою.

Слуга царя не должен знать, что мужики, которых он избивает, лишь потому взяли хлеб у помещика, что иначе они должны умереть с голоду.

Ничего не должен знать слуга царя, за него все знает его начальство, его дело только слушаться и повиноваться, слуга царя—не человек. Товарищи! Все время вашей службы, с первого дня до последнего, из вас будут делать солдат, вас, людей мыслящих, думающих, превращать в безвольных автоматов, вырывать из вас все человеческое. И это, товарищи, будет продолжаться до тех пор, пока существует у нас милитаризм, пока есть постоянная армия.

Но для чего существует постоянная армия?

Для защиты родины, отвечают нам. Это ложь!

Расстрел рабочих и крестьян—не защита родины, а защита карманов пьющих из нас кровь капиталистов и помещиков.

Реки крови, пролитые в Манчжурии, тоже не защита родины. Манчжурия родине была не нужна, она нужна была капиталистам, как рынок, где можно сбывать товар, товар, нужный нам на родине, но который мы, добывающие гроши, обремененные непосильными налогами, не имеем возможности покупать.

Не родине, товарищи, нужна постоянная армия, а царю для охраны его окровавленного трона; помещику, для охраны его частной, награбленной у народа, собственности; капиталисту, промышленнику для усмирения рабочих и для завоевания новых рынков. Для родины, она, отрывающая миллионы людей от полезного труда, калечащая их, ежегодно поглощающая сотни миллионов рублей,—тяжелое бремя.

Повторяем: родине постоянная армия не нужна; не нужна даже и тогда, когда ей действительно будет угрожать опасность, в этом случае ее с успехом может заменить требуемая нами, социал-демократами, народная милиция.

Что же такое милиция? Милиция, товарищи, не оторвет вас от ваших семей. Милиция не заставит голодать ваших отцов, матерей, жен и детей. Милиция нравственно вас не искалечит. Милиция—это вооружение всего народа, потребующее расходов в сотни раз менее, чем постоянная армия, она не будет непосильной тягостью для страны, но защитницей ее будет более надежной, более верной. Вооруженный народ сумеет защитить себя.

Товарищи! Смешно думать, что при существующем политическом строе возможен роспуск постоянной армии, замена ее вооружением всего народа. Царь и его подлые слуги знают, что, только благодаря постоянной армии, еще держится «богоданная

власть», что только при помощи ее еще можно выжимать соки из народа. Зная это, они все силы употребят на сохранение ее. Только когда народ сам встанет у власти, только когда мы добьемся Демократической Республики, народная милиция заменит постоянную армию. Товарищи! Только милиция может избавить нас от зол, причиняемых нам милитаризмом, только при Демократической Республике возможна она, а потому вы должны вместе с нами, социал-демократами, вместе со всем народом, стать на борьбу с нашим «конституционным» самодержавием, с нашим кровавым царем, с его палачами-слугами. На борьбу за Демократическую Республику!

Товарищи новобранцы! Будучи солдатами, не раз'единяйтесь между собою, не расплывайтесь в общей массе уже выдрессированных солдат, наоборот, возможно крепче сплывайтесь,—об'единение вам даст силу для предстоящей борьбы. Не теряйте связи с вашими товарищами, не-солдатами: письма их будут свежим воздухом в той одуряющей атмосфере, которой вас окружают; они будут напоминать вашему сознанию, что вы—такие же рабочие, как и те, которых, быть может, вас пошлют усмирять, что вы—тоже дети народа, и о ваше сознание разобьются все старания вашего начальства сделать из вас, живых людей,—автоматов.

Старайтесь связаться с социал-демократами тех мест, куда вас забросит правительство; они вас научат, что нужно делать, чтобы скорее достичь роспуска постоянной армии и замены ее вооружением всего народа, чтобы завоевать Демократическую Республику. Они научат вас бороться за лозунги:

Долой самодержавие, милитаризм! Да здравствует Демократическая Республика! Да здравствует народная милиция!

Сормовский Комитет РСДРП.

Активность рабочих росла и в первых числах октября организация устраивает у Дарьинской проходной летучий митинг. Сбор митинга был своеобразен: митинг был собран во время выхода рабочих из завода по окончании работ. Выходящие из проходной рабочие густой массой останавливались ранее вышедшими из завода партийными и активными рабочими. Задержанные рабочие загродили свободный проход в улице, отчего и образовалась густая толпа. В этот момент и был поднят в середине толпы на плечи оратор. Митинг продолжался 5 минут.

Организация после удачного опыта решила устроить 17 октября второй митинг в стенах завода между арматурным и полускатным цехами тоже по окончании работ. На этот митинг собралось не менее 1.000 человек, уже без какого-либо принуждения, по собственному желанию. Митинг продолжался 10—15 минут. Выступал известный в то время в Сормове оратор «Бебель» (Сухов, соц.-дем.). Устройство митинга в стенах завода было вызвано тем, что у проходной, после первого митинга была поставлена полиция, которая могла арестовать оратора.

III. „ПОЛИТИЧЕСКАЯ ВЕСНА“
В СОРМОВЕ

В. Г. КОЗЛОВ
"АНГЛО-РАССКАЗЫВАЮЩИЙ"
В. Г. КОЗЛОВ

1. Как встретили сормовичи манифест „о свободах“

18 октября утром, в 8 часов, в заводе во время работ было получено устное сообщение об опубликовании «манифеста 17 октября». Устное сообщение о свободах вызвало у рабочих нетерпеливое желание ознакомиться с содержанием манифеста. Непрерывно из цехов к проходным посылались посыльные за газетами, и с получением газет, около 9 часов утра, работа в заводе остановилась. Рабочие сначала группами, а потом общими цеховыми собраниями заслушали только что полученный газетный материал о свободах.

На цеховых собраниях было решено собраться рабочим всего завода у главной проходной для совместного обсуждения значения манифеста и о порядке проведения забастовки. К 9 часам утра рабочие всех цехов собрались к главной проходной. На митинге выступали «Бебель» (Сухов) и рабочий чугуно-литейного цеха Зенченко.

Ораторы, прочитав «манифест о свободах» и разъяснив его значение, призывали рабочих не доверяться бумажным обещаниям правительства, а организовать для дальнейшей борьбы и с оружием в руках закрепить и расширить обещанные свободы. Решено было послать на имя министра внутренних дел телеграмму о выводе из Сормова казаков и солдат (батальон Фанагорийского полка), которые, занимали школьное здание, мешали и не давали возможности детям рабочих учиться. Телеграмма была предложена с целью убедить массы рабочих в несоответствии слов правительства с их делом. Далее митинг принимает решение забастовку продолжать три дня, поехать в город для соединения с городскими рабочими, чтобы освободить политических заключенных и выработать согласованный план действий. На митинге было предъявлено требование к администрации завода о предоставлении перевозочных средств в город. Администрация выслала 2 усиленных поезда—пассажирский и товарный. С митинга часть рабочих с лением революционных песен пошла на поезд, некоторые пошли домой, чтобы захватить

имеющееся оружие. Всего отправилось в город на поездах и пешком от 2.000 до 3.000 чел. Поезда были переполнены, ехали даже на буферах. Во всех вагонах пели революционные песни. По приезде на ст. «Канавино», часть рабочих ушла на мелкие заводы, расположенные в окрестностях Канавина для снятия с работ тех рабочих, которые продолжали еще работать. Большая часть рабочих, дождавшись прихода другого поезда и пеших рабочих, стройными рядами со знаменами и пением революционных песен направилась по Московскому шоссе, через Канавино, к Окскому перевозу. Пароходы усиленно перевозили сормовичей через реку бесплатно.

2. Демонстрации и митинги в Нижнем. Рабочие освобождают политических заключенных из тюрем

От пристани по Кооперативной улице и Зеленскому съезду шли стройными рядами со знаменами и революционным пением на Советскую (бывш. Благовещенскую) площадь.

В момент прихода сормовичей на площадь, там организованного ядра городских рабочих не было и только с их приходом городские рабочие и обыватели стали группироваться вокруг сормовских рабочих.

Начался митинг. После первых выступлений часть партийных товарищей направилась к городской думе, где в этот момент происходило заседание и выяснялся вопрос об освобождении политических заключенных из тюрем. Другая часть партийных товарищей с активными рабочими отправилась к тюрьмам (1 и 2 корпуса) и в Кремль, к гауптвахте, где находились заключенные солдаты.

В Кремль к гауптвахте отправилось до 200 человек. У гауптвахты рабочие были остановлены окриком караульного офицера, который тут же вызвал караул в количестве 30 человек. Рабочие были остановлены в 100 шагах от гауптвахты. От рабочих отделились 2 партийных товарища для предъявления требования об освобождении заключенных. Офицер, не допуская к себе выделенных товарищей шагов на 10—15, категорически отказался исполнить требование. По получении отказа рабочие сделали попытку обращения к солдатам с целью склонить их к поддержке требования рабочих. Поднятый на плечи «Бибель» начал громко речь, призывая солдат не считать рабочих своими врагами, как говорило им начальство, а присоединиться к рабочим и действовать с ними заодно в освобождении товарищей-солдат. Во время речи оратора офицер предложил собравшимся разойтись и угрожал открытием стрельбы, для чего скомандовал караулу «на изготовку». Надежда рабочих на сочувствие караула не оправдалась. Солдаты точно исполнили приказ офицера и зарядили винтовки, а сзади в этот момент подошла еще полурота солдат, вызванная офицером, что окончательно убедило рабочих отказаться от освобождения заключенных солдат.

Шествие с Благовещенской площади к 1 и 2 корпусам тюрьмы было более многолюдно. Сюда шли не только рабочие, но и жен-

щины и дети. Около второго корпуса собралось народу около 2.000 у 1-го корпуса — до 1.000 человек. Депутация партийцев к думцам имела успех. Либералы из думцев приняли участие в переговорах с губернатором и прокурором и способствовали получению распоряжения об освобождении политических заключенных.

Тюремная администрация скоро исполнила требования собравшихся об освобождении заключенных. В то время, как взоры всех стоявших около тюрьмы сосредоточились на воротах, ворота тюрьмы растворились, и из глубины тюремных сводов показались, неся свои узелки, политические заключенные. Вид быстро идущих товарищей, их сияющие лица произвели неотразимое впечатление. В момент все смешались, радостные крики, объятия, поцелуи, пожатия рук. Затем, несколько товарищей, не доверяя словам администрации, пошли осматривать тюремные камеры, проверять все ли политические заключенные освобождены. В числе освобожденных были сормовичи: Г. Котов, И. Савин, В. Устинов и др.

От тюрем с освобожденными товарищами толпа направилась на Благовещенскую площадь на митинг.

Дорогой запели «Марсельезу», показались красные флаги, число которых увеличилось, так как по пути брали у домов национальные флаги и отрывали от них ненужные полосы. Эту демонстрацию граждане встречали приветствиями, некоторые солдаты снимали шапки и выражали солидарность с рабочими.

На площади продолжался митинг, и пришедших от тюрем с освобожденными товарищами встретили криками «ура», и опять полились речи и революционное пение.

Во время митинга было объявлено решение городской думы о предоставлении перевозочных средств для отправки сормовичей обратно. Три волжских пассажирских парохода ждали сормовичей у городской пристани. Отвал пароходов, наполненных сормовичами, сопровождался своеобразным салютом — выстрелами из револьверов.

По приезде в Сормово руководители партийных рабочих отправились в столовую, где происходил митинг оставшихся в Сормове товарищей. Там приехавшие товарищи сообщили об освобождении политических заключенных из тюрем, а также сообщили назначенный порядок проведения забастовки второго дня, т. е. 19 октября. Решено было провести всеми силами рабочих города, Сормова и Канавина более грандиозную демонстрацию. Сборным пунктом демонстрации была назначена Благовещенская площадь Нижнего.

Утро 19 октября. Сормовские рабочие собираются в столовой.

По мере сбора рабочих начинается митинг. Ораторы обращаются к рабочим с речами о вышедшем манифесте.

От столовой рабочие с музыкой и знаменами стройными рядами двинулись на вокзал. Два поезда были переполнены рабочими и их семьями в количестве 5.000 человек, непоместившиеся рабочие около 4.000 человек пошли пешком. Оркестр был раз-

делен на две части: одна часть ехала на поезде, а другая шла пешком.

От станции «Канавино» демонстранты, соединившись с пришедшими рабочими окружающих Канавино заводов, отправились стройными рядами, в количестве около 12.000 человек с оркестром музыки впереди на Окский перевоз. Переправа происходила беспрепятственно двумя паромами и четырьмя пассажирскими барказами. Оркестр был переправлен последним. Переправленный оркестр, пройдя вдоль ранее установленной цепи, занял место впереди демонстрантов.

Шествие демонстрации спокойно началось под звуки Марсельезы по Рождественской улице. У аптеки Гейнце шествие остановилось, чтобы почтить память Гейнце — жертвы черносотенного погрома 9 июля. Оркестр заиграл похоронный марш, все демонстранты обнажили головы и склонили знамена.

Демонстрация от аптеки Гейнце по Зеленскому съезду направилась на Благовещенскую площадь. К приходу сормовичей на площади было городских рабочих около 5—6 тысяч человек, которые встретили сормовичей криками «ура». Городская публика с откосов, балконов, домов, из окон верхних этажей, с балкона городской думы приветствовала демонстрацию рабочих-сормовичей и канавинцев, махая головными уборами и платками.

Демонстранты разместились на Благовещенской площади, оцепили место митинга цепью сормовских рабочих. Это было сделано во избежание могущей быть паники от попытки черносотенных организаций устроить погром.

Настроение этого дня так описано в газете «Начало», № 3 от 16/29 ноября 1905 года.

«Среди публики начиналась черносотенная агитация. Лавочки обвиняли «красных» в том, что они не дают людям работать, насильно закрывают магазины и делают сборы на «оружие». — «Хороша свобода» — ворчали они, — а оружие зачем, резню что ли они хотят устроить? И угрозы неслись по направлению к площади, где начинался митинг.

Но в этот день погромному настроению не удалось окрепнуть. На Благовещенскую площадь с музыкой выступили сормовичи. Появление 7—8 тысячной толпы было встречено восторженным «ура». Настроение мгновенно повысилось. Многие ворчуны были увлечены этой сценой. С двух, возвышенных мест на площади начались речи, в целом ряде других мест появились ящики, на которые влезали ораторы и говорили речи, переходя с места на место и сменяя друг друга. Сормовичи заявили, что если черная сотня посмеет тронуть город, ей придется считаться с сормовичами. И публика с облегчением принимала эти речи, так как знала, что речи сормовичей не останутся словами. Принимали их к сведению и черносотенцы. В разных местах площади выбирались депутаты к городскому главе об удалении казаков из города.

«Белая партия» организовалась. В два следующие дня она служила на Благовещенской площади молебны и вместе с духовенством демонстрировала по городу, угрожая избиением «жидам» и «красным». Полиция, отсутствовавшая первые дни на улицах, снова оказалась на своих местах. Из красного город принимал вид белого. «Белые» были на улицах, красные собирались в Народном

доме и других залах. Город ожидал столкновения и погромов. Различные группы общественных деятелей, не исключая и духовенства, призывали воззваниями к успокоению. Действовали ли воззвания на белых граждан—неизвестно. Но социал-демократия усиленно готовила самооборону, организовала добровольцев в отряды и таким путем готовилась встретить нападение. Обещание сормовичей защитить город передавалось из уст в уста и действовало успокоительно: во взглядах горожан сормовичи из бунтовщиков превратились в защитников города. Биржевики отрядили в Сормово парход, чтобы переправить в город защитников».

При таких условиях открыли митинг. Ораторы говорили в разных местах. Во время митинга на площадь сходились в большом количестве городские обыватели, на площади собрались тысячные толпы народа.

Многотысячные демонстрации 18 и 19 октября и выступление на митингах ораторов социал-демократических партий, высказывающих недоверие к объявленным в манифесте свободам и призывающих к вооруженной борьбе с правительством, объединяло рабочих около партии на почве недоверия к правительству и его политике.

Такая тактика партии обеспокоила либералов и заставила прибегнуть к тактике отвлечения рабочих масс от социалистических партий. С этой целью либералы в лице городского главы Меморского, выступившего с горячей речью перед рабочими массами на площади, в которой он поздравлял рабочих с получением долгосрочных свобод и призывал рабочих к совместной работе по закреплению полученных свобод. В ознаменование акта правительства от 17 октября и в доказательство своей искренности к совместной работе, Меморский объявил рабочим только что состоявшееся решение городской думы об ассигновании 100.000 рублей на организацию народного университета в Нижнем.

Горячая речь Меморского о совместной работе и объявление об ассигновании 100.000 рублей на университет были охлаждены выступившим вслед за ним социал-демократом «Бебелем», указавшим на маленькую забывчивость либералов, не вынесших постановления о выводе из Нижнего казаков. После «Бебеля» выступал еще ряд ораторов.

Внушительность собравшихся рабочих вызвала у либералов желание пойти навстречу материальными обещаниями, а у архиерея это вызвало почтительное преклонение перед звуками Марсельезы: оркестр сормовской музыки (расположился на ступенях духовной семинарии (ныне Государственный университет) и исполнял Марсельезу. Подъехавший в карете архиерей почтительно снял клубок и шел с ним в руках.

С наступлением вечера митинг закончился при дружных процессиальных овациях нижегородцев. Сормовичи с оркестром музыки и знаменами отправились на пароходах в Сормово. Один из пароходов носил название «Николай II» и ехавшие на нем рабочие говорили: «всю жизнь на нас ездил, теперь мы будем на нем ездить».

3. Столовая—центр революционной работы

20 октября рабочие без особого оповещения с утра собираются к столовой, которая имеет историческое значение для Сормова и упоминается до 13 декабря, когда она была сожжена казаками. Не лишнее описать ее подробно. Столовой называлось деревянное здание, купленное на выставке в 1896 году и перевезенное в Сормово по инициативе директора Фосса. Отстроено оно было в 1897 году на средства однопроцентного отчисления из заработка

рабочих в церковно-приходское попечительство на месте ныне существующего сада «1 Мая». Здание было деревянное и большое.

В здании были: кухня, столовая, которая в то же время служила зрительным залом и имела сцену, классные комнаты для учеников 2-классной церковно-приходской школы, мастерская ремесленной школы и библиотека. Кухня готовила ежедневно от 500 до 1.000 обедов. Обеды состояли из щей, каши, лапши, хлеба, чая с сахаром. Каждое блюдо в отдельности отпускалось по трехкопеечным ордерам, для удобства сброшюрованным в книжки. Обед, стоящий 9 копеек, удовлетворял всех рабочих. Во время спектаклей, лекций и чтений — обеденные столы из столовой выносились и в освобожденном таким образом зрительном зале вмещалось до 1.000 человек.

В классных комнатах, кроме занятий с детьми, по вечерам и воскресеньям производились занятия со взрослыми рабочими по общеобразовательным предметам и низшим техническим знаниям. Всех взрослых обучалось до 200 человек. Такие занятия назывались «воскресные классы». Впоследствии, в 1906 году из окончивших «воскресные классы» организованы были учителем Ст. Андр. Лазаревым «вечерние технические курсы», ныне преобразованные в Сормовский Техникум. Здание занимало центральное место. К помещению привыкли: читались лекции, ставились спектакли, работала библиотека и воскресные классы, да, кроме того, это помещение являлось единственным, где могли происходить большие собрания (до 1.500 человек).

Это здание явочным порядком 18 октября было занято рабочими. Тотчас же было избрано правление, хотя юридически здание оставалось в ведении местного церковного причта, который вел после пожара судебное дело о страховой премии до 1912 года. Рабочие, собравшись 20-го в столовой, открыли митинг. На митинге решено было 3-й день отпраздновать демонстрацией по Сормову и прилегающим селениям. Рабочие, построившись у столовой, стройными рядами со знаменами и оркестром музыки впереди, направились по Большой дороге (ныне ул. Коминтерна) в село Копосово, находящееся в 3 верстах от Сормова. На пути были остановки у Каменной школы (ныне школа № 7), на Старом Базаре (теперь Сормовское пожарное депо), у деревни Починок (школа № 1) и в селе Копосове у сельской пожарной избы (ныне сельсовет), против церкви.

На всех остановках выступали ораторы с речами на темы, отвечающие запросам местного населения. Зажигательные речи ораторов слушались населением восторженно. Количество демонстрантов не сокращалось и доходило до 5.000 человек. По окончании митинга в селе Копосове демонстранты также в порядке, но уже нигде не останавливаясь, возвратились в столовую, откуда и разошлись по домам.

Этим днем закончилась трехдневная забастовка, и 21 октября в заводе приступили к работам. С получением манифеста о «свобо-

Здание Народной столовой-читальни. Сожжена казаками и полицией 14 декабря 1905 года.

дах», полиция, казаки и солдаты, оставаясь в Сормове, однако, свою власть не проявляли, и население было предоставлено самому себе в смысле охраны общественного и личного порядка.

На первом же митинге 22 октября после 3-дневной забастовки в столовой была избрана охрана из рабочих для поддержания общественного порядка. Эта охрана, под руководством партийцев, производила обходы по улицам, устраняя хулиганские выступления отдельных темных личностей и провокаторов.

Столовая, после 3-дневной забастовки, сделалась «домом партии» и клубом. Организации с.-д. и с.-р. приняли легальную форму, и в столовой поместились: коллектив РСДРП, с.-р., клубы с библиотеками большевистской, меньшевистской и эс-эровской.

Для управления хозяйственно-административной частью столовой была избрана комиссия на паритетных началах: по 3 человека от большевиков, меньшевиков и эс-эров.

На обязанности этой комиссии было: охрана, уборка, мелкий ремонт, отопление, освещение, приобретение декораций, буфет, распределение комнат под кружковые занятия и партийные собрания, установление порядка очереди, пользование зрительным залом и сценой для постановки спектаклей и устройство митингов организациями.

Партийные организации развернули работу по политико-экономическому воспитанию рабочих масс и вовлечению в партию новых членов. С этой целью ежедневно устраивались лекции и митинги в столовой, школах и в окрестностях Сормова, как-то: в Бурнаковке, Копосове, на берегу, на складах и у водокачки.

4. Рабочий суд

Столовая стала центром общественно-политической и административной жизни Сормова.

Сормовские рабочие осуществляли явочным порядком гражданские права, обещанные правительством в манифесте 17 октября.

Здесь, в столовой, разрешались на митингах требования рабочих о наказании мастеров и заведывающих за их притеснение и грубое обращение с рабочими. Разбор конфликтов между рабочими и заводской администрацией положил начало открытому народному суду. В первое время на суде, кроме разбора дел заводской администрации и рабочих, разбирались дела шпионов и провокаторов. Постановлением суда было: увольнение из завода и выселение из Сормова.

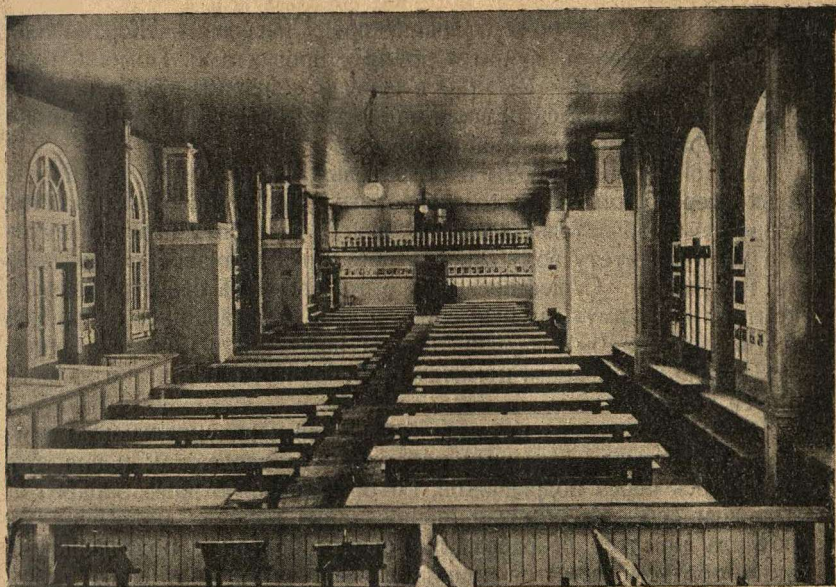
Заводская администрация исполнение постановления народного суда оттягивала переговорами с представителями рабочих. Рабочие, видя это, осуществляли решение суда по-своему. Например, вывезли на тачке заведывающего центральным магазином Матвеева, начальника станции «Канавино» Ракитина и др.

По отношению к провокаторам народный суд выносил суровое решение. Так, например, одному из провокаторов (рабочему полускатного цеха) был вынесен приговор: «расстрелять». Лишь благодаря усиленному настоянию партийной организации в лице тов. Геннадия (с.-д.), рабочий остался жив до более точного выяснения его виновности.

Аппарат самодержавной власти бездействовал, и всех граждан, обращавшихся в полицию с какими-либо жалобами, там не принимали, а иронически указывали, что у вас есть теперь свой суд в столовой. Граждане, получив такой совет, шли в столовую, где и излагали свои жалобы собранию, прося защиты, как лично, так и имущественных прав. Вскоре выяснилось, что к народному суду со всевозможными жалобами во время ежедневных митингов и лекций стало обращаться множество граждан. Это могло нарушить планомерную политико-просветительную работу, и организации назначили для разбора всевозможных дел особый день в неделю («день суда»). На каждый «день суда» назначался партийный председатель.

Для приема всяких жалоб было устроено дежурство членов коллектива, которые принимали жалобы, производили расследования и вызывали на суд обвиняемых, обвинителей и свидетелей. Вызов на суд происходил без повесток: обвиняемые являлись или сами, или приводились рабочими. Народный суд в столовой был очень популярен у населения в эти месяцы, и одно упоминание о привлечении к суду в столовой удерживало виновников от совершения дурных поступков.

Во время митингов, лекций и постановок спектаклей, сбор с которых шел в пользу организации, ставившей их, производилась продажа легальной и нелегальной литературы, распространялись в большом количестве прокламации. В это время в Сормове вся нелегальная литература считалась легальной (хотя в манифесте 17 октября свобода печати не упоминалась) и продавалась в большом количестве. Социал-демократическая литература пользовалась большим спросом, чем эс-эровская.

Внутренний вид столовой.

Из газет большой спрос был на центральные органы, издаваемые в Ленинграде, как-то: «Наша Жизнь», «Начало», эс-эровский «Сын Отечества» и на московские партийные органы и литературу.

5. Первые ростки профессиональной работы

Сормовский завод в 1905 году не изобиловал заказами, так как с окончанием русско-японской войны работы значительно сократились, по сравнению с 1904 годом, результатом чего были безработные. В числе безработных партийных и активных рабочих, уволенных администрацией завода, было немного. Организацией были приняты все меры к возвращению их на свою работу.

Но для размещения всех безработных в заводе не могло хватить работы и они организовались в комитет безработных. Комитет имел во главе правление из 8 человек и занял одно из помещений столовой. В задачи правления комитета безработных входило:

1) Регистрация всех безработных. Регистрировались безработные не только сормовского района, но также приходили из Нижнего, Канавина, Молитовки, Гордеевки и приезжающие из других губерний. Всех безработных было зарегистрировано за время существования комитета (в продолжение $1\frac{1}{2}$ — 2 месяцев) — 1.000 человек.

2) Изыскание средств для оказания помощи остро-нуждающимся безработным и их семьям. Главным источником средств было 1% добровольное отчисление из заработка рабочих, от постановки

спектаклей и сбора пожертвований среди населения. Жертвовали, кроме денег, хлебом, мукой и другими продуктами. Помощь оказывалась: холостым — 25 коп. в день, а семейным — 50 к в день. Кроме того, выдавалась помощь на выезд безработных из Сормова в другой фабрично-заводский район.

3) Приискание работы и обязательное назначение на работы только через свой комитет безработных. Выдачи пособий и данное безработным обязательство не поступать на работу помимо комитета дало комитету возможность проводить плановое распределение на работу. Существовавшая в то время на средства завода «контора по найму», за неимением у себя записавшихся безработных, вынуждена была обращаться за рабочими в комитет безработных. Таким образом, комитет безработных фактически являлся биржей труда.

Выполнение работ артелью безработных значительного количества строительно-сезонных работ как в заводе, так и вне его, исполнялось через подрядчиков, которые львиную долю заработка оставляли себе. Чрезмерная эксплуатация рабочих подрядчиками побудила комитет безработных вести борьбу с подрядчиками. Таким образом, комитет принимал все меры к получению работ путем конкуренции с подрядчиками. Полученные работы исполнялись артелью безработных в порядке очереди, под руководством квалифицированных данной специальности рабочих. Иногда комитет из-за отсутствия специалистов из своей среды приглашал руководителями работ бывших подрядчиков за повышенную поденную оплату. На торгах на сдачу работы на покрытие крыши бандажного цеха волнистым железом подрядчиками была предложена цена по 1 р. 10 к. с пуда. Конкурировавший с ними комитет безработных снизил цену до 45 копеек, и работа осталась за комитетом. По выполнении работы средний дневной заработок выражался около 2-х рублей всем работавшим одинаково, тогда как подрядчики лишь специалистам-кровельщикам платили за такую же работу 1 р. 20 к. в день, а рабочим — 60—70 копеек.

Возраставший авторитет комитета безработных и отсутствие записавшихся рабочих в заводской конторе по найму навели на мысль заводоуправление передать контору по найму в ведение комитета безработных с платными должностями и хозяйственными расходами за счет завода. Передача не осуществилась, так как в это время началась декабрьская политическая забастовка, перешедшая в вооруженное восстание.

В столовой же создана была после трехдневной забастовки и организация женщин.

Женщины в дневное время (после обеда) собирались в столовой для проведения своих женских собраний и митингов, которые шли под руководством партийных женщин. Целью собраний и митингов было ознакомление и вовлечение женщин в общественно-политическую жизнь. Собрания женщин были немногочисленны. Некоторые женщины, в количестве до 30 человек, были выделены в особую

группу, которая предназначалась для исполнения обязанностей сестер милосердия. Для этой группы доктором Долгополовым был прочитан ряд лекций об оказании первой помощи при ранениях. В декабрьские дни многие из этих женщин несли обязанности сестер милосердия.

В столовой же были сделаны попытки к организации профсоюзов.

После многочисленных принципиальных споров между партийными организациями о создании профсоюза металлистов, принято было решение: открыть запись в члены профсоюзов. Запись была проведена, но, вследствие декабрьского вооруженного восстания, работа союза металлистов не осуществилась. Лучше удалось организовать профессиональный союз приказчиков. Организация была начата приказчиками О-ва потребителей. Этот профсоюз добился ограничения времени торговли 8-ми часами. Во избежание конкуренции со стороны частных лавок профсоюз приказчиков установил одинаковое время для торговли для всех торговцев и неподчинившихся такому постановлению торговцев штрафовали.

6. Руководство крестьянским движением

Влияние организованного рабочего движения стало распространяться и на крестьянское население. Прогрессивная часть местного крестьянства под руководством партии была организована в отделение Всероссийского крестьянского союза. Записалось в члены Крестьянского Союза 105 или 110 человек, которые избрали правление из 5 человек. Вступительный взнос для членов определен в 1 рубль и ежемесячный взнос—в 25 копеек. На собранные деньги была приобретена литература революционного содержания, кроме того от комитета получена литература из библиотеки церковно-приходского попечительства. Эта литература составила обширную библиотеку местного отделения крестьянского Союза. Вскоре после организации сормовского отделения, в задачи которого входило обнять организационно всю Козинскую волость, организовалось отделение в дер. Починок.

С наступлением реакции развитие крестьянского союза дальше этих 2-х селений пойти не могло и после декабрьского восстания, подавленного силой, отделение союза ликвидировалось. Оставшиеся от ликвидации Союза деньги, примерно в сумме 36 рублей, казначеем правления были переданы в распоряжение политического Красного Креста для оказания помощи политическим заключенным.

Книги, выданные из библиотеки для чтения членам Союза, с уничтожением дел и списков Союза во время вооруженного восстания, остались на руках у членов. Оставшаяся часть библиотеки была передана в школу.

7. Рабочие закрепляют новые порядки

Жизнь Сормова текла по новому руслу, кипела революционная деятельность среди рабочих масс. Работа по сохранению целостности

интересов рабочего класса и связь его с местным крестьянством велась партийными и активными рабочими очень энергично. Дел хватало всем, кто хотел работать. Изменяли порядки самодержавного строя и строили свои рабочие организации. Порядок и организованность среди рабочих были образцовые.

Никаких выступлений и недоразумений со стороны других враждебных слоев населения не было. Противники новых порядков в Сормове были незначительны, так что в одно время появившаяся черносотенная литература была только осмеяна рабочими и никакого интереса не вызывала.

— «У нас старый Новгород и вече»—можно было услышать от одних рабочих, или—«свободная демократическая республика»—говорили другие.

Такое определение подходило для Сормова. Сормово пользовалось добытой свободой, тогда как кругом был разгул реакции: губернаторы организовывали погромы, как, например, в Одессе, Киеве, Томске и Твери, сжигали в помещениях живых людей с благословения архиереев. Эти зверства обсуждались в столовой, где тысячные собрания возмущенных рабочих выражали негодование и угрозы палачам.

Эти события рабочие учитывали и, считаясь с возможностью повторения в Н.-Новгороде погромных июльских дней, постановили шире развернуть работу по вооружению рабочих. С этой целью решено было усилить денежные сборы на оружие, так как первые сборы, были недостаточны. Агитация за необходимость вооружения рабочего класса была широко развернута: по цехам завода ходили подписные листы на оружие, продавались билеты на спектакли, сбор с которых предназначался на покупку оружия.

В это время было получено известие, что губернатором в Н.-Новгород назначается организатор одесского черносотенного погрома градоначальник Нейдгардт. Об этом было объявлено на собрании рабочих 15 ноября. Посыпались крики: «долой Нейдгардта. Не место палачу быть губернатором, ему дорога на каторгу». Собранием была вынесена резолюция, которую приводим целиком по газете: «Начало» № 11 от 26 (9) ноября 1905 года:

«Назначение губернатором человека, которому вся Россия указывает один путь—путь на каторгу, обязывает выразить негодование правительству, бросившему этим назначением вызов всей России, наносящему этим назначением пощечину. Такого оскорбления Россия не может, не должна перенести, и мы, сормовские рабочие, приглашаем всех граждан достойным образом ответить на циничный вызов правительства. Долой мясника Нейдгардта, обгаренного человеческой кровью!»

Собрание общества приказчиков, помимо протеста по поводу назначения Нейдгардта и принятого решения, в случае надобности организовать забастовку, постановило: «Во избежание назначения губернатором вообще агента правительства, потерявшего ныне

всякий авторитет, принять меры к тому, чтобы эта должность была замещена не иначе, как по выбору всего населения губернии путем всеобщего, прямого, равного и тайного голосования».

После резолюции, на этом же собрании было решено устроить демонстрацию протеста, которая и состоялась 20 ноября. Действия градоначальника Одессы, проявленные в организации большого черносотенного погрома, глубоко встревожили все нижегородское общество, в особенности сормовичей, поэтому демонстрация протеста была многолюдна, так же как в Канавине и Н.-Новгороде.

21 ноября около 100 партийцев из Сормова отправились в Канавино на назначенную в этот день демонстрацию протеста канавинцев. Эта поездка была организована с целью оказать помощь на случай могущего быть выступления черносотенных организаций. Демонстрация состоялась, присутствие сормовичей предотвратило всякую попытку выступления со стороны черносотенцев. Грандиозность демонстрации подняла настроение канавинцев.

Единодушный протест рабочих и других слоев населения оказал влияние на правительство, и приезд назначенного на должность нижегородского губернатора Нейдгардта не состоялся.

Вскоре после демонстрации протеста в Сормово приехали представители Московского и Петербургского Советов Рабочих Депутатов с предложением организовать здесь совет рабочих депутатов. Представителем от Петербурга был тов. Глебов, бывший сормовский рабочий. Представители прежде всего явились в организацию, где познакомились с партийной работой и со степенью влияния ее на рабочих, после чего поставили на обсуждение свое предложение. Петербургский представитель усиленно настаивал на организации в Сормове совета рабочих депутатов. Московский же представитель говорил, что так как в Сормове только один завод и партийная организация считает себя настолько авторитетной, что рабочие пойдут по ее призыву на бой с самодержавием, то не к чему создавать совет рабочих депутатов. Если рабочие за партийной организацией не пойдут, то советы рабочих депутатов необходимы и их надо организовать.

Местная организация обсудила эти предложения. Рабочие Сормова группировались в одном заводе и были спаяны общностью интересов. Руководство партии осуществлялось чрез выборных от цехов уполномоченных. Учтя эти условия, организация решила не организовывать параллельно совета депутатов. После такого решения представители Москвы и Петербурга пошли в зал столовой, который в то время был переполнен рабочими.

На этом многолюдном митинге представители познакомили рабочих с целью своего приезда и поставили перед ними вопрос: пойдут ли рабочие по призыву организации на бой с самодержавием? Рабочие ответили, что сормовцы пойдут за организацией в тот момент, когда она найдет необходимым призвать рабочих на выступление. После такого ответа представители уехали и в Сормове в это время не был создан совет рабочих депутатов.

После отъезда делегатов Петербургского и Московского Советов Раб. Деп. революционная жизнь в Сормове продолжала идти тем же темпом. Вся власть и функции Сов. Раб. Деп. находились у партийной организации, авторитет которой среди революционных рабочих возростал. Рабочие всегда организованно отзывались на призыв своей партийной организации. Назначается партийное собрание в столовой для обсуждения какого-либо революционного выступления, рабочих собирается столько, что большая столовая не может вместить всех. Так проходили в Сормове ноябрьские революционные дни свобод.

От начала ноября сохранилась прокламация, распространявшаяся в столовой. Прокламация издана Нижегородским Об'единенным Комитетом РСДРП в количестве 20.000 экз.

Вот ее текст:

Российская Социал-Демократическая Партия. Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Красное и белое знамя.

Граждане! Недавно вы видели, как по улицам Нижнего ходили толпы народа с красными знаменами и с песнями свободы.

Вы видели, как другие толпы ходили с портретами государя, с иконами, с белыми флагами и пели молитвы.

Почему красное знамя развивалось на улицах? Чего хотят те, которые идут за ним? Чего добиваются те, кто идет за белым знаменем? Красное знамя—знамя борьбы за свободу против гнета, насилия и произвола. Под ним стоят люди, которые хотят для народа лучшей жизни. Под ним стоят все, кто не в силах терпеть хозяйское притеснение и полицейские зуботычины. Под красным знаменем стоят те, кого не забыла нужда, кто борется против богатых и начальства,—рабочий народ.

Красное знамя—знамя рабочих, которые об'единились в один Союз социал-демократической партии. Все, кто вынужден продавать свой труд богатому—рабочие, приказчики, конторщики, ремесленники, батраки, все, кто борется на фабриках и заводах, в мастерских и на пристанях, в лавках и магазинах, все пусть идут под красное знамя к социал-демократам, к тем рабочим, которые ведут борьбу против гнета и бесправия.

Социал-демократы под красным знаменем борются за всех рабочих, чтобы им легче жилось. Они борются за всех угнетенных и обездоленных. Они хотят свободы и равноправия для всех. Они хотят народного правления (демократической республики), чтобы сам народ через своих выборных решал все свои дела. Все министры, чиновники, судьи, должны выбираться народом и зависеть от него. Самое главное—они стремятся к тому, чтобы все фабрики и заводы, машины, вся земля перешли в руки народа. Не будет тогда капиталистов и помещиков, не будет богачей и бедняков. Тогда все будут трудиться, но для своего счастья, а не для счастья капиталиста или помещика. Такой строй называется социализмом. Красное знамя—знамя социализма, которое принесет счастье всему трудящемуся народу.

Красное знамя появилось с тех пор, как народ стал понимать, как тяжело ему жилось, и начал бороться за свое народное счастье. Раньше это красное знамя пряталось по темным подвалам, по тесным каморкам рабочих и лишь изредка появлялось на улицах. И тех, кто нес его, кто шел с ним, били нагайками, в них стреляли, их ссылали в Сибирь. После долгой борьбы рабочие до-

бились кое-какой свободы, и красное знамя зовет к дальнейшей борьбе. Еще много надо добиваться рабочему народу, чтобы облегчить свое положение.

Граждане! Не верьте гнусной клевете, будто наше знамя хочет людской крови. Это ложь. На нем кровь, но то кровь ваших братьев, которых расстреливали на улице, гноили в тюрьмах, ссылали на каторгу. На нем кровь, но то кровь угнетенного, обездоленного, русского народа.

Все, кто хочет добра народу, пусть становится под красное знамя. Рабочие, если вы хотите такой заработной платы, чтобы жить по человечески, если хотите уменьшить рабочий день, если хотите облегчить свою безрадостную жизнь, достигнуть социализма,—идите под красное знамя к социал-демократам, потому что они все этого хотят и добиваются. Крестьяне! Если вам невтерпех гнет и грабеж помещиков и полиции, если вы хотите свободы, равенства, идите к социал-демократам: они вас поддержат. Красное знамя—знамя народа, восставшего против своих угнетателей.

Белое знамя, это —знамя тех, кто идет против народа. Белое знамя—знамя рабства и угнетения, темноты и невольничества. Под белым знаменем французские дворяне сражались против своих крепостных крестьян, не желавших рабства. Под белым знаменем шли те, кто оделил крестьян землей. Теперь под ним идут все, кому нужны старые порядки, кто хочет держать в нищете и в невежестве народ. Под белым знаменем идут все угнетатели народа: попы и дворяне, чиновники и полицейские, подрядчики и трактирщики. Под белым знаменем идет и много простого темного народа. Этот народ оттого идет за белым знаменем, что он temeн, что не понимает, кто ему враг и кто друг, и в простоте своей верит богатеям, что белое знамя и ему даст счастье. Или идет потому, что боится своих хозяев, которые зовут его за своим белым знаменем. Дворяне и чиновники идут с белым знаменем потому, что боятся и ненавидят красное. Они хотят, чтобы народ работал на них из последних сил, а сам бы оставался в бедности. Ведь если поймет народ, что помещики и богатеи его враги, то конец царству богатых. Если поймет, что чиновники ему не нужны, конец их власти и произволу.

Под белым знаменем идет полиция. Она хочет, чтобы ей жилось вольготно, как прежде. Пусть все ублажают ее взятками, а она будет своевольничать и распоряжаться, как ей вздумается. Под белым флагом идут попы, потому что темнота народная им на руку. Чем темнее народ, тем больше им дохода. Ведь попы и архиереи стоят у нас не за бедный народ, а за богачей. Кто им больше заплатит, за того они больше и молятся. Если бедному человеку нечем заплатить, то и молиться за него не будут. Не станут ни хоронить, ни крестить, если не дашь денег.

Если сбудется то, чего хотят белые, все останется попрежнему. Крестьяне будут биться без земли, платить непосильные подати и вечно голодать, рабочие будут всю жизнь гнуть свою спину над работой, терпеть угнетение и оскорбления и оставаться в нищете. Если сбудется то, чего хотят белые, то весь русский народ попадет в кабалу к чиновникам и полиции, к земским и становым.

Белое знамя—знамя богатых. Красное знамя—знамя обездоленных и угнетенных. Знамя тех, кто борется за трудящийся люд, за его светлое будущее. Если погибнет красное знамя, то некуда будет устремить взор бедняку. Если погибнет красное знамя, снова застанет народ от кандалов и казацкой нагайки. Погибнет красное знамя и снова непроглядная тьма станет над землей. Но нет, не погибнет красное знамя! За ним идут миллионы рабочих! Оно не обманет. Оно победит! Граждане! Посмотрите, кто идет вместе с вами под белым знаменем. Идут околодочные и городовые. Разве

они ваши друзья? Нет. Ведь они бьют вас. Они тащат в участок, они собирают ваши последние гроши. Идут подрядчики и трактирщики. Они тоже ратуют за белое знамя. Разве они друзья вам? Нет, нет! Они из вас выжимают соки. Они не дают вам хорошей платы. Они обсчитывают вас. Идут попы и архиереи. А они ваши друзья? Разве не они берут деньги с живого и мертвого, со старого и молодого? Разве не они торгуют тем, что христиане считают таинством. Может быть, дворяне и земские начальники ваши друзья? Да разве не они жмут крестьян и рабочих. Ведь это все ваши враги, а не друзья. От них вы видали обиды, да притеснения, никогда они не делали для вас ничего хорошего.

Граждане! Те из вас, кто живет своим трудом, кто занимается к богачам, идите под красное знамя, присоединяйтесь к социал-демократам. Они борются за лучшую долю для вас!

Граждане! Если вы голодаете и холодаете, если вы бьетесь с утра до ночи за работой, если вас теснит хозяин, если вы угнетены, идите под красное знамя, к социал-демократам, они вам друзья. Они борются за вас. Они борются за всех рабочих. Знайте, что только под красным знаменем вы сможете добиться лучшей доли. Только красное знамя укажет народу верный путь к счастью, только оно поведет к победе, только оно создаст на земле счастье для всех трудящихся и угнетенных.

Да здравствует красное знамя!

Нижегородский Об'единенный Комитет РСДРП.

8. Подготовка к всеобщей политической забастовке

В Сормове получались известия о ходе революции, вести о том, как волна погромов, усиленных чрезвычайных охран и военных положений сменялась революционными выступлениями пролетариата. Шла борьба за 8-часовой рабочий день, за власть, за учредительное собрание. Революция всколыхнула и войско. Раскаты пролетарской борьбы слышались в Севастополе, Екатеринодаре, Риге, Кронштадте и других городах. Развивались крестьянские восстания в Саратовской, Пензенской, Тамбовской и др. губерниях, где пылали имена помещиков. Кругом шла жестокая, неравная по силе и вооружению, борьба правительства с пролетариатом. Но на стороне пролетариата была сила единения угнетенных, сила, указывающая на мощь пролетариата. Это поняла либеральная буржуазия, которая до манифеста 17 октября принимала участие в борьбе против самодержавия, а в ноябре эти «борцы» за свободу уж пошли против рабочих. Сила самодержавия увеличилась.

22 ноября Петербургский Сов. Раб. Деп. издал манифест ко всему пролетариату России, в котором предлагал не платить податей, требовать рабочим заработную плату, вместо бумажных денег, золотом, брать свои сбережения из банков и сберегательных касс, везде требовать золота. Этот призыв сормовцы выполнили и через делегатов потребовали от заводоуправления расплаты золотом, каковое требование было удовлетворено. Одновременно сормовичи поспешили вынимать свои вклады из сберегательных касс. Рабочие сознавали, что этим наносится удар ненавистному правительству. В Петербурге в ответ на пролетарскую организованность правительство пошло на приступ: 26 ноября был арестован председатель

Питерского Сов. Раб. Деп., потом арестовано было бюро с'езда почтово-телеграфных служащих и бюро крестьянского союза. Из получаемых известий о происходящих событиях в России видно было, что правительство бесповоротно решило взять обратно те свободы, которые лишь обещал манифест. Сормовские рабочие хорошо сознавали, что им придется скоро выступить с оружием в руках и придется приобщиться к общей борьбе русского пролетариата. Рабочие решили вооружиться. В цехах приступили к изготовлению пик, кинжалов и оболочек для бомб.

В это время распространялась прокламация-воззвание Нижегородского Об'единенного Комитета РСДРП, вот текст этой прокламации:

Российская Социал-Демократическая Рабочая Партия. Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Граждане! Готовьтесь к всеобщей политической забастовке. В России два врага стоят друг против друга—восставший народ и правительство. Революционный народ пользуется и живет теми правами, которые он вырвал у самодержавия, хотя эти права никаким писаным законом еще не закреплены.

Народ пользуется завоеванными свободами, собирается с силами, организуется, готовится к новому, могучему натиску, чтобы окончательно раздавить своего исконного врага—самодержавный порядок.

А самодержавное правительство затаило дыхание и выжидает, когда можно испытанной рукой накинуть петлю на пробудившийся народ и вновь обратиться в рабство. Оно испугалось восставшего народа и выкинуло манифест 17 октября. Но оно не перестало ненавидеть все стремления народа к свободе. Оно обещало свободы, но оно душит проявление свобод везде, где это может делать. В угоду восставшему народу, оно убрало двух-трех из своих палачей губернаторов из одних губерний, но, дорожа палачами, оно не отпускает их от себя далеко и назначает их пока на другие должности, в другие губернии. Оно закрывает газеты, сажает людей в тюрьмы за свободное правдивое слово, как это сделало оно недавно с выборными крестьянского с'езда. Оно обманывает народ обещаниями законов о свободах и воздвигает гонение против почтовых тружеников за их союз борьбы за улучшение положения. Народ видит и ценит эту лживую, коварную политику погибающего самодержавия и с большой ненавистью и большим ожесточением готовится он к новому нападению на своего врага.

Долой самодержавие! Да здравствует Учредительное собрание—гремит восставшая Россия, с организованным рабочим классом и крестьянством во главе.—Да здравствует учредительное собрание,—вырвалось из тысячи грудей солдат и матросов в Севастополе и могучим раскатом передается этот возглас по всем частям нашей армии.

Граждане! Пусть этот великий возглас раздастся и в ваших сердцах. Пусть кому дорого счастье и свобода отечества—спешит примкнуть к передовым борцам за свободу, к организованным рабочим и вместе с ними сделают новый натиск на обессиленного врага. Революционная борьба русского пролетариата отозвалась далеко за пределами нашего отечества. Она вдохнула бодрость и отвагу в сердца европейских рабочих и заставила задрожать буржуазных правителей.

На-днях в столице Австрии 250.000 рабочих устроили по улицам грозное шествие с требованием всеобщего избирательного права, и правительство обязалось провести в парламент не позже февраля закон о всеобщем избирательном праве. Английские безработные

подали петицию своему правительству и пригрозили, что они последуют примеру петербургских товарищей, если их требования не будут удовлетворены.

Русский пролетариат показал, какой громадной силой является в его руках всеобщая политическая забастовка.

Весь мир был свидетелем того, как октябрьская забастовка остановила всю жизнь во всех его частях и тогда перед всеми предстало плавающее в народной крови, во всем своем отвратительном виде самодержавное правительство.

Граждане! Самодержавие еще не раздавлено, оно только обессилено, оно надеется еще вернуть утерянное, оно стремится еще упрочить свое положение. Оно затягивает исполнение народной воли и придумывает новый обман. Вместе со своими друзьями Шиповыми, Гучковыми, Красовскими и т. п. приспешниками, оно хочет поднести истрадавшемуся народу вместо учредительного собрания отвергнутую народом Государственную думу.

Граждане! Правительство, совместно с несколькими десятками фабрикантов и заводчиков, решило закрыть заводы и фабрики, чтобы голодом принудить сотни тысяч пролетариев к покорности.

Поздно! Слишком уж велика ненависть народа к самодержавному правительству. Слишком уж долго терзали народное тело палачи самодержавия и потому все их козни против народа будут бесплодны.

Русский пролетариат готовится еще раз показать правительству, что воля народа непоколебима. Русский пролетариат готовится к новому натиску на врага.

Граждане! Готовьесь примкнуть ко всеобщей политической забастовке по первому же зову пролетариата.

Все за одного и один за всех! Пусть закроются тогда все учреждения, общественные и частные конторы и мастерские, магазины и лавки. Пусть каждый по мере сил своих оказывает материальную и нравственную пользу пролетариату.

Пусть единоклубная остановка всей жизни еще раз покажет, что между самодержавием и народом все кончено.

Пусть это правительство насилия и обмана сгинет под вашим окриком «дойлой». Российская социал-демократическая партия призывает вас совместно с нею добиваться учредительного собрания на основе прямой, равной и тайной подачи голосов.

Готовьесь, граждане, к всеобщей политической забастовке с всенародным кличем:

Долой самодержавное правительство! Да здравствует учредительное собрание!

Декабрь, 1905 г., 20.000 экз.

Нижегородский Об'единенный Комитет РСДРП.

IV. ПЕРЕД ДЕКАБРЬСКИМ
ВОССТАНИЕМ

BOZGAFFEN
V. THEPIL DEKALOGHNY

1. Завод после октябрьских демонстраций

С выходом после трехдневной забастовки на работу рабочие увидели сразу перемену в отношениях администрации к рабочим. Прежний начальнический тон сменился и по внешности близко походил на товарищеский. Заводская жизнь, казалось бы, налаживалась хорошо и не должно бы быть недоразумений. Но администрация, по существу оставаясь все той же, не могла мириться с условиями момента, которые ограничивали ее производ, не могла мириться с требованиями рабоч. Требования рабочих, общие для всех рабочих того времени: вывесить расценки на сдельные работы, которые должны быть составлены с представителями от рабочих, улучшить условия труда в гигиеническом и санитарном отношении и ряд других, столь же насущных требований.

Администрация, по внешности оставаясь близкой рабочим, старалась всеми силами разделить, раздробить их силу и с этой целью прибегала к излюбленному средству—провокации. В железно-прокатном цеху, как более отсталом, администрация допустила группе рабочих вальцовщиков вывесить белый флаг на машине средне-сортного стана. Другая, меньшая часть рабочих, более сознательная, из числа машинистов и слесарей этого цеха, вывешенный флаг сняла. Администрация сумела натравить одну часть на другую и между рабочими этого цеха произошло столкновение. Сорвавший белый флаг машинист Хохлов был избит вальцовщиками, которые были намерены даже бросить его в печь, но заступничество сознательной части рабочих дало возможность ему скрыться на это время. Директор в доказательство своей непричастности к этой провокации издал циркуляр, воспрещающий вывешивание флагов. Революционная работа партии захватывала сознательную часть рабочих и агитация их принимала более энергичную форму. Разрознить свои ряды рабочие не давали администрации. То в одном цехе, то в другом и так в большинстве цехов на видных местах появляются разного рода объявления и воззвания революционного характера, чаще и чаще вывешиваются вырезки из газет партии. Администрация цехов в лице директора Приемского, усмотрела

в действиях рабочих «нарушение правил внутреннего распорядка», и 8 ноября издан был следующий циркуляр, разосланный заведывающим отделами и цехами завода: «За последнее время в цехах и отделах нашего завода стали появляться объявления о митингах, о сборе пожертвований на покупку оружия и т. п. Между тем, по заводским правилам, могут быть вывешиваемы на заводе только объявления, касающиеся внутреннего заводского распорядка с разрешения Главной Конторы. Поэтому я прошу вас впредь вышесказанных объявлений о митингах и т. п. не допускать в цехах как внутри, так и снаружи».

И администрация цехов настаивала на недопущении расклейки объявлений. Однако, рабочие не обращали на это никакого внимания и продолжали вести агитацию еще сильнее; объявления, воззвания, вырезки из газет революционного характера появлялись все чаще и чаще, привлекая внимание цеховых рабочих.

У администрации были недоразумения с рабочими и по другим поводам. Так, 25 октября рабочие котельного цеха прекратили работу за час до свистка, такие же случаи были и в других цехах. Начавшиеся перебои в работе, выставление рабочими различных требований, окончание работ ранее установленного времени, группировка рабочих в цехах во время работ для обсуждения различных вопросов, все это побудило администрацию заводов прибегнуть еще раз к созданию института уполномоченных, как это было весной.

26 октября вновь были избраны уполномоченные по цехам, по норме от 100 рабочих 1 уполномоченный. Первое заседание уполномоченных состоялось 5 ноября, а последнее было 2 декабря. (Заседания депутатов происходили 5, 16, 23, 28 ноября и 2 декабря.)

На первом заседании были разобраны следующие вопросы:

- 1) О принятии обратно на завод лиц, уволенных и до сих пор не принятых обратно после августовской забастовки 1904 года.
- 2) О сверхурочных работах.
- 3) О происшедшем в вальцовке инциденте.

По первому пункту постановлено, что депутаты представят директору списки лиц, которых они желали бы видеть вновь принятыми на работу. В этот список не должны входить лица скомпрометировавшие себя воровством, пьянством или физическим оскорблением мастеров или заведывающих. Заводуправление обещает поставить предложенных депутатами лиц на первую очередь для определения на работу. Кроме того, заводуправление обещает ставить рабочих, смещенных почему-либо на низшие работы, по возможности обратно на ранее занимаемые места.

По вопросу о сверхурочных работах постановлено признать в принципе сверхурочные работы нежелательными для завода и вредными для рабочих, а потому заводуправление должно стремиться по возможности изъять сверхурочные работы. С другой стороны, признано, что иногда сверхурочные работы являются

технически необходимыми и в таких случаях рабочие не должны препятствовать производству таковых. Необходимость сверхурочных необязательных работ, однако, должна обсуждаться при участии депутатов от рабочих надлежащего цеха. О вознаграждении за необязательные сверхурочные работы к следующему собранию будут выработаны особые правила.

В заключение собрание обсуждало происшедший в вальцовке инцидент. Решено было, чтобы существующая комиссия, разбиравшая уже этот инцидент, вместе с заведывающим вальцовкой и выборными мастерами этого цеха вновь разобрала его всесторонне в присутствии обвиняемых и сделала бы доклад по этому поводу.

До окончательного разбора дела постановлено временно устранить от работы нижеследующих мастеров: Ларина, Казакова, Петра Холопова, Федора Мироныча Некоркина, Данилова.

Затем собрание было закрыто и следующее назначено 12 ноября. Председателем был Романов, секретарем—Зенченко.

6 ноября вторично забастовали рабочие железнодорожного отдела с пред'явлением требований, аналогичных требованиям июньской забастовки. В ответ на забастовку правление Акционерного О-ва «Сормово», находившееся в Петербурге, ответило на имя директора следующей телеграммой от 8 ноября: «Правление, обсудив положение дел на заводе, считает совершенно невозможным продолжать работу при забастовке железнодорожной ветки и хозяйственного отдела. На удовлетворение заявленных требований, в виду сделанных уже в июле многочисленных уступок, не согласны, поэтому если по обсуждению с представителями рабочих вам не удастся убедить их поддержать завод и немедленно прекратить забастовку, грозящую нам разорением, то правление уполномочивает вас об'явить о закрытии завода и выдаче расчета.

Председатель правления *Картавец*.

9 ноября правление вторично телеграммой подтверждает и добавляет новые распоряжения: «В дополнение вчерашней телеграммы о представлении вашему усмотрению права закрыть завод сообщаем, что в случае новых забастовок или продолжения существующей, за забастовочные дни не должно быть производимо никаких уплат. В этом смысле согласились все петербургские заводчики и этого же мнения держатся здесь в министерствах. *Картавец*».

В этот же день 9 ноября было созвано экстренное собрание уполномоченных по вопросу о закрытии завода в связи с железнодорожной забастовкой. Заводоуправление циркулярно извещает заведующих о решении уполномоченных прекратить забастовку в следующих выражениях: «Имею честь сообщить, что вчера в 8 часов вечера собрание депутатов рабочих решило, чтобы дорога немедленно прекратила забастовку и отказалась от своих петиций, кроме постановки 3 смены стрелочников, при чем депутат Шмель-

ков просит уплатить забастовочные деньги. По первому требованию, предложенному нам раньше, я выразил согласие, в забастовочных деньгах отказал и требовал, чтобы железная дорога начала работать с 6½ ч. утра сегодня 10 ноября. Прошу вас немедленно собрать в вашем цехе депутатов и заявить, что продолжающаяся забастовка затягивает все дело и если сегодня же 10 ноября дорога не начнет работать, то весь завод встанет 16 ноября от истощения материала и переполнения площадей вагонами и паровозами, и весь завод придется закрыть. В отношении уплаты забастовщикам денег никакого решения, кроме отрицательного, не может быть. При отказе в деньгах я сказал, что от забастовки рабочих завод несет громадные убытки, поэтому нет никакого основания увеличивать заводу свои убытки незаконной уплатой денег. Забастовку я сравнил также с народным бедствием — пожаром, наводнением, когда все теряют. 10 ноября. Директор заводов *Приемский*».

К этому необходимо добавить, что еще 9 ноября было вывешено об'явление об увольнении рабочих погрузного цеха (бывшая Мазуринская артель), а 10 ноября было вывешено об'явление об увольнении рабочих и служащих железнодорожного отдела. Постановление уполномоченных от 9 ноября о прекращении железнодорожной забастовки возымело действие и рабочие железнодорожного отдела с 12 ноября прекратили забастовку и возобновили работу, чем предотвратили об'явленное закрытие завода на 16 ноября.

Администрация 15 ноября выпустила по заводу об этом об'явление следующего содержания: «Вследствие прекращения забастовки и возобновившегося движения сормовской железнодорожной ветки 12 ноября, сим об'является всем служащим и рабочим, что завод не будет закрыт 17 ноября, как об'явлено 10 ноября. Директор Зав. *Приемский*».

Здесь необходимо отметить, что, несмотря на такое положение в заводе, 12 ноября администрация об'являет о получении из правления О-ва необходимых сумм на открытие и в этом году, по примеру прежних лет (с 1897 года), воскресных классов с предупреждением, что приема в январе на воскресные классы не будет.

В заводе необходимо было выдать заработок рабочим за октябрь и поденные за ноябрь, но денег не было, так как их не удалось получить вследствие забастовок в стране. 19 ноября вывешивается об'явление: «Вследствие забастовки почты и телеграфа завод не получил денежного перевода из Петербурга на нижегородские банки. Когда мы узнали о забастовке почты и телеграфа были немедленно командированы в среду 16 ноября нарочные артельщики в Петербург. Имея наличных денег только для поденной уплаты, сим извещаетесь, что сегодня 19 ноября с./г. будут выданы только поденные с 6 по 12 ноября. Отрядный заработок за октябрь будет выдан немедленно по получении перевода. Выдача поденного заработка сегодня будет произведена обычным порядком в 1 ч. 30 м. дня».

Вслед за этим объявлением администрация выпускает второе: «Вследствие получения перевода по железнодорожному телеграфу, объявление о частичной выдаче заработка отменяется и 19 ноября 1905 г. с 1 час. 30 мин. будет производиться очередная выдача полочки как по отрядному, так и по поденному подсчету».

23 ноября на совещании с депутатами, кроме целого ряда вопросов, директор Приемский выступил с речью, которая в протоколе записана в следующих выражениях: раньше, чем перейти к рассмотрению новых дел и заявлений, директор заводов поставил депутатам на вид, что в последнее время в заводе замечается крайне прискорбное и ничем не оправдываемое явление, терроризация мастеров рабочими, что немедленно должно повлечь за собой весьма печальное для людей и дела последствия и нежелательные как для самих рабочих, так и для заводоуправления осложнения. Такие случаи произошли с мастерами Мирашниченко, Ляпиным, Калягиным, Усовым и Свистуновым, положение которых в заводе, благодаря неприязненному к ним отношению рабочих, остается до сего времени неопределенно. Желая расследовать всесторонне и беспристрастно претензии рабочих, заявленных к вышеозначенным мастерам, директор заводов предлагает для этого учредить временные комиссии из равного числа лиц от заводоуправления и рабочих разных цехов, непричастных к разбираемому делу. Для учреждения таких комиссий производится по всему заводу закрытая баллотировка посредством избирательных листов, при чем на каждые 100 человек избирается один кандидат в комиссию. Таким образом, со всего завода получится слишком 100 кандидатов, которые затем уже из своей среды избирают каждый раз и по каждому отдельному делу нужное число членов комиссии, также путем закрытой баллотировки. По другим недоразумениям, могущим возникнуть между рабочими, с одной стороны, и цеховой администрацией—с другой, предположено учреждать из тех же кандидатов судебные комиссии на особых началах, которые имеют быть разработаны и представлены совещанию на одном из ближайших заседаний».

В конце заседания директор взял опять слово, которое в протоколе записано следующим образом: «Закрывая совещание, директор заводов поставил депутатам на вид, что в последнее время в цехах вывешиваются самими рабочими объявления разного характера и содержания; исходящие не от заводоуправления и не имеющие ничего общего с внутренней жизнью завода в строго деловом смысле, директор просил депутатов заметить это своим товарищам и предложить им воздержаться от вывешивания подобных объявлений в черте завода и мастерских».

Жизнь завода не была спокойна, а бурлила ключом. Рабочие предъявили целый ряд требований, администрация все чаще и чаще объявляла о расчетах и закрытии цехов. Вот текст оставшихся от того времени объявлений.

«Вследствие требований мастеровых обрезочной мастерской сменить мастера А. И. Лысенко, заводоуправление извещает всех

рабочих обрезной, что до всестороннего расследования поступков А. И. Лысенко, которое немедленно начато, оно не находит никаких причин к исполнению такового требования. До окончания расследования мастер г. Лысенко должен исполнять свои обязанности, как и раньше, но если ему будет оказано рабочими противодействие, то мастерская будет закрыта и рабочие рассчитаются».

— «1 сего декабря рабочие столярного цеха самовольно потребовали увольнения заведующего столярным цехом И. Т. Ласберга. По расследовании этого случая заводоуправление извещает рабочих, что вторжение их в дела администрации не будет допущено, почему, на основании § 4 условий найма, все рабочие столярного цеха получают окончательный расчет 14 декабря, и мастерская будет закрыта».

— «Мастеровым железо-перделочного цеха, работающим на мелкосортном стане, сим объявляется, что, вследствие прекращения ими работ в ночь с 28 на 29 ноября, все они будут считаться уволенными с пятницы 2 декабря с.г., если до этого дня работы на стане не возобновятся».

1 декабря машинная команда электрической станции, не получая долгие время ответа на свои ранее предъявленные требования, забастовала. Вечером, за час до окончания работ на заводе, машинисты приготовили все необходимое для останова станции, остановили машины. Остановились все моторы, завод погрузился в мрак. Уполномоченные других цехов и рабочие пришли к электрической станции и предложили машинной команде приступить к работе, обещая на другой день разобрать их требования на собрании уполномоченных. Забастовка машинистов, повлекшая за собою остановку всего завода, продолжалась менее часа, так как машинисты согласились с предложениями уполномоченных и тут же приступили к работе.

Утром 2 декабря по всем цехам было дано объявление: «Заводоуправление приглашает г.г. депутатов всех цехов явиться 2 декабря, в 9 час. утра, в главную контору для совместного обсуждения положения, вызванного забастовкой электрического цеха 1 декабря 1905 года».

Так начал завод первые дни декабря.

Эти дни проходили в Сормове в нервно-напряженном состоянии. Известия о начавшемся усиленном и решительном наступлении правительства на революцию вызывало боевое настроение у рабочих. Сормово ждало решительных дней, ждало революционного боя. Рабочие готовились стать на защиту революции, чтобы мужественно встретить вражеские штыки царских опричников. Революционное настроение рабочих в некоторых цехах выливалось наружу в виде забастовок. Вот объявление администрации: «5 декабря рабочие полускатного, медно-трубного, паровозо-механического, паровозо-сборочного, паровозо-котельного, болтового, а также часть швеллерного и вагонно-классного цехов самовольно прекратили работу в 2 часа, вместо 5, вопреки точного смысла § 56

прав. внутр. распорядка. 8 декабря в некоторых цехах была приостановлена работа в 11½ час. для устройства в мастерских митингов». И дальше администрация добавляет угрозу: «Мастеровые и рабочие Сормовских заводов сим предупреждаются, что в случае дальнейших подобных нарушений правил внутреннего распорядка неизбежно последует распоряжение правления о закрытии Сормовских заводов на неопределенное время». Администрация принимает все меры, чтобы не допустить революционного под'ема или сдержать его. Устраиваются совещания. Заведующим отделами и цехами разосланы повестки: «Директор Сормовских заводов сим приглашает вас сегодня к 5 часам вечера в помещение старой главной конторы на заседание по вопросу о том, что 8 и 9 с/м. в разных мастерских замечалось изготовление посторонних, не относящихся к заводскому производству предметов из заводских материалов, о нарушении некоторыми мастерскими правил внутреннего распорядка. 9 декабря 1905 г. Директор заводов Приемский». В эти дни в цехах завода рабочие одновременно с выполнением заводских работ изготовляли для себя холодное оружие и оболочки для бомб.

Плановость работы была нарушена, правила внутреннего распорядка забыты и с администрацией цехов не считались. Некоторые администраторы недружелюбно смотрели на рабочих и делали разные иронические замечания, но в большинстве случаев старались избегать столкновения с рабочими.

8 декабря в цехах завода собирались митинги, на которых обсуждалось нападение правительства на революцию. Говорилось о начавшемся восстании рабочих в Москве, говорилось о их героической борьбе. Администрация в тот же день объявила об остановке завода с 23 декабря и извещала, что работы будут возобновлены в январе 1906 года с предупреждением, что желающие сохранить за собою места должны взять отпуск, а не заявившие до 10 декабря об отпуске будут рассчитаны.

9 декабря, по случаю московского восстания рабочих состоялся обще-заводской митинг. Тов «Бебель» (Сухов) произнес революционно-зажигательную речь, которая вызвала сильный под'ем среди рабочих. В своей речи «Бебель» объяснил общее течение революции и призывал рабочих выступить с оружием в руках на защиту революции, поддержать московских товарищей. Выступавший затем директор заводов Приемский стал призывать рабочих к повиновению начальству, просил продолжать работать на благо родины, даже пролил крокодиловы слезы: «Я плачу над непониманием рабочими своего истинного положения».

Ему отвечал от имени рабочих тов. «Бебель», который вскрыл действительные стремления буржуазии. На этом митинге было постановлено продолжать изготовлять оружие, пока есть возможность до начала стачки и остановки заводов. В день же

объявления стачки должны быть все готовы для демонстрации и вооруженного выступления, план которого будет выработан.

Ответ «Бебеля» и постановление сильно действовали на нервы директора. Возбужденный директор стал подбегать к отдельным расходившимся с митинга рабочим, спрашивая: «Вы слышали, что он говорил. Кто он такой. Как его адрес. Будьте свидетелем, я его вызову в суд». Рабочие лишь усмехались на возбуждение директора. На его призыв никто не отозвался.

По окончании митинга рабочие возвратились в цеха, но за заводскую работу не принимались. Часть рабочих стала брать из кладовой материал и изготавливать оружие, другие же собирались группами и обсуждали разворачивающиеся события.

Назревающими событиями напуган был не один директор Сормовских заводов, а вся буржуазия в Н.-Новгороде. 9 декабря была отправлена (телеграмма в Москву командующему войсками Московского военного округа: «Положение в Сормове крайне опасно. Завтра могут быть крупные беспорядки. Войск нет. Убедительно прошу распоряжения по телеграфу об экстренной высылке из Владимира сколько возможно войск. Поезда между Владимиром и Нижним ходят. Управляющий губернией барон Фредерикс».) (Лист 29.)¹⁾

10 декабря барон Фредерикс посылает телеграмму министру внутренних дел: «Считаю долгом доложить вашему высокопревосходительству, что за увольнением запасных и за исключением военных караулов на город и Сормово, остается около 30 пехотных солдат и около 100 казаков. Между тем положение, особенно Сормова, считаю опасным. Вчера вновь телеграфировал командующему войсками об экстренной высылке войск, но на удовлетворение ходатайства не рассчитываю. Исполн. должн. губернатора барон Фредерикс».) (Лист 30).

Ответная телеграмма из Москвы от командующего войсками нижегородскому губернатору на телеграмму 9 декабря гласит: «Владимирский губернатор сам просит прислать войск».) (Л. 31).

Революционное настроение в Сормове росло. Ждали лишь организационного плана, чтобы начать вооруженное восстание. 11 декабря утром было получено в Сормове от нижегородского стачечного комитета обращение следующего содержания:

«Граждане! Насилие правительства вынудило народ начать восстание. Объявлена всероссийская забастовка. Бросайте работу в понедельник 12 декабря, в 2 часа дня, и добивайтесь немедленного освобождения арестованных, отмены военного положения и смертной казни, отмены исключительных законов, созыва учредительного собрания на основе всеобщего, прямого, равного и тайного избирательного права.

Нижегородский стачечный Комитет».)

¹⁾ Дело канцелярии нижегор. губернатора 1905 г., № 98, — объявленный губернатором, издаваемых для успокоения населения, и о мятежах.

В этот день в столовой было поставлено литературное утро, на котором были прочитаны выдержки из сатирических и других журналов, а также стихотворения и рассказы местных литераторов. В клубе же служащих (ныне Городской театр) состоялось объединенное партийное собрание. На этом собрании обсуждался вопрос о политической забастовке в связи с вышеприведенным обращением Нижегородского стачечного комитета. На собрании были заслушаны доклады представителей от цехов о готовности рабочих каждого цеха принять участие в политической забастовке и вооруженного восстания. После обмена мнений по докладам, собрание вынесло постановление—начать забастовку в понедельник 12 декабря с утра и тут же был выработан план проведения забастовки. Вечером этого дня, в целях агитации и широкого оповещения рабочих о предстоящей забастовке, в столовой местными любителями драматического искусства был поставлен спектакль «Стенька Разин». Столовая во время спектакля охранялась снаружи боевой дружиной. Зрительный зал не мог вместить всех желающих. В один из антрактов организация широко информировала о начавшемся 6 декабря в Москве вооруженном восстании и захвате московскими рабочими Московско-Нижегородской железной дороги. Затем прочитали обращение Нижегородского стачечного комитета и постановление сормовской организации начать забастовку 12 декабря, с утра. Вся информация, обращение и решение были встречены громом аплодисментов и тут же всеми присутствовавшими была пропета с большим воодушевлением «Марсельеза».

2. Политическая забастовка объявлена

На следующий день, 12 декабря, настроение рабочих отнюдь не ослабло. Наоборот, оно еще более повысилось. Обыкновенно рабочие шли в завод на работу гуськом, молча, в одиночку. В это утро к рабочим, бывшим вечером в столовой, присоединились товарищи, не знакомые с решением организации. По дороге в завод образовались группы, которые оживленно вели разговор о предстоящей забастовке. В цехах рабочие не приступали к работе: машины стояли, станки не работали, администрация цеха жалась по своим конторам и избегала рабочих. Партийные и активные товарищи, собирая рабочих в группы, агитировали за выход из цехов на общезаводский митинг.

Несколько партийных товарищей направились на электрическую станцию, чтобы дать гудок. Пришедшие на станцию привода к гудку не нашли, он был снят по приказанию администрации. Гудок дал один из рабочих, тов. Олимпиев, которому партийной организацией заранее было дано поручение.

В 9 часов утра загудел призывный свисток.

Медленный ровный звук гудка, разливаясь вначале между каменных и железных громад завода, усиливался и звал. Рабочие из

всех цехов стали подходить к главной конторе на место митинга — площадь между чугуно-литейным и механическим цехами, куда и собралось рабочих до 10.000 человек.

Рабочий тов. Василий Романов (брат депутата от рабочих Нижегородской губернии 2-й государственной думы Ивана Романова) с трибуны, состоящей из бочек и досок, открыл собрание. Рабочий Зенченко, пропагандист «Жорж», «Бебель» и другие говорили о борьбе московских рабочих с правительственными войсками, о том, что рабочие во всех крупных городах строят баррикады и мужественно сражаются за свободу, что московский генерал-губернатор Дубасов не надеется на московские войска и просил у правительства помощи. Из Петербурга был выслан в Москву Семеновский гвардейский полк; с ним рабочие вступили в бой. «Результаты боя пока не известны, но если мы все будем солидарны с московскими товарищами, то победа будет за нами».

Общезаводский митинг принял тут же решение об объявлении политической забастовки рабочих сормовских заводов и избрал для руководства забастовкой Стачечный комитет из 10 человек. Руководителями политической забастовки были избраны: В. Кучумов, А. Чарухин, Ф. Рыбников, А. Шпагин, В. Романов, С. Зенченко, М. Яковлев, М. Громов, «Бебель»-Сухов и Шмельков.

На этом же общезаводском митинге было постановлено организовать демонстрацию с имеющимся оружием и идти в столовую для обсуждения вопроса о дальнейших действиях.

Администрация, с своей стороны, принимала меры к подавлению восстания. В деле канцелярии Нижегородского губернатора имеется от 12 декабря шифрованная телеграмма нижегородскому губернатору из министерства внутренних дел: «Директор Сормовских заводов телеграфировал об угрожаемом положении завода. Управляющий министерством приказал принять энергичные меры к водворению порядка, воспретить совершенно митинги на основании усиленной охраны и арестовать революционеров и агитаторов. Директор В у и ч» (Л. 32).

Рабочие по окончании общезаводского митинга построились в ряды и, имея во главе боевую дружину, двинулись с красными знаменами под командой начальника боевой дружины тов. П а в л а М о ч а л о в а, из завода по Александро-Невской улице (ныне ул. Баррикад), направляясь в столовую по Шоссейной ул. (ныне ул. Коминтерна). На случай засады со стороны полиции была вперед послана разведка.

V. ВООРУЖЕННОЕ ВОССТАНИЕ

V. BOBYKINHOE BOCTAHNE

1. Первые столкновения

Уличная жизнь большого Сормовского района не была обычной. Обывательской части населения на улицах не было. Не видно было также и полицейских на своих постах. Стояла какая-то загадочная тишина. По Шоссейной ул. к клубу служащих шла рабочая масса, воодушевленная, живая, грозная. Когда демонстранты подходили к клубу, то из рощи (ныне спортивная площадка) выехал навстречу раз'езд конной полиции в количестве 15 человек во главе с исправником Петровым. Преградив путь демонстрации, исправник грубо потребовал, чтобы рабочие сейчас же разошлись.

Дерзкое требование исправника вывело из себя члена боевой дружины А. Спиридонова, который, забыв партийную дисциплину, выстрелил в полицию из револьвера. Вслед за выстрелом А. Спиридонова раздался ряд выстрелов из охотничьих ружей и револьверов со стороны рабочих не-членов боевой дружины. Конный отряд полиции быстро повернул лошадей и скрылся. Из документов жандармского управления видно, что в это время один полицейский был ранен.

Нарушение дисциплины и тактики преждевременным выстрелом Спиридонова не дало возможности обезоружить полицию. Тов. Мочалов—начальник боевой дружины—быстро оценил положение и, подойдя к Спиридонову со словами «застрелю», энергичным жестом его обезоружил. Это задержало демонстрацию на ненадолго, но не отразилось на стройности шествия, которое мимо клуба служащих направилось к столовой.

Боевая дружина встала цепью поперек улицы перед столовой с южной стороны, охраняя подступы к ней от расположенных в роще цепью казаков и полиции в количестве до 100 чел. Рабочим, идущим в столовую, было передано распоряжение начальника боевой дружины о том, чтобы имеющие оружие в столовую не входили, а остались снаружи для охраны. В столовую вошло не более 500 человек, когда отделился от шеренги казаков

казачий офицер и, не доезжая шагов на 100 до цепи боевой дружины, потребовал, чтобы все разошлись, грозя, в противном случае, открыть стрельбу. Организация, имея в виду громадный перевес вооружения казаков перед боевой дружиной и зная, что казаки вновь прибывшие и еще нераспропагандированные, будут слепо подчиняться приказаниям своего офицера, не желала подвести рабочих под расстрел, выслала навстречу офицеру парламентарера в лице т. Ив. Савина для переговоров о предоставлении времени на выход из столовой находящихся там рабочих.

В результате переговоров казачий офицер дал срок для очищения столовой и расхождения по домам в 5 минут. В столовую было сообщено, что собрание дальше продолжаться не может и собравшимся необходимо идти по домам. Рабочие стали выходить. Организация предлагала расходившимся рабочим зря не появляться на улицах, а также предупредить и других, дабы не подвергать себя опасности расстрела со стороны казаков и полиции.

Не успели задние ряды рабочих войти в прилегающие улицы, как раздались выстрелы со стороны полиции и казаков. Боевая дружина и вооруженные рабочие из револьверов и охотничьих ружей стали отвечать. В результате перестрелки среди рабочих оказались раненные И. Чекулаев, М. Куранов и еще двое рабочих. После ухода рабочих и охраны боевой дружины со своих постов, столовую заняли казаки и полиция. В результате произведенного обыска в столовой была найдена революционная литература, которую организация не успела убрать, а также вино и пиво, отобранные накануне у шинкарей, которые казаки тут же выпили.

Получив так легко первую победу, полиция и казаки, под влиянием выпитого вина и пива, начали терроризировать население, живущее близ столовой и клуба, расстреливая выходивших на улицы женщин и детей.

В виду того, что отступление из столовой было произведено быстро, не было возможности выработать план действий. Говорили, что вечером будет сообщено всем о дальнейших действиях. Партийцы и стачечный комитет условились собраться в Каменной школе для обсуждения создавшегося положения. Некоторые вооруженные рабочие, не-партийцы, не могли согласиться с невозможностью продолжать бой с лучше вооруженным противником и не оставили район, занятый казаками и полицией. Они разошлись по ближайшим переулкам и знакомым дворам, чтобы наблюдать за передвижением и действиями полиции и казаков.

Боевая дружина собралась в доме, находящемся в переулке около Дарьинской проходной, для обсуждения плана дальнейших действий и вопроса о нарушении дисциплины тов. Спиридоновым. Вопрос о вооружении был поставлен первым. Необходимо было приобрести винтовки путем захвата балахнинского арсенала. Выяснилось через посланных разведчиков, что сделать это было можно. Решено было одной части дружины отправиться на утро в Балахну для осуществления намеченного плана.

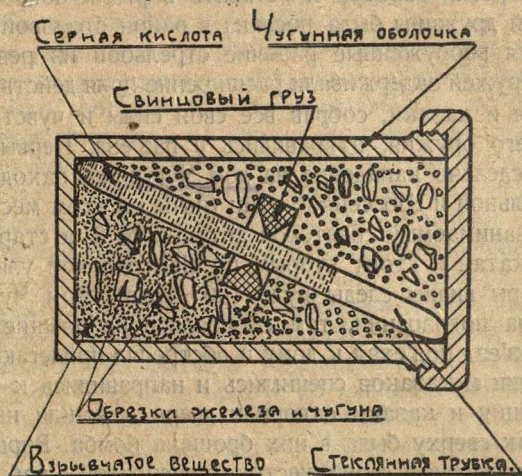
По делу товарища Спиридонова, нарушившего дисциплину боевой дружины, мнения разделились. За нарушение дисциплины ему грозил расстрел, на этом особенно настаивал начальник боевой дружины. После серьезного и всестороннего обсуждения было выяснено, что выстрел тов. Спиридоновым был произведен не с провокационной целью, а под влиянием революционного порыва. Согласились и решили тов. Спиридонова наказанию не подвергать, а вынести строгий выговор и оставить в рядах боевой дружины. Часть боевой дружины была послана в район столовой. Эта часть и оставшиеся вооруженные рабочие стрельбой из револьверов и охотничьих ружей задерживали расширение поля действия полиции.

Полиция и казаки, собрав все свои силы и чувствуя превосходство своего оружия, отправились в раз'езд. Первым же раз'ездом было сделано нападение на дом Чугурина, находившийся на углу Центральной и Шоссейной улиц (ныне на этом месте построен новый дом, занимаемый советской аптекой № 2, а старый дом Чугурина перекатан и стоит вторым по Центральной улице. На нем и до сей поры видны следы пуль 1905 года). Дом Чугурина был у полиции на подозрении, там собирались небольшие партийные собрания. Раз'езд под'ехал к дому и обстрелял прилегающие улицы. Часть полиции и казаков спешили и направились к дому. Лишь только полиция и казаки отворили дверь и вошли на площадку лестницы, как сверху была в них брошена бомба. Взрывом бомбы были убиты известный своей жестокой расправой с рабочими полицейский Романов и один казак. Еще один казак оказался раненым. Взрыв бомбы ввел в замешательство раз'езд полиции и казаков, которые в испуге отбежали на противоположную сторону. Этим замешательством воспользовались находившиеся в квартире 2-го этажа. И. Савин бросил бомбу, и революционеры скрылись. Не успели скрыться женщина, родственница Столбовой, случайно находившаяся в доме и 2 гимназиста, приехавшие из Нижнего. Озверевшая полиция и казаки, оправившись от испуга, начали залпами обстреливать дом с противоположной стороны. Обстрел продолжался более часа, после чего полиция и казаки вошли в дом и зверски убили всех оставшихся там.

Вечером в этот день и ночью полиция не делала попыток к нападению на дома. Рабочие воспользовались отсутствием полиции и свободно общались между собою, горячо обсуждая события минувшего дня. Одновременно партия обсуждала вопрос о перспективах развивающихся событий. Рабочие, под влиянием сведений о разворачивающихся революционных боях, в особенности в Москве, приходили в боевое настроение. Учитывая это, организация предложила стачечному комитету и боевой дружине высказать свое мнение по поводу дальнейших действий.

Вечером этого дня в Каменной школе (ныне им. Баррикад 1905 г.) состоялось собрание стачечного комитета. На этом со-

брании были и члены партийной организации. Перед всеми присутствующими стоял вопрос: какие принимать меры при создавшемся положении, как предотвратить дальнейшие зверские расстрелы полицейско-казацкими раз'ездами мирного населения. После обмена мнений выяснилось, что у рабочих масс замечается стихийный боевой под'ем, что утром рабочие выступят с имеющимся оружием на защиту своих прав. При этом решили свое мнение довести до сведения партии.

Чертеж бомбы, которыми была снабжена боевая дружина.

Вслед за собранием стачечного комитета состоялось собрание штаба боевой дружины, на котором обсуждался вопрос о тактических действиях боевой дружины. Решено было, в виду недостатка оружия, избегать массовых вооруженных выступлений, повести партизанские нападения и в ночь пустить отряды для разведок.

После собрания стачечного комитета и штаба боевой дружины состоялось собрание коллектива организации по вопросу о дальнейших действиях. Собрание коллектива, ознакомившись с мнениями по этому вопросу стачечного комитета и штаба боевой дружины, подвергла их обсуждению. Во время прений выявилось два течения: одно — за открытую вооруженную борьбу, а другое — за партизанские выступления. Сторонники открытой борьбы основывались на повышенном настроении рабочей массы, на ее готовности к революционному бою. Учитывая сравнительно незначительное количество, хотя и хорошо вооруженного, противника, предлагалось обезоружить его неожиданным нападением на казармы. Сторонники партизанского выступления считали бесполезным идти в открытую борьбу с револьверами и бомбами против вооруженного винтовками противника и предлагали воздержаться от открытого

выступления впредь до захвата боевой дружиной балахнинского арсенала, а также выждать время до предполагаемого выступления нижегородской военной организации. После горячих прений, собрание большинством голосов приняло предложение — воздержаться от открытого вооруженного нападения на полицию и казаков, а начать партизанскую борьбу. В этом духе было составлено обращение к населению, которое предполагалось утром распространить.

Ночь с 12 на 13 прошла спокойно. По улицам Сормова, за исключением района столовой, ходила охрана и разведка из членов боевой дружины.

Об этом дне, первом дне борьбы, губернатор сообщил телеграфно министру внутренних дел: «В Сормове начались беспорядки, несколько десятков мятежников убито и ранено. Волнения продолжаются. Положение города также опасно, в виду полного недостатка войск. Предлагаю немедленно организовать вооруженные отряды в помощь полиции. Просил телеграммой командующего войсками отпустить необходимое количество винтовок. Ходатайствую об экстренном отпуске на организацию отряда 25.000 рублей. Мера эта необходима немедленно. Иначе последствия могут быть весьма печальны, кроме того, она даст возможность арестовывать революционеров и агитаторов. Часть полиции города и Сормова мною уже вооружена винтовками. Сормово объявляется мною на положении усиленной охраны. Исполняющий должность губернатора барон Фредерикс». (Л. 34).

В объявлении от исправляющего должность нижегородского губернатора говорится: «12 декабря в Сормове толпа мятежников устроила открытое вооруженное нападение на полицию, но была рассеяна силою оружия. Вчера, того же числа, злоумышленниками была брошена бомба в раз'езд, которой убиты казак и стражник и ранен один стражник.

Объявить Сормовский район (Козинскую и Гордеевскую волости) в положении усиленной охраны. Я вместе с тем обращаюсь ко всем благомыслящим жителям этой местности с просьбой своим благоразумным спокойным поведением содействовать восстановлению порядка. Главным образом, прошу воздержаться от участия в каких бы то ни было сборищах и сходках в общественных местах и на улицах, так как всякие беспорядки будут прекращены самым решительным образом, при чем легко могут пострадать невинные люди, примкнувшие к толпе из-за любопытства. И. д. губернатора, вице-губернатор барон Фредерикс». 12 декабря 1905 г. (Л. 41).

И, наконец, донесение губернатору времен. и. д. Балахнинского исправника Петрова, написанное карандашом на четвертушке бумаги, в тот же день гласит: «Покорнейше прошу распоряжения о высылке сейчас же возможно большего числа патронов в Сормово, в казацки казармы, для 54-линейных винтовок системы «Бердана», с тем, чтобы патроны эти были получены не позднее

6 часов утра 12 декабря, так как имеются сведения, что социал-революционеры надеются на скорый исход имеющихся патронов и предпримут свои меры к уничтожению казаков и полиции. В виду закрытия завода, прошу о высылке воинского подкрепления. Пишу в казачьей казарме, где нет бумаги. 12 декабря. Вр. и. д. исправника Петров».

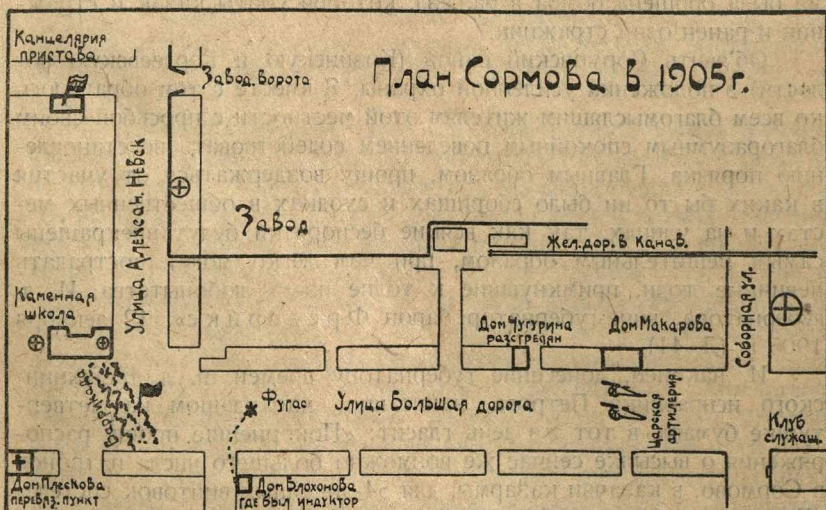
Рано утром 12 декабря по улицам Сормова на телеграфных столбах и на заборах было вывешено об'явление организации с призывом к населению озаботиться заготовкой продуктов, в виду возможного прекращения торговли на продолжительное время, в связи с разворачивающимися событиями.

Утром же собравшиеся члены боевой дружины получили известие, что замки от винтовок, находящихся в Балахнинском арсенале, отправлены в Нижний. Поездка в Балахну за оружием не состоялась.

В связи с об'явлением о заготовке продуктов, население пришло к торговым помещениям, которые были в этот момент закрыты. Организацией были приняты меры к принудительному открытию продовольственных лавок, крупных в то время торговцев Нуколова и Котова (ныне помещение клуба «Металлист»), что и дало возможность закупить населению необходимое продовольствие. Торговля производилась до появления казачьих и полицейских раз'ездов.

2. На баррикады!..

На Шоссейной улице Сормова можно было заметить быстрое движение. Все напоминало о прошедшем дне. У дома Чугурина останавливались отдельные рабочие, рассматривая, как казацкие

пули изрешетили окна и стены дома и быстро уходили. Слышны были сожаления рабочих о том, что у них нет таких же винтовок.

В переулках, пересекающих Шоссейную улицу, и в проходных дворах в особенности вблизи Каменной школы, рабочих было больше. Это была та революционная сила, которой требовались действия, которая желала активно участвовать в боях.

Вскоре из казарм выехали полиция и казаки, остановились у клуба служащих и начали обстреливать Шоссейную и Соборную улицы. Одновременно также стали раздаваться выстрелы и от главной конторы вдоль Узко-Заводской и Александро-Невской улиц. Это стрелял отряд полиции, находившийся до сего времени внутри завода. Этот отряд выехал из завода, обстрелял улицы и направился по Александро-Невской улице на Шоссейную. У Каменной школы отряд повернул к клубу для соединения с отрядом, находившимся у клуба служащих. Этот маневр противника был замечен разведкой боевой дружины и вооруженными рабочими, наблюдавшими за действиями противника из-за строений вблизи школы. Недопустить соединение этих отрядов было невозможно, так как во время перестрелки рабочих с полицией могло пострадать непредупрежденное население окружающих домов.

Тут одной из групп рабочих, во главе с тов. Бурдиным находящейся во дворе дома Плескова против школы, явилась мысль сделать заграждение поперек улицы, чтобы можно было из-за них отстреливаться от полиции и не допускать противника к дальнейшему продвижению. Первым материалом к этому послужил ехавший обоз с дровами. Один миг, и сани с дровами отпрягались и ставились поперек улицы. Другие рабочие быстро начали таскать от домов и со дворов имеющийся там лесной материал, доски, ящики, бревна. На Шоссейной улице и пересекавших ее переулках можно было наблюдать незабываемую картину дружной и кипучей работы, какую история знает только в дни великих революционных баррикадных боев. Баррикады строились не только взрослыми рабочими, но и женщинами, и детьми. Помогали, кто чем мог. Из Каменной школы приносили ученические парты, разную мебель и все, что могло служить заграждением. Сюда же было доставлено 2 воза листового железа, предназначенного заводом к отправке в затон, но прехваченного рабочими на Узко-Заводской. Из всего этого материала выросла баррикада от угла школы высотой около 3 арш. Все это было обвалено снегом и полито водой. Тут же явились топоры и пилы. Спиливались и срубались телеграфные столбы. Рвалась с них проволока и ею укреплялись баррикады. Все это делалось под выстрелами казаков и полиции. К полудню был устроен целый ряд баррикад почти по всем улицам Сормова. Шоссейная улица почти до самого клуба была переплетена телеграфной и телефонной проволокой. После стихийного возникновения баррикад по всему Сормову, организации пришлось отменить вчерашнее постановление о ведении партизанской войны и взять в свои руки руководство вооруженным восстанием. Для руковод-

ства восстанием организован был боевой штаб из 6 человек на паритетных началах от политических партий. В боевом штабе были: П. Малагов, меньшевик, под кличкой «Илья», с.-д. В. Ошмарин, П. Мочалов, В. Кирсанов (большевики). П. Мочалову принадлежало руководство всеми вооруженными силами восставших рабочих Сормова. На случай ранения и выбытия из строя П. Мочалова, ему был назначен заместитель В. Кирсанов.

3. Каменная школа—революционная крепость

Боевая дружина в 70 человек была вооружена бомбами. Рабочих, вооруженных охотничьими ружьями, было человек 40, остальные имели всего около 200 револьверов. Главной базой служила Каменная школа, здесь было сердце революционных действий, здесь была крепость восставших рабочих. Приходили на защиту баррикад и безоружные рабочие, но за неимением оружия, организация отсылала их из школы и с баррикад обратно, во избежание лишних жертв. Некоторые безоружные все же оставались на баррикадах.

Каменная школа, размером 17 на 10 саж., трехэтажная, с подвальным жилым помещением, в котором находилось котельное отделение для центрального отопления, квартиры для сторожей и истопника, библиотека и читальня, ремесленные классы, раздевальня. В 1 и 2 этажах помещалось 10 классных комнат, учительская и два рекреационных зала. В 3 этаже 4 классных комнаты, церковь и хоры.

Восставшие рабочие разместились следующим порядком: в подвальном этаже находилось нечто вроде лаборатории, где производилось зарядка бомб и фугасов и хранение взрывчатых веществ; в 1 этаже было сложено продовольствие, заведывание которым было поручено товарищу Боргману, убитому 14 декабря в этой школе шрапнелью; в рекреационном зале 2 этажа в окне, обращенном вдоль Шоссейной ул., по направлению к клубу, была установлена пушка (пушка была сделана беспартийным токарем механического цеха К. Е. Париковым, утонувшем в р. Волге

Каменная школа. На правом фасаде видны пять пробоин от артиллерийских выстрелов.

в 1908 году, и впоследствии на суде фигурировала, как вещественное доказательство); вооруженные рабочие расположились в 1 и 2 этажах и приготовились стрелять из окон для отражения атак полиции и казаков. В школе находилось 50 оболочек бомб и 2 фугаса, а, кроме того, снаряженные бомбы находились и в других местах Сормова. Баррикады охранялись боевой дружиной, которая с этой целью высылала 10 человек с ружьями; их сменяли, в виду холода, каждый час. Баррикады, расположенные в переулках, выходящих на Шоссейную улицу, напр., в Лебедевском пер., в Проездном (ныне ул. Исполкома) и др., служили препятствием для захода противника в тыл Каменной школы. Охрану этих баррикад несли рабочие, вооруженные револьверами и пиками. С этими рабочими штаб поддерживал непрерывную живую связь.

Был организован пункт Красного креста для оказания медицинской помощи рабочим. Для заведывания и руководства был вызван нижегородский врач Давыдов (меньшевик). Под руководством Давыдова и при участии сестер милосердия, прослушавших ранее в столовой цикл лекций доктора Долгополова о помощи раненым, был устроен перевязочный пункт в доме Плескова, против Каменной школы, в дальнейшем перенесенный, в виду опасности обстрела шрапнелью, в дом Дыбкова, по Старой Канаве (ныне ул. Калинина). Сестры милосердия и санитары, кроме перевязочного пункта, несли дежурство и в Каменной школе, и на других баррикадах, и по улицам Сормова. Отличительным знаком

у санитаров и сестер милосердия служила белая повязка с красным крестом. На перевязочном пункте в доме Плескова тоже был вывешен флаг красного креста. В составе сестер милосердия и санитаров были: К. Савина, Агеева, М. Минина, Зилотина, Бондырева, Ф. Погодина, М. Кашина, Монова, Лаптева, П. Бурдина, К. Постнова, Шимборская, Титова, Аверина, Афанасьева, Рабынина, Шаманина, Маркелова, П. Ершов и друг.

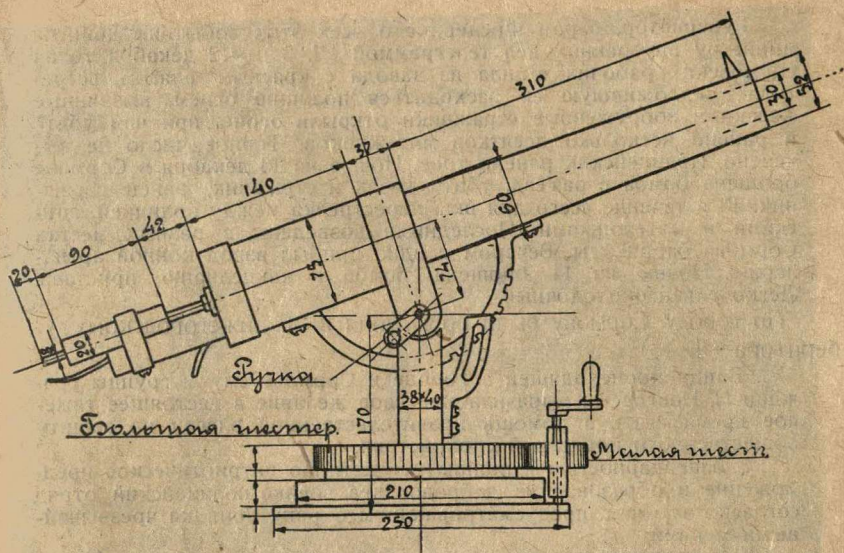
Революционным подъемом были охвачены не только рабочие, но и обывательская часть населения. Это проявилось и в постройке баррикад, и в виде помощи при организации красного креста. Население готовило корпии и материалы для перевязок и переноски раненых. Защитникам баррикад и засевшим в школе население оказывало помощь добровольной доставкой продовольствия.

Полиция и казаки утром, после присоединения раз'ездов от главной конторы и от клуба, все время до полудня производили редкий обстрел строящихся баррикад. После полудня выстрелы участились, а часам к трем, очищая Шоссейную улицу от проволочных заграждений, полиция и казаки приближались к школе, не прерывая обстрела. Засевшие в школе рабочие на выстрелы полиции и казаков отвечали стрельбой из охотничьих ружей, а когда отряд полиции подошел на расстояние 150 саж. до главной баррикады, дали выстрел из ранее установленной в школе самодельной пушки. Выстрел оказался удачным: был убит главный руководитель отряда полиции и казаков—казачий офицер. Стрелял сам тов. Париков, построивший пушку. Убийство командира отряда привело полицию и казаков в замешательство. Отряд, подобрав убитого офицера, отступил к казармам и в этот день вновь попыток к наступлению на баррикады не производилось.

Вечером на опутанных проволокой улицах Сормова было тихо. Все раненые и убитые были убраны. Только у баррикад было заметно движение дежурных, которые строго исполняли приказ революционного штаба. Приказом штаба было объявлено, что желающие остаться в ночь на баррикадах отпущены не будут, не желающие оставаться должны удалиться; ночью доступа на баррикады не будет.

С наступлением темноты возник вопрос об освещении школы, так как электрической энергии из завода не было, а ламп в школе не нашли. Кем-то была подана мысль использовать восковые свечи, находящиеся в свечном ящике школьной церкви. Тут же был вскрыт свечной ящик в присутствии руководителя вооруженными силами тов. Мочалова и забраны свечи, каковыми всю ночь и освещалась рабочая крепость-школа.

В этом же ящике были обнаружены и деньги в сумме 273 руб. с копейками, которые были сосчитаны и товарищем Мочаловым поручено троем товарищам: И. Власову, В. Крисанову и А. Матвееву снести и сдать под расписку церковному причту Александроневской церкви (ныне школа имени Н. А. Угланова). Эти три то-

Гладкоствольная пушка, сделанная беспарт. рабочим К. И. Париковым.

варища на другой день, т.е. 14 декабря, утром снесли деньги в церковь и сдали их священнику Антонину Миловскому. На предложение проверить эти деньги священник ответил, что он верит товарищам, и от проверки отказался, а выдал товарищам расписку за своей подписью и церковной печатью. Содержание расписки: «Расписка. Мною, священником Александро-Невской церкви Антонином Миловским, получены от представителей РСДРП деньги из свечного ящика школьной церкви в сумме 273 руб. с копейками. 14 декабря 1905 года». Подпись и печать.

Вечером штабом была послана разведка для выяснения положения других баррикад, узнать, не было ли где-либо попыток полиции и казаков пробраться в тыл главной баррикады. Также была организована разведка и к казармам полиции и казаков, чтобы узнать об их расположении и действиях и, в случае возможности, бросить бомбы. Разведка оделась в белые халаты и простыни, чтобы не быть замеченной при белом покрове снега и ближе подойти к казармам. Разведкой бомбы брошены не были, но она близко подошла к казармам и кое-что добыла.

Этой же ночью в канцелярию полицейского пристава, находившуюся по Узко-Заводской улице, на расстоянии 25 саженей от главной конторы, в доме Красильниковых, была брошена бомба, которая разорвалась и ее осколками был ранен один полицейский надзиратель. В канцелярии самого пристава и других чинов полиции не было, так как они перенесли свой штаб в завод и казармы. Бросать эту бомбу ходило двое. Иван Устинов (Китыч) и Павел Попотин.

Губернатор, барон Фредерикс о всех этих событиях доносил министру внутренних дел телеграммой (Л. 54): «12 декабря толпа сормовских рабочих вышла из завода с красным флагом, встретила предложившую ей расходиться полицию огнем, вызванные казаки и вооруженные стражники открыли огонь, при чем убито и ранено несколько десятков мятежников. Точное число не выяснено. Полицейских ранено трое. Ночью на 13 декабря в Сормове брошена бомба в раз'езд, убиты казак и стражник, ранен стражник. 13 в течение всего дня шла перестрелка между полицией, войсками и мятежниками. Последними возведены в разных местах Сормова баррикады. Вечером поздно прибыл взвод конной артиллерии. Ночью на 14 брошена бомба в канцелярию пристава. Легко ранен околоточный.

По городу Сормову были объявления и. д. нижегородского губернатора (Л. 46):

«Ввиду происходящей в городе и Сормове смуты группы граждан Н.-Новгорода выразила мне свое желание в настоящее тяжелое время стать в помощь правительственной власти на защиту общественного порядка и спокойствия.

С благодарностью я принял это истинно патриотическое предложение и образовал из добровольцев военно-полицейский отряд согласно законам, предусматривающим охрану порядка чрезвычайными мерами.

К сожалению, не могу не сомневаться, что найдутся недобросовестные люди, которые обвинят меня в организации так называемой черной сотни и постараются бросить тень на деятельность преданных долгу и отечеству людей, поэтому считаю долгом объявить, что означенный отряд добровольцев состоит из вполне благонадежных и хорошо известных лиц, принявших на себя эту нелегкую обязанность исключительно для содействия законной власти...

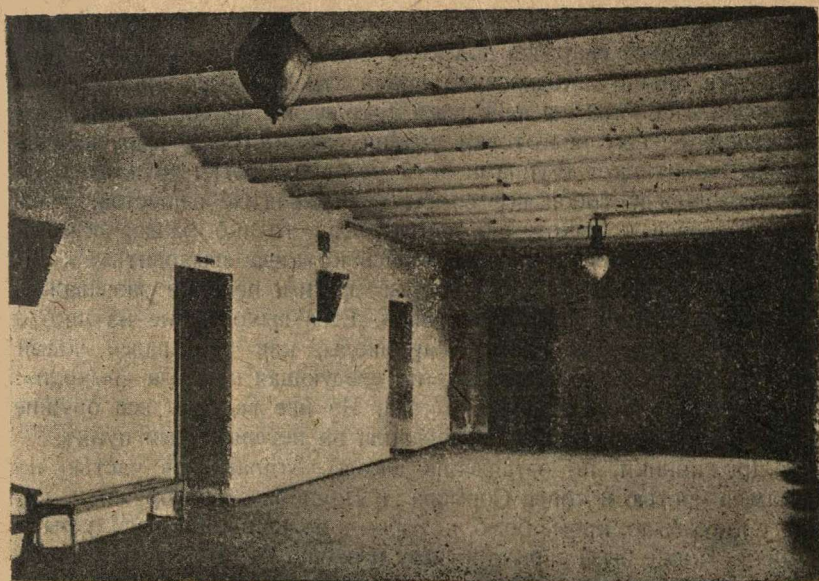
Руководство действиями отряда принимают на себя г.г. офицеры».

Организация этого военно-полицейского отряда описана в воспоминаниях М. А. Ярочкина.

4. Исход восстания решила артиллерия

14 декабря утром всем защитникам баррикад стало известно, что в Сормово прибудет артиллерия. Это известие особенно удручающего впечатления не произвело, точно все ждали этого. Защитники баррикад решили не оставлять их до последней крайности и принять бой с противником. Для отражения могущих быть со стороны противника атак на баррикады, приступили к закладке фугаса. С помощью ломов, топоров, лопат и горячей воды было сделано в мерзлой воде углубление по середине Шоссейной улицы, против Проездного переулка, где в настоящее время проходит железная дорога на Балахну, на расстоянии 40 сажен от школы. В это углубление и был заложен фугас и засыпан землей и снегом. Индуктор с проводами от фугаса для извлечения электрической искры находился в доме Балахонова. Закладкой фугаса руководил П. Васильев (эс-дек), а дежурным у индуктора был Аверкин.

Около 10 часов утра в Сормово прибыло 75-миллиметровое орудие. Когда из школы увидали, что по Шоссейной улице, близ клуба, против пересечения Соборной улицы устанавливается ору-

Внутренний вид каменной школы (ныне школа Баррикад). На потолке видны следы разрывавшихся снарядов.

дие и кругом него выстраиваются полиция и казаки, то всем защитникам школы-крепости план военных операций противника стал ясен: готовилась атака под прикрытием артиллерии. В школе-крепости все были на своих местах и готовились к началу бомбардировки. Ждали начала действий противника. Орудие установили около дома Сакарова, по Большой ул.

Раздался первый выстрел, направленный в Каменную школу. Снаряд перелетел школу и упал у Глухового озера, близ Починок. Вслед за первым выстрелом последовал ряд других. 5 снарядов пробили стену школы-крепости к углу Шоссейной улицы (ныне эти места, заделанные новым камнем, заметны). Одним из снарядов, пробившим баррикады, был убит К о с т я К о л ч и н. Снаряд разорвался в дверях школы. Он был убит его осколками. Дальнейшими снарядами, пробившими как стену школы, так и попавшими через окно в рекреационный зал 2 этажа, были убиты тов. Герман Бортман и друг. тяжело ранены: Катя Савина, Жидов и Горюнов А. В промежутки между выстрелами из орудия противника защитники баррикад отвечали залпами из своей лушки и охотничьих ружей, но за дальностью расстояния, вреда противнику не принесли, хотя все же задерживали его наступление к школе-крепости по сторонам Шоссейной улицы. При дальнейшей бомбардировке стало очевидным, что сопротивление становится невозможным, так как стены школы разрушались от снарядов, а разрыв снарядов внутри зала приносил смерть и ранения. Товарищем Мочаловым дан был приказ об отступлении и оставлении школы.

Отступление происходило спокойно, без паники, под гром и треск рвавшихся снарядов под командой товарища Мочалова. Мочалов все время находился во время стрельбы на баррикадах и наблюдал в бинокль за действием артиллерии противника и пользовался временем подготовки орудия для выстрела, выпуская из школы защитников группами 5—7 человек. Боевая дружина, распределив между собой все бомбы и взрывчатые вещества, тоже приготовилась к выходу из школы. Как только раздавался выстрел и пролетал снаряд, раздавалась команда «выходить», и защитники выходили гуськом, один за другим, пока не раздавалась команда тов. Мочалова: «довольно». Едва вышедшие из школы защитники успевали пройти баррикады, как раздавался новый выстрел из орудия, а вслед за этим следующая команда «выходи». Таким путем была очищена школа. Из нее вынесли все оружие и всех раненых. Раненых переправили на перевязочный пункт.

Дружинники, по оставлении школы, отправились частью по домам, а частью в конец Сормова и Починок с тем оружием, какое у кого было, кроме бомб, которые в большинстве были зарыты в снег. Также была зарыта в снег и пушка на огороде по Старой Канаве, близ школы № 2, ныне школы имени Луначарского (Сахара).

Полиция и казаки, не слыша на свои выстрелы ответа из школы, стали смелее подвигаться по Шоссейной улице к школе, уничтожая на своем пути проволочные заграждения и требуя от населения, живущего по Шоссейной улице, закрывать окна занавесками и не смотреть в них. Если казаки замечали где-либо, что в окна смотрят, то стреляли без всякого предупреждения. В дом, находящийся близ установки орудия по Шоссейной улице (д. Маштакова), был дан залп. Пострадавших не было лишь потому, что обитатели забаррикадировались в одной из дальних комнат одеждой, матрацами, подушками и т. д. Таких расстрелов по Шоссейной ул. было несколько.

Подвигаясь таким образом, полиция и казаки медленно подходили к тому месту, где был заложен фугас. Дежурный у индуктора, лишенный возможности наблюдать в окна за движением полиции и казаков, рассчитал по времени, что пора взорвать фугас, привел в действие индуктор. Раздался взрыв фугаса, но оказалось, что дежурный ошибся в своих расчетах и взорвал фугас немного раньше, чем следовало бы. Сила взрыва была настолько велика, что вылетели все стекла из окон близ стоящих домов по обе стороны Шоссейной улицы, но вреда противнику причинено не было. Полиция и казаки от взрыва разбежались. Дежурный тем временем взял индуктор и провода от фугаса и скрылся. Полиция и казаки, оправившись от замешательства, обстреляли дом Балахонова и направились в него с обыском, но, разумеется, ничего не нашли. После этого они уже смело пошли на оставленные баррикады, заняли школу, разломали и подожгли баррикады. Их ра-

достно встретили монашки часовни, находившейся сзади школы (ныне эта часовня и церковь сломаны и на этом месте воздвигается два каменных дома на 100 квартир для рабочих). Монашки подробно рассказывали о знакомых им лицах, принимавших участие в постройке и защите баррикад, указывали, где находился перевязочный пункт и в чьих домах оказывали помощь раненым. Впоследствии лица, указанные монашками, подверглись жестокому репрессиям.

Полиция и казаки, разрушив баррикады и осмотрев школу, отправились обратно к клубу, стреляя на своем пути в каждого, кто появлялся на улице. Такая стрельба казаков и полиции продолжалась по улицам Сормова до самого вечера этого дня.

В то время, когда было наступление полиции и казаков на школу и главные баррикады, другие отряды полиции и казаков вели обстрел и наступление на других улицах.

Так началась стрельба от главной проходной завода вдоль Узко-Заводской улицы и Александро-Невской улицы (ныне улица Баррикад).

От вокзала сормовской железнодорожной ветки отряд урядника Мурзина стрелял во всех, кто показывался на улице Новой Канаве (ныне все эти дома снесены и эта часть находится в черте завода), где был сормовский базар и баррикады, заграждавшие подход к школе.

Отряды Красного креста в эти дни работали самоотверженно. Треск выстрелов, свист пуль и гром разрыва снарядов не задерживали работников Красного креста: они немедленно, среди всех опасностей, оказывали помощь раненым. Полиция и казаки, заметив женщину или рабочего с перевязью Красного креста, оказывающих помощь раненым, или тут же открывали стрельбу, или, отпустив на некоторое расстояние, стреляли в спину (так было несколько убийств по Большой улице). Стреляли также в раненых, когда их поднимали на улице и несли на перевязочный пункт. «Люты и кровожадны эти люди, злее диких зверей», говорили рабочие о полиции и казаках, видя их безмерную жестокость.

Приспособлений для переноски раненых у рабочих никаких не было, а переносили второпях, как придется, или на салазках, или на разосланной одежде. Тяжело-раненую Кл. Савину уложили на снятое с себя товарищем «Бебелем» пальто и перенесли на перевязочный пункт. Рабочие семьи ближайших к баррикадам и школе домов, видя такой способ переноски, пришли на помощь и дали одеяла. Количество убитых и раненых на баррикадах и в Каменной школе через 20 лет установить точно невозможно, но их было не мало. Так, только в одном перевязочном пункте в доме Дыбова было убитых 10 человек, тяжело-раненых 8 человек, легко же раненые, получив перевязку уходили сами или уносились на носилках в другие дома.

В 7 часов вечера в этот день население Сормова было встревожено звуками набата. Население выбежало из домов и по-

ражено было громадным заревом там, где была столовая. Зарево было так велико, что на улицах было светло, как днем. Всем стало ясно, что подожжена столовая—центр рабочей жизни.

Многие пошли на пожар, большая же часть из-за боязни казаков и полиции остались дома, хотя во время пожара ходить можно было свободно.

Полиция и казаки, совершив поджог ненавистного им здания столовой—этого очага революционной жизни Сормова, не подпускали никого тушить пожар и не давали возможности спасти ценное имущество столовой. Что поджог столовой произведен казаками и полицией—подтверждали жители домов, находившихся против столовой. Они видели за несколько минут до пожара, как полиция и казаки входили и выходили из нее.

В эту ночь после пожара полиция и казаки стали производить обыски по домам, но те товарищи, которые были на подозрении у полиции не ночевали дома. Много партийных рабочих принуждены были выехать из Сормова совсем, так же уехали в Н.-Новгород и партийцы-интеллигенты.

Нижегородский губернатор барон Фредерикс в этот день был достаточно напуган. Об этом свидетельствует переписка его канцелярии (Л. 47): «... Объявив положение чрезвычайной охраны Н.-Новгорода, Козинской и Гордеевской волости, Балахнинского уезда, и полотно Моск.-Ниж. жел. дороги в пределах Нижегородской губернии, с изданием для этого района обязательного постановления, предупреждаю жителей его, что предоставленные мне этим исключительным законом уполномочия будут применяемы с полной строгостью, дабы положить предел дерзким и преступным действиям лиц, вносящих смуту и беспорядок в общественную жизнь».

14 декабря 1905 г. И. д. губ. барон Фредерикс.

В телеграмме министру внутренних дел (Л. 54) в этот день губернатор пишет: «Сегодня артиллерия уничтожает огнем баррикады. Все меры принимаются. В городе положение очень опасно, жду ежеминутно взрыва. Предложение, изложенное в шифрованной телеграмме от сего числа будет исполнено. 14 декабря. И. д. губернатора барон Фредерикс.

Шифрованная телеграмма из Петербурга от Дурново нижегородскому губернатору говорит (Л. 55): «До сведения моего дошло, что арестовывание революционеров по моему распоряжению не приводится в исполнение ввиду разных опасений. Прошу вас безотлагательно арестовать во чтобы то ни стало руководителей железнодорожного мятежа и других лиц, указанных в депеше директора департамента полиции. Самыми решительными способами устранить препятствия к аресту, от кого бы те препятствия не исходили. В настоящее время нет места уговорам и соглашениям. Необходимо действовать твердо и без всяких колебаний, все силы жандармской и общей полиции должны быть использо-

ваны для исполнения моих указаний. Управляющий министерством Дурново».

Вот далее телеграмма министру внутренних дел (Л. 60), заключающая характеристику этих дней с губернаторской точки зрения: «Вчера в Сормове действиями артиллерии казаков и полиции все баррикады уничтожены. К вечеру мятежники рзбежались, число убитых, раненых еще не выяснено. В Макарьевской части Н.-Новгорода вчера днем вооруженные революционеры напали на группу мирных манифестантов, убив и ранив несколько человек. Затем заперлись в вокзале и доме Яковлева и устроили несколько баррикад. Даю распоряжение, которым выслана артиллерия. Ночью в парадное № 2 (далее слово не разобрано) брошена бомба, не причинившая особенного вреда, но испортившая батарею. Нижний, Сормовский район и полотно жел. дор. об'явил на положении чрезвычайной охраны. Народный дом, Всесословный клуб, городскую библиотеку ныне Добролюбовскую закрыл. Ночью арестовано 20 человек. Аресты продолжаются. И. д. губернатора Фредерикс.

Всего в 1919 году в Чехословакии было убито около 100 тысяч человек. Это были солдаты, офицеры, чиновники, интеллигенты, крестьяне, рабочие, женщины, старики и дети. Многие из них были убиты в концлагерях, где они содержались в ужасающих условиях. В Чехословакии было создано правительство, которое начало борьбу за освобождение страны от немецкой оккупации. В 1945 году Чехословакия была освобождена Красной Армией. В настоящее время Чехословакия является одной из стран Центральной Европы.

VI. ДНИ РЕАКЦИИ

VI JHN PEAKINN

1. Расправа казачьих и полицейских банд

15 декабря улицы Сормова представляли собой тяжелую картину. На белом фоне снега виднелись следы крови. Разбросанные всюду телефонные столбы от разрушенных баррикад напоминали о революционном бое, звали к классовой борьбе. Озабоченные, угрюмые проходят одинокие рабочие около Каменной школы. Они рассматривают пробитые стены снарядами, вспоминают павших борцов за свободу. Участников вооруженного восстания в это время на улицах было мало; лишь обывательская часть населения вышла из своих углов на волю.

Начавшиеся ночью обыски и аресты утром усилились. Пьяная полицейско-казацкая банда начала совершать на квартиры рабочих набеги. Было сделано нападение на квартиру Гурьянихи по Шоссейной улице. Разгромив квартиру, они закололи лежавшего на кровати больного Бычкова. Одна из шак ворвалась в квартиру портного Денисова, избила его до бесчувственного состояния, изнасиловала его жену и, забрав в квартире все, что было ценного, ускакала.

Пьяной обезумевшей казацкой бандой была обстреляна квартира Толстикова (Соборная улица, дом Масленникова). Проходивший в это время мимо дома молодой рабочий был тут же безо всяких разговоров и без причины расстрелян. Так же стреляли в окна и других домов, напр., в дом Кондралева и многие другие.

Несколько дней продолжалась эта дикая, пьяная вакханалия. Убийства и избиения до бесчувственного состояния были обычным явлением при арестах и обысках.

В это время в заводе было вывешено об'явление: «Сим об'является, что после ряда нарушений рабочими правил внутреннего распорядка в течение ноября и декабря м-цев сего года, выразившихся, между прочим, в насильственном изготовлении из заводской стали в рабочее время оружия для личного употребления и начавшейся забастовке всего завода 12 сего декабря, на основании распоряжения правления общества «Сормово», заводы

закрываются на неопределенное время. Все рабочие и служащие получают полный расчет. Для скорейшего подсчета заработка рабочие приглашаются доставить свои расчетные книжки в главную контору. О днях расчета каждого цеха будет особое об'явление».

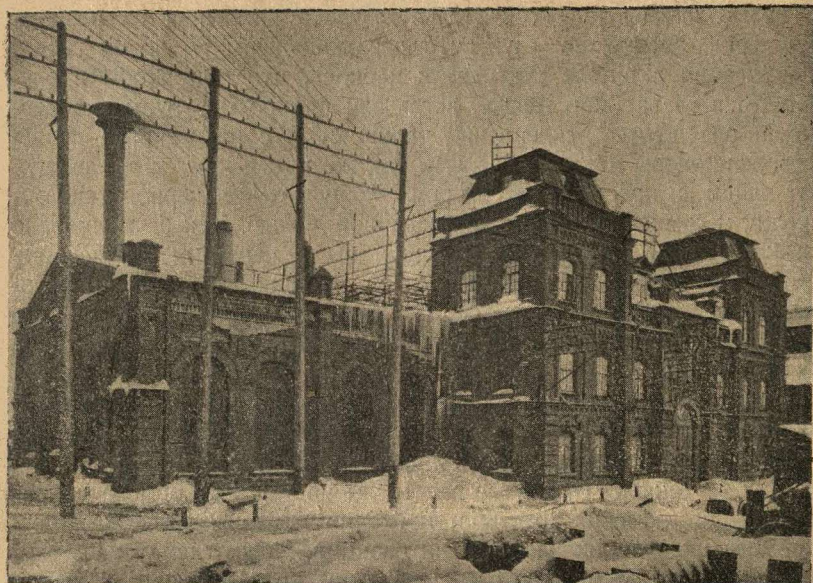
15 декабря 1905 г.

Заводоуправление.)

Победа, одержанная царизмом над восставшими рабочими Сормова, всколыхнула местных черносотенцев, которые до этого момента ничем себя не проявляли. Так, в селе Копосове, в 2-х верстах от Сормова, местный поп Орлов, согласно предписания верхов церкви, решил выполнить кровавый план избиения сочувствующих революционному движению. Предприимчивый поп организовал из числа верующих шайку погромщиков, которая днем 15 декабря, отслужив молебен и получив поповское благословление и обещание «небесного царства» за «подвиги за веру, царя и отечества», двинулась крестным ходом вокруг Копосова, неся хоругви и белые флаги с надписями: «Боже, царя храни» и «Долой крамолу». Проходя мимо школы, черносотенцы решили разгромить школу и библиотеку. Погромщики под руководством местных кулаков братьев Канатовых и С. Ястребова с топорами и ломami подошли к школе. Двери школы были заперты. С криками «бей крамольников» погромщики начали ломать двери, чтобы проникнуть внутрь школы и расправиться с собравшимися там революционерами-рабочими и учителями. В это время к школе подошли сормовские рабочие, ранее осведомленные о предполагаемом погроме. Сормовский рабочий А. Урыков, чтобы предотвратить погром, ударил кинжалом в бок одного из вожаков черносотенцев—С. Ястребова, который тут же свалился. Это произвело в толпе громил замешательство, воспользовавшись которым засевшие в школе революционеры и тов. Урыков успели скрыться. Таким образом была сохранена Копосовская школа от разгрома.

16 и 17 декабря разгул реакции продолжался. Обстрелы домов, убийства и избиение проходящих по улицам людей, обыски на квартирах, происходящие днем и ночью, сопровождались арестами и кражей имущества.

17 декабря, утром, у Н. Фадеева и В. Шимборского, живших в Дарьине, был произведен полицией совместно с агентами охранного отделения обыск, после которого оба были арестованы. Во время следования арестованных до завода, над ними издевались конвоировавшие полицейские. Для допроса арестованных временно была отведена в главной конторе комната, куда Н. Фадеева и В. Шимборского и доставили. По окончании допроса Н. Фадеева отправили в кладовую электрической станции, которая временно служила местом заключения, а В. Шимборского выстрелом из винтовки в спину убили на Александрo-Невской улице, в нескольких саженях от главной проходной.

Электрическая станция. Здесь помещался штаб полковника Давыдова.
Внизу в кладовой содержали арестованных рабочих.

Кладовая электрического цеха, с толстыми железными решетками в окнах, с каменным полом, без столов и нар (вместо них была разбросана по полу солома) была приспособлена для заключения арестованных. В это помещение периодически врываются пьяные казаки и избивали арестованных. Арестованные ежедневно под конвоем конных и пеших полицейских по берегу Волги отправлялись партиями в Нижний в тюрьму.

17 декабря распространился слух, что у главной проходной вывешено объявление о закрытии с 15 декабря завода на неопределенное время и что для подсчета заработка необходимо доставить расчетные книжки. Этому слуху большинство рабочих не доверяло. Несколько человек, которые решились отнести расчетные книжки, были встречены от главной проходной выстрелами из винтовок. При этом были убитые и раненые.

Вслед за расстрелами 17 декабря, местные власти и духовенство стали призывать торговцев и различный темный элемент к черносотенному выступлению. 18 декабря, в 12 часов дня, сормовские черносотенцы с духовенством во главе так же, как и в Копосове, устроили религиозно-монархическую демонстрацию. Отслужили в соборе молебен и с хоругвями, белыми флагами с огромными надписями, с портретом царя и пением «боже, царя храни» и «спаси, господи, люди твоя», пошли по улицам Сормова. Руководители монархической манифестации

с целью натравить несознательную часть населения на революционеров распускали слух, что революционеры во время своего пребывания в школе оскверняли церковь, что они якобы вколачивали в глаза икон гвозди, вставляли папиросы в зубы и совершили ряд других осквернений церкви и что из свечного ящика революционеры похитили деньги, так же как и кресты и «лжицу» от чаши с престола из алтаря. Распускаемые черносотенцами слухи, несомненно, были злонамеренной ложью. Как было сказано выше, деньги из свечного ящика были переданы священнику Антонину Миловскому под расписку. Что касается «кражи революционерами» других предметов, то, как было подтверждено впоследствии священником Миловским, это от начала до конца было ложью.

Руководителями черносотенной манифестации были священники Орловский и Виноградов и черносотенцы: Колотков, Кадетов, Пушкарев, Махалов, Становой и другие.

С 18 декабря открытые расстрелы на улицах Сормова сократились, но обыски, аресты и избиения продолжались. В жизни сормовских рабочих настали дни реакции. Ходить по улицам разрешалось лишь в известные часы, а по Александрo-Невской улице ходить было вовсе запрещено. Всякая организационная связь между рабочими, вследствие усиленных арестов, остановки завода и принятых полицией мер (недопущение собраний «более 3 человек», как указывалось в положении о чрезвычайной охране) была парализована. Если полиция заставала внезапно где-либо более 3-х человек рабочих, то избивала их до потери сознания нагайками.

Заводская жизнь замерла. Остановилась работа и сердца завода—электрической станции.

Охрана из полиции и пожарной дружины заняла все караульные посты, у проходных ворот завода охранники устроили засады. Ими же была занята и электрическая станция, и распределены помещения в ней. В одной из кладовых, как выше указано, была устроена тюрьма. Мастерская—одна была занята караулом, а другая предназначена для жилья полиции и пожарной дружины.

Вечером для администрации и караулов необходим был свет. Для пуска на станцию собрались директор и другие администраторы, которыми, при помощи одного рабочего штрейкбрехера, С. Кондакова, и полиции, пустили машины, чтобы осветить необходимые им помещения в заводе.

13 декабря в завод явился полковник Давыдов, который расположился со своим штабом в машинном отделении электрической станции. Он был прислан в Сормово начальником над войсками для подавления вооруженного восстания рабочих. Во время его пребывания в электрической станции к нему явились с донесением шпионы, которые сообщили о положении дел в Сормове.

2. Закрытие завода

Слух о закрытии завода с 15 декабря подтвердился. Кроме вывешенного 17 декабря объявления у проходных завода, 18 декабря по Сормову было расклеено объявление вр. и. д. балахнинского исправника по селу Сормову. Вот полный текст этого объявления: «По просьбе заводоуправления сообщается, что для подсчета декабрьского заработка все рабочие и мастеровые приглашаются представить свои расчетные книжки и наряды в контору мостового цеха 19 и 20 сего декабря от 9½ часов утра до 2-х часов дня.

В виду объявления с. Сормова на положении чрезвычайной охраны рабочим предлагается: не проходить по Александро-Невской улице, а направляться к мостовому цеху около почтовой конторы, позади деревни (в это время почтовая контора была по Узко-Заводской улице).

Идущие через Мышьяковку должны направиться обычным путем.

При передаче нарядов прошу соблюдать порядок.

Представившие рабочие книжки и оставившие их в цеховых конторах получать за ноябрь и по 10 декабря окончательный расчет 22 и 23 ноября.

Рабочие, не представившие нарядов, будут рассчитаны за ноябрь и по поденному по 10 декабря.

Причитающийся отрядный заработок будет выдан или выслан впоследствии. О порядке выдачи 22 и 23 декабря будет особое объявление. Вр. и. д. балахн. уездн. испр. по с. Сормову (подпись).
Заводоуправление.

После объявления о закрытии завода, директор два раза созывал собрание заведывающих цехами. Первое собрание было назначено 18 декабря. По квартирам заведывающих цехов были разосланы объявления следующего содержания: «Прошу вас явиться сегодня в клуб инженеров (ныне на этом месте дизельный цех), в 2 часа дня, для обсуждения порядка выдачи окончательного расчета с 1 по 10 декабря 1905 года. Входить через проходную новых домов. 18 декабря 1905 года. Директор *Приемский*.

На этом объявлении по механическому цеху имеются расписки—Кабачинский—болен, Есин М.—болен, Раев—ухал, Капелькин, Юшков, Соколов, М. Лешуков—придут.

Болезни эти, конечно, были вымышлены и это собрание не состоялось, потому что администрация боялась выходить из квартир. Эта боязнь не была лишена оснований, так как некоторые из заводских администраторов подверглись избиению и ранению пулями казаков. Так, даже директор Приемский был избит прикладом, некоторые мастера—нагайками, а один из мастеров чугунно-литейного цеха был тяжело ранен. Этот период отмечен в письмах Приемского к губернатору от 15 и 16 декабря. т.-е. после ликвидации восстания 14 декабря. В этих письмах

Приемский высказывает неудовольствие по поводу действия властей в деле подавления вооруженного восстания, обвиняя сормовскую полицию в неумелости, медленности и непримиримости, а войска в том, что они озлоблены против мятежников, а также чрезмерно озабочены охраной самих себя от бомб. Вот выдержки из этих писем по сообщению Н. И. Драницына из дела канцелярии нижегородского губернатора (дело № 98 и письмо губ. № 5865). Первое письмо начинается так:

«Ваше превосходительство, многоуважаемый Константин Платонович, артиллерийский офицер доложил вам, как не состоялся наш план по приему рабочих книжек. Чтобы выйти из неловкого положения, вызванного крайним озлоблением нижних чинов, защищающих только самих себя от бомб, я просил г-на Петрова (Балахнинского помощника исправника) вывесить прилагаемое при сем об'явление (см. вышеприведенное об'явление от 18 декабря).

Завтра надеюсь собрать до 20 человек служащих по расчету, ввести их в завод под охраной и начать расчет рабочим с понедельника в отдельном от завода доме (Мостовой цех) без всякого присутствия казаков и артиллеристов. При этом прошу приказать господину Петрову, чтобы он командировал на время расчета по крайней мере 6 полицейских без ружей для порядка.

Прошу об этом потому, что, по словам исправника, полиция без казаков боится. По-моему, это недопустимо, полиция не должна бояться толпы, особенно теперь, когда войска навели достаточно острстки. 18 октября наша полиция старалась скрываться от всяких беспорядков, но это оправдывалось всеобщим смущением всех сфер власти. В настоящее время наша полиция в Сормове должна воспользоваться и поднять свой престиж. Относительно охраны завода во время его остановки, я убедительно прошу ваше превосходительство дать, вместо казаков, один батальон пехоты и в крайнем случае, если пехоты нет, можно, начиная с понедельника, обойтись полицией, которой у нас 55 пеших и 28 конных. Эти люди должны быть в заводе около проходных и при некоторой изворотливости исправника, конечно, могут справиться. Казаков желательно оставить в казармах, где они и были, хотя, с другой стороны, эти люди, видимо, озверели, живя долго без настоящего военного обучения и, пожалуй, их лучше бы заменить другими».

Так пишет директор после того, как узнал, что такое приклад, а дальше речь идет о рабочих совсем в другом тоне:

«Должен сказать еще, что наша полиция положительно пропустила много времени и склад бомб, о котором категорически говорили верные люди, успели спрятать. Относительно арестов пока еще ничего не предпринимается, и пока общеизвестные анархисты на свободе, спокойствие далеко не обеспечено. С истинным почтением Приемский».

Второе письмо тоже от рабочих. Здесь рекомендует «этих ужасных людей» обыскивать, потому что их обещаниям верить нельзя.

С утра 19 декабря рабочие группами потекли к мостовому цеху для сдачи расчетных книжек.

У входа в цех группы рабочих увеличивались и рабочие говорили: «где же положение о чрезвычайной охране не собираться больше 3-х?» Другие отвечали, что эти правила неисполнимы, так как издатели этих постановлений сами их нарушают созывом толпы для черносотенной манифестации.

22 декабря рабочие начали получать окончательный расчет.

Рабочему, чтобы получить расчет, пришлось проходить между двумя рядами полиции и шпиков, которые каждого проходящего тщательно рассматривали с целью выявления участников вооруженного восстания. Рабочие, принимавшие участие в вооруженном восстании, за расчетом при таком порядке выдачи не приходили.

3. Ликвидация Сормовского кооператива—центра партийной пропаганды

В эти дни был закрыт кооператив сормовских служащих и рабочих (ныне ЦРК). Кооператив, под названием «О-во потребителей при сормовских заводах» был основан в Сормове в 1888 году по инициативе высшей заводской администрации и ею управлялся до 1901 года. Через длительную и упорную борьбу рабочих с администрацией заводов за управление кооперативом рабочим удалось провести в правление своих представителей. Годовой оборот кооператива в 1905 году достигал до 1.500.000 рублей. С переходом правления в руки рабочих многим партиям, выброшенным за политическую неблагонадежность из завода, удалось пристроиться на службу в кооператив. Таким образом, в кооперативе постепенно создавалось ядро активных партийных работников и к 1905 году оно достигло до 25 человек, из общего количества служащих кооператива — 150 человек. В числе этих 25 человек членов революционных партий были и члены руководящего коллектива Сормовской организации РСДРП (большевиков): Д. Павлов, Л. Командин, В. Каюров, Платон Мелентьев и «Жан» (И. Сергеев).

Партийцы имели влияние на подбор всего состава служащих. Большинство служащих кооператива сочувственно относилось к революционному движению и принимало в нем участие. Через партийцев-служащих кооператива получалась нелегальная литература, взрывчатые вещества и оружие. Для распространения революционной литературы, рабочим правлением был организован в кооперативе книжный отдел. Заведывающий этим отделом был партиец М. Чучин, через которого и передавалась по районам не-

легальная литература. Для передачи оружия служил железо-скобяной отдел, в котором служащие были партийцы: т. А. Ефремов (упоминался выше) и т. Козин.

Таким образом, кооператив был связывающим пунктом между Нижегородской и Сормовской организациями. Особенно эта связь проявилась в 1905 году. Местным полицейским властям правление, в силу ранее установленного обычая, давала подачки. Подачки имели значение: полиция мало обращала внимание на состав служащих и надзора за деятельностью кооператива. 16 декабря председатель правления кооператива назначил собрание правления для обсуждения вопроса о судьбах кооператива. Собравшиеся члены правления в конторе из предосторожности, в случае нападения на собрание какого-либо казачьего раз'езда, забаррикадировали все входы в контору столами, стульями, шкафами с книгами и при таких условиях проводили собрание. О собрании сделалось известно проезжающему казачьему раз'езду, который без всякого предупреждения открыл из винтовок стрельбу по конторе.

Участники собрания, чтобы укрыться от пуль, которые летали по конторе, спасались, кто как мог. Пули застревали в толстых бухгалтерских книгах (часть пуль, найденных впоследствии в книгах, хранит в настоящее время участник этого собрания Грачев, Анр. Ил.). Спасти участников собрания едва ли удалось бы, если бы в это время не проезжал мимо конторы полицейский надзиратель. Он, предвидя праздничную подачку, уговорил раз'езд прекратить стрельбу.

Несмотря на чинимые препятствия со стороны властей, после этого кооперативу удалось открыть праздничную торговлю. Кооператив проторговал лишь три дня, а затем правление получило предписание губернатора о закрытии кооператива на неопределенное время. Закрытие кооператива предшествовал обыск в общежитии служащих кооператива. После обыска распространился слух, что якобы полицией найдены в общежитии прокламации и что это послужило поводом к закрытию кооператива.

Бездействие кооператива в течение целого месяца экономически подорвало его и привело к несостоятельности. Кредиторами была учреждена администрация. Лишение рабочих кооперативного имущества и паевых взносов внесло в рабочую среду раскол. Рабочие, не понимавшие сути проделанной властями махинации, подстрекаемые заводской администрацией и высшими служащими завода, обвиняли рабочее правление кооператива в том, что оно брало в кооператив тех служащих, которых в завод не принимали за политическую неблагонадежность. Другая часть рабочих, разбиравшаяся в действиях властей и в распространяемых полицией слухах, находила их ложными и утверждала, что суть дела не в прокламациях. Эти рабочие знали строгую конспирацию и аккуратность партийных товарищей.

4. Жертвы вооруженного восстания

Заканчивая описание революционной борьбы сормовских рабочих в течение всего 1905 года, необходимо отметить жертвы, понесенные в этой борьбе со стороны рабочих.

За время с 9 января до дней вооруженного восстания количество жертв было сравнительно невелико: убитых—3 человека: партийцы т.т. Дмитриев, Командин и Ефремов, раненых от 12 до 15 человек: партийцы т.т. Котов, Пустоногов, Толстиков, Великанов, Минин и другие, фамилии которых трудно восстановить через 20 лет.

За дни же вооруженного восстания число убитых и похороненных через заводскую больницу было 43 человека, а убитых и похороненных не через больницу, было свыше 10 человек. Из общего количества убитых товарищей известны: Жидов—рабочий сталелитейного цеха, соц.-дем., убит на баррикадах. Карякин—слесарь механического цеха, соц.-револ., убит в Проездном переулке. Кизов—чертежник, сочувствующий партии, ранен на улице и умер от ран. Богданыч—убит у Дарьинского переезда. Середа—безработный, убит на баррикадах, Лобазин—убит в сенях своей квартиры по Театральной улице, дом Поздеева, Малышев—чертежник, убит на улице Свободы.

The history of the United States is a story of growth and change. From the first European settlements to the present day, the nation has expanded its territory and diversified its economy. The early years were marked by the struggle for independence and the establishment of a new government. The middle years saw the westward expansion and the rise of industry. The late years have been characterized by social and political movements that have shaped the modern world.

The United States has always been a land of opportunity. It has attracted immigrants from all over the world, who have brought with them their skills and traditions. This diversity has been one of the strengths of the nation, allowing it to adapt to changing circumstances and to lead the world in many fields.

The history of the United States is a story of progress and achievement. It is a story of a nation that has overcome many challenges and has emerged as a global superpower. The future of the United States is bright, and it is up to us to ensure that it remains a land of freedom and opportunity for all.

VII. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

VII. BAKHIONERINI

VII. Заключение

Кончился 1905 год и увековечил память первого открытого вооруженного боя рабочего класса с его врагом-самодержавием.

Торжествовали победители—царское правительство с его верноподанными, ликующая от доставшейся им «не так легко» победы. Наступали традиционные религиозные праздники рождества. В церквях попы служили молебны, вознося благодарственные молитвы богу о избавлении от крамолы.

Печать в официальных известиях сообщала: «Кончились в Сормове волнения, устроенные мятежниками, и началась нормальная жизнь. Благоразумные, богобоязненные жители во главе с духовенством устраивают манифестации для выражения верноподданнических чувств».

Так казалось, но не так было в действительности. Отступали восставшие рабочие с открытых позиций. Борьба затихла на время. Но жили в памяти у всех дни баррикад, битв, героических подвигов, когда шли добровольно встречаться лицом к лицу со смертью, за свободу угнетенного народа, за свободу рабочего класса.

И перед выполнением этих великих исторических задач забывались все ужасы, пережитые при подавлении вооруженного восстания. Кошмарные убийства, дикие кровавые оргии пьяных, обезумевших казаков и полицейских не поколебали, а усилили веру у передовых рабочих в свое освобождение. Руководители революционной борьбы принуждены были скрыться в подполье, сохраняя свои революционные силы. Они, анализируя победы правительства над рабочими, делали вывод, что уроки первой русской революции не пропадут даром для рабочего класса. Они знали, что у рабочих пробудится сознание—крепить сильнее организованную сплоченность рабочего класса, чтобы вновь вступить в бой с достаточными силами и, объединившись в союз с братьями-крестьянами, покончить с врагом навсегда.

Они знали, что урок первого боя увеличит силы рабочих, а призрачные силы врагов ослабнут и исчезнут. Время—за нас. И рабочие надеялись, что скоро увидят те дни, когда под напором организованных революционных сил пролетариата падет не только произвол самодержавия, но и будет побежден гнет капитала.

Они не ошиблись. Так стало в Великий Октябрь...

III. 3. 1911

... ..

... ..

... ..

... ..

... ..

... ..

... ..

... ..

СОРМОВСКАЯ ПАРТОРГАНИЗАЦИЯ
В 1905 ГОДУ

ГОРНОБОКАЯ ПЛАТОНОВАЯ ШКОЛА
В 1800 ГОДУ

Сормовская парторганизация в 1905 году

В 1905 году в Сормове было три партийных организации: одна социал-демократов с двумя фракциями: большевиков и меньшевиков, другая—социалистов революционеров и третья—«союз русского народа». Кроме названных организаций, были еще отделения других партийных организаций, как-то: анархистов, народных социалистов, конституционных демократов и октябристов. Организационные формы и работа социал-демократической организации были следующие. С начала 1905 года соц.-дем. организация, несмотря на наличие двух течений в партии, была едина. В целях конспирации, организация была разбита на районы. Количество районов было пять: четыре—заводские, а пятый, так называемый, «вольный», в который входили все члены партии, не работающие на заводе. Каждый район состоял из кружков, в которых было от 8 до 12 членов. Кружки имели своего представителя, а из числа кружковых представителей составлялось районное собрание кружковых представителей. Между членами районного собрания были распределены обязанности, как-то: библиотекарь, казначей, заведывающий нелегальной литературой и организатор района. Организатор района был кооптирован нижегородским комитетом в руководящий коллектив. Через организатора район имел связь с коллективом. Между членами коллектива также были распределены обязанности библиотекаря центральной библиотеки, казначей, заведывающего транспортом и распространением нелегальной литературы и техники—заведывающего подпольной типографией. Коллектив был связан с Нижегородским комитетом через организатора, назначаемого Нижегородским комитетом и через некоторых членов коллектива, кооптированных в Нижегородский комитет. Через этих товарищей уже получались все директивы и разъяснения Нижегородского комитета и Центра. Для обсуждения и решения какого-либо выступления, созывалось, так называемое, межрайонное собрание, состоявшее из всех районных с коллективом во главе.

В целях развития членов партии, кружки делились на два типа: низший и высший. В эти кружки входили пропагандисты.

В кружках низшего типа проходило ознакомление с программой и уставом партии, а также и первоначальное ознакомление с политической экономией. В кружках же высшего типа проходили и разбирали программы других партий, при чем обращали особое внимание на аграрную программу партии социал-революционеров. В этих кружках разбиралась и литература с марксистской точки зрения. Например, прочитывалась какая-либо брошюра, и члены кружка должны были к следующему собранию написать реферат или конспект о прочитанном. Эти рефераты прочитывались на собрании и обсуждались членами кружка. Возникали прения. Бывший на собрании пропагандист по окончании прений, указывал на неправильное понимание тех или иных вопросов и резюмировал прения.

Был еще пропагандистский кружок, в который входили наиболее развитые товарищи из всех районов. Цель этого кружка была та, чтобы приготовить своих пропагандистов из рабочих (так как пропагандистов из интеллигенции было мало). Кроме работ в кружках, пропагандистами были составлены списки книг для прочтения членам кружка.

С этой целью при районах были районные библиотеки, составленные на процентные отчисления от членских взносов. Остальные членские взносы сдавались в коллектив. В таком порядке происходило воспитание членов партийной организации. В отношении количественного роста организации, т.-е. вербовки новых членов, то эта обязанность лежала на всех членах партии. Члены кружков сталкивались в своей повседневной работе в заводе с товарищами по цеху, на почве частных разговоров о заводской жизни и положении рабочих, старались узнать об интересах рабочего к общественной жизни и его умении воздерживаться от болтливости. Если в рабочем вызвали интерес к общественным вопросам, если ему можно было доверять, то к такому рабочему подходили смелее. Вначале ему предлагали для прочтения книги, в которых проводилась мысль о классовой борьбе. Например, ему давали Федорова-Омулевского—«Шаг за шагом», его же—«На расцвете», Джiovани-оли—«Спартак» и другие. После выявления заинтересованности товарища, ему уже давали нелегальную литературу, а когда убеждались в его сочувствии, то приводили на районное собрание. Из завербованных таким путем товарищей составлялся кружок, дальнейшее развитие которого вел пропагандист.

Нелегальная литература получалась или от Нижегородского комитета, или из своей типографии, которую организация имела (ручной печатный станок на поллиста писчей бумаги, мимеограф и гектограф). Прокламации коллектив распределял по районам, а районы, в свою очередь, распространяли по кружкам. Кружки же распространяли нелегальную литературу в цехах завода по шкафам и ящикам, или же по дворам Сормова в определенный день и час. С этой целью улицы Сормов распределялись между кружками и членами кружка, так же, как и цеха в заводе.

Нелегальные брошюры и газеты, например, газеты «Искра», «Социал-Демократ», и другие брошюры — Ленин, Каутский, Мартов и другие, передавались из рук в руки и, несмотря на бережное к ним отношение, зачитывалось до дыр. Кроме распределения литературы, партия организовала в разных местах митинги, массовки и собрания. Для этих собраний партия доставляла ораторов и вела строгую охрану собраний. Партия организовывала денежные сборы для политического Красного Креста.

В работе объединенной Сормовской соц.-дем. организации с конца мая месяца до начала ноября происходил раскол: организация разделилась на две фракции — «большевиков» и «меньшевиков».

Делегат, посланный от Сормовской организации на третий партийный съезд, меньшевик под кличкой «Алексей Иванович», попал на меньшевистскую конференцию. По окончании III съезда Сормовской организации сделан был доклад о работе III съезда и зачитаны принятые съездом резолюции о подготовке к вооруженному восстанию о временном революционном правительстве, об отношениях к крестьянскому движению и устав РСДРП.

Резолюция III съезда РСДРП о вооруженном восстании:

«Принимая во внимание: 1) что пролетариат, будет по положению своему наиболее передовым и единственным последовательно революционным классом, тем самым призван сыграть руководящую роль в обще-демократическом революционном движении России;

2) что это движение в настоящий момент уже привело к необходимости вооруженного восстания;

3) что пролетариат неизбежно примет в этом восстании самое энергичное участие, которое определит судьбу революции в России;

4) что руководящую роль в этой революции пролетариат может сыграть, лишь будучи сплочен в единую и самостоятельную политическую силу под знаменем социал-демократической рабочей партии, руководящей не только идейно, но и практически его борьбой;

5) что только выполнение такой роли может обеспечить за пролетариатом наиболее выгодные условия для борьбы за социализм против имущих классов буржуазно-демократической России,—

Третий съезд РСДРП признает, что задачи организовать пролетариат для непосредственной борьбы с самодержавием, путем вооруженного восстания, является одной из самых главных и неотложных задач партии в настоящий революционный момент.

Поэтому съезд поручает всем партийным организациям:

а) выяснить пролетариату, путем пропаганды и агитации, не только политическое значение, но и практически-организационную сторону предстоящего вооруженного восстания;

б) выяснить при этой пропаганде и агитации роль массовых политических стачек, которые могут иметь важное значение в начале и самом ходе восстания;

в) принять самые энергичные меры к вооружению пролетариата, а также к выработке плана вооруженного восстания, и непосредственного руководства таковым, создавая для этого, по мере надобности, особые группы из партийных работников».

Доклад о работе III съезда подробно делал делегат, посланный от Нижнего-Новгорода, член Нижегородского комитета «Лопата»—

Десницкий-Строев (псевдоним на с'езде—Сосновский). Он после доклада ядовито высмеял Сормовскую организацию за делегата, посланного на с'езд, но попавшего на меньшевистскую конференцию. Спустя несколько дней после доклада Лопаты, приехал с конференции и делегат Сормовской организации, не попавший на большевистский с'езд. Он, прежде, чем сделать доклад, повел агитацию во фракции меньшевиков. Большевики, видя его действия, потребовали доклад.

Доклад состоялся на расширенном собрании всей организации в Дарьинском лесу. После доклада, в виду резкого расхождения в принятых резолюциях III с'ездом и конференцией возникли горячие споры. В результате доклада и прений, были предложены две резолюции. Одна—большевиков, которой выносилось порицание делегату, а другая—меньшевиков, которая одобряла действия делегата. Из этих резолюций, однако, ни одна не прошла из-за невозможности, вследствие шума и ожесточенных споров, доходящих до ругани, поставить их на голосование.

Насколько это собрание было бурно, можно судить потому, что члены организации, расходясь с собрания, забыли всякую конспирацию и долго спорили в лесу и по дороге.

Вот после этого бурного собрания организация и раскололась. На другой же день большевики начали организовывать свою чисто большевистскую организацию. В это время организовали уже 7 районов, а не 5, как было раньше, вначале года. Организация строилась по такому же типу, как было описано выше. Большевики наладили свою технику, свою библиотеку, пропагандистские силы и проч. Представительство в Нижегородский комитет от большевистской организации увеличилось и дошло до 4 человек. В коллектив полноправным членом входил представитель от боевой дружины.

Большевистская организация в это время, кроме работы по воспитанию своих членов и по пропаганде и агитации среди рабочих и населения, организовала доставку оружия и патронов, как для членов боевой дружины, так и для продажи всем членам партии. Была устроена и лаборатория для снаряжения бомб, оболочки для которых приготавливались членами партии в заводе. Организация устраивала пикники, вечеринки, выручка с которых предназначалась на приобретение оружия.

Кроме этого, были организованы сборы среди рабочих на усиление средств по вооружению. Организация работала и учитывала все политические нужды и требования своего рабочего класса.

Меньшевики, в свою очередь, тоже сорганизовались по типу большевиков. Работая в одном районе, обе организации, большевиков и меньшевиков, все время между собою вели дискуссии и тем самым все более и более углублялся раскол. И только наступившая реакция после манифеста 17 октября открыла глаза увле-

ченным меньшевизмом рабочим на необходимость работы совместно с большевиками. После этого, в начале ноября, произошло объединение большевистской и меньшевистской организаций в одну «объединенную социал-демократическую организацию».

После октябрьского манифеста социалистические организации в Сормове легализировались. Был избран объединенный с.-д. коллектив, были объединены кассы, библиотеки, техника и прочая партийная работа.

Соц.-револ. также имели свою технику, библиотеку, боевую дружину и вели работу до вооруженного восстания обособленно.

Развернувшиеся события вели к неизбежному революционному восстанию, к открытой борьбе классов, что, несомненно, требовало огромных жертв.

Перед организацией стоял огромной важности вопрос: как вести борьбу, чтобы рабочие понесли возможно меньше жертв. С этой целью 12 и 13 декабря было собрано общее собрание членов с.-д. и с.-р. партий. На этом собрании было решено вести борьбу объединенно и руководство этой борьбой было передано с.-д. большевикам, от которых и был выделен товарищ Мочалов Пав., в помощь которому были назначены 2 помощника—В. Кресанов и еще один товарищ, фамилия которого не восстановлена.

Организация, взяв на себя руководство над вооруженными рабочими, умело и с достоинством справилась с возложенной на нее задачей. Проведя борьбу с сильнейшим по вооружению противником, рабочие несли, сравнительно, небольшие жертвы. Большинство жертв, описанных выше, было понесено после открытой вооруженной борьбы. То были убитые и искалеченные казаками и полицией, в целях запугивания населения; при этом начальство заботилось, чтобы казаки и полиция проявляли как можно больше зверства и с этой целью не жалело водки.

Нижегородский объединенный комитет РСДРП после вооруженного восстания выпустил прокламацию. Вот текст этой прокламации:

«Российская социал-демократическая рабочая партия. Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Товарищи, мы только что пережили тяжелые дни. Мы видели как озверевшие холопы правительства—полицейские и казаки—растреливали наших товарищей, позорили наших жен, убивали стариков и детей: врвались в наши дома, грабили наше имущество.

Эти дни, товарищи, навсегда запечатлеются в нашей душе—ненависть к насильникам и убийцам зажгли они в сердце нашем. Такие дни переживает сейчас вся Россия. Тюрьмы полны. Некуда больше сажать. Народ расстреливают. Без суда, без следствия, как бродячих собак, убивают и вешают крестьян и рабочих по городам и селам.

Народ расстреливают за то, что он требует лучшей доли. За то, что он требует свободы. Народ восстал. Царское правительство видит приближение своей гибели, но оно борется. Но в этом ему помогают наши угнетатели—фабриканты и заводчики. Им не нужна народная свобода; им страшна победа пролетариата. Они боятся

нашего объединения и потому пытаются поселить рознь в наших рядах.

Они отбирают у нас подписку в том, что мы не будем участвовать в забастовках, они изгоняют из нашей среды наиболее сознательных, которые смело выступали на защиту наших интересов; путем понижения расценки и увеличения рабочего дня наше заводоуправление хочет выжать из нас все соки, чтобы обессилить нас. Так помогают капиталисты правительству в борьбе с народом.

Товарищи, всех граждан не посадишь в тюрьмы. Весь русский народ не перестреляешь. Победа будет за нами. Будем же стойко и мужественно продолжать нашу борьбу. Объединимся, сплотимся еще теснее.

Этим мы разрушим полный союз правительства и капиталистов, которые кровью хотят залить всю страну.

Да здравствует русский пролетариат! Да здравствует его борьба!

Вот другая того же времени прокламация нижегородского объединенного комитета РСДРП под заголовком «Трепещите Тираны».

«Российская Социал-Демократическая Рабочая Партия. Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Трепещите, тираны.

Пора рассеять правительственные сказки про революционеров. Пора снять с рабочих те нелепые обвинения, которые щедро возводятся на них губернатором и его сторонниками. Пора всем понять ту хитрую и двуличную политику, которую правительство ведет по всей России и у нас в Нижнем, и Сормове. Раньше это было трудно сделать. Слишком ужасны были картины раздробленных шрапнелью рук и ног, изуродованных, окровавленных тел, слишком много было кругом крови, чтобы еще воспроизводить ее типографской краской. Но сделать это надо. Нужно хладнокровно разобраться в событиях, как анатом с ножом разбирается в человеческом теле.

Кто виноват в кровавых событиях Сормова и Канавина?

В них виноваты рабочие, говорит правительство и его приспешники. Это социал-демократы, революционеры задумали восстание, они мятежники, их это вина. Но пусть не увлекаются клеветники. Пусть не забывают они, что правда глаза колет и что ее не скроешь «официальными сообщениями и обязательными постановлениями». Никакого восстания ни в Сормове, ни в Нижнем революционеры не назначали, ни смещать с губернаторского кресла Фредерикса, ни сажать на его место временное правительство они не собирались.

Это обезумевшее от страха правительство, которому всюду чудятся красные призраки, это оно усмотрело в нижегородской политической забастовке восстание.

Это оно решило страшным кровопусканием растереть в прах рабочее движение, чтобы никакие свободы не мешали Треповым, Дурново, Победоносцевым и братьям Романовым царствовать самодержавно по заветам Аракчеева и Плеве. И вот в Сормово командирован был губернаторский чиновник разыскать там вооруженное восстание. И вот мобилизована была черная сотня, приготовлена полиция и казаки, чтобы объявить вооруженное восстание. Знаменем восстания в Канавине оказался белый флаг черной сотни, под которым толпа пошла громить митинг на вокзале. Боевая дружина дала этим воинственным «белым» должный отпор. Кровь павших здесь лежит не на революционерах, а на тех руководителях темной толпы, которые двинули ее под белым флагом на погром и убийство. Виновником начала столкновений в Сормове было тоже правительство. Это оно послало полицию и казаков раз-

гонять манифестации и митинги сормовских рабочих. Это оно устало губернатора передавало в Сормово приказ:

«Патронов зря не растрчивать, целиться верно».

Это оно заготовило пушки против рабочих. Правительство вызвало столкновение. Оно знало, что рабочие не отдадут дешево своей свободы. Оно знало, что рабочие с оружием в руках станут отстаивать свои права. И оно хотело вызвать их на бой, обессилить, укротить. Правительство жаждало крови и оно ее добилось.

Тщетно сормовские руководители старались удержать товарищей от вооруженного отпора полиции. Слишком вооружило против себя правительство рабочих, чтобы они покорно дали отнять у себя захваченное.

Если бы даже их раздражение не прорвалось тогда, они встали бы позже—грозные и требующие мщения.

Вызов, брошенный правительством, попал в Сормове на горячую ненависть рабочего населения. И ошетинилось пиками и револьверами Сормово и избороздились улицы баррикадами и стали рабочие грудью против винтовок и пушек правительства. И пролилась кровь русского народа от ударов русского правительства.

Позор вам, позор вам,

Позор вам, тираны.

Позор за то, что вы своим хозяйничаньем ввергли Россию в междуусобную войну и повели брата-солдата против брата-рабочего, но пусть бы еще войска шли на баррикады, пусть бы полиция и казаки расстреливали вооруженных и борющихся... Но нет. Царские слуги боятся их почти так же, как и японцев. Они бесстрашно идут только против безоружных женщин и детей.

Сколько таких слабых неповинных, безответных перебили и переранили они. Они врывались в дома и грабили там жителей. Они подстрекали случайных прохожих на улице и делали их мишенью для своих выстрелов. Они расстреляли женщину, которая подошла с ведрами к колодцу на улице и она умерла под их пулями, не зная, за что, и не понимая, что это так потешаются слуги самодержавия. Полиция и казаки потешались и в заводе. Они прикладами разогнали администрацию завода—попало и директору Приемскому—объявили себя хозяевами завода и когда рабочие утром шли к заводу за расчетом, они открыли по ним огонь, перебили и переранили неповинных. Они зверствовали над своими жертвами. Они выстрелили в рот Мишиной и дважды проткнули ей грудь штыком. Они расстреляли Шимборского за то, что он в участке осмелился ответить казаку на удар ударом. Много позорных преступных деяний прибавили они к смрадной летописи самодержавного правительства. И вдохновитель их Фредерикс займет почетное место в рядах Нейдгардтов, Треповых, как бы он ни старался свалить свою вину на рабочих и обелить себя в глазах граждан.

Нет. Реки пролившейся крови рабочих не уничтожат борющегося пролетариата, он оправится от кровопусканий и поднимется против своих врагов еще более воинственный, еще более могучий. И он припомнит каждую каплю народной крови. Он не может забыть ее.

Трепещите, тираны! Восставший народ сметет без остатка старые порядки и на место нынешнего правления крови и зверства—установит народное правление—демократическую республику. Ни ложь клеветы, ни двуличная политика правительства не смогут помешать ему в этом.

Нижегородский Об'единенный Комитет РСДРП.

ВОСПОМИНАНИЯ

BOCIIOMHAIHNR

Боевая дружина Сормовской организации РСДРП

(Из воспоминаний члена штаба боевой дружины тов. Волотова).

Мысль об организации боевой дружины из партийных товарищей (большевиков) возникла вскоре после II съезда партии. Мысль эту впервые подал Павел Мочалов (с.-д. большевик), который, по приезду из г. Перми, осенью 1904 года, на одной из бесед с близкими товарищами у себя на квартире высказался за создание Б. Д. Первыми основателями боевой дружины были: Мочалов Павел, Минин Алексей, Кирсанов Владимир, Дмитриев Алексей, Латышев Алексей и Волотов Андрей. Все эти товарищи были активными членами партии сормовской организации. Среди них были представители с.-д. кружков. Они поставили перед собой задачу подбирать в кружках товарищей стойких и более преданных революционной борьбе. Руководящий коллектив партии знал, что организуется Б. Д., но он непосредственно ею не руководил. Вся организация и работа Б. Д. были в ведении инициаторов Б. Д.—руководителя Мочалова и его близких помощников. В скором времени основатели Б. Д. привлекли к себе еще 10 товарищей, так что первый состав Б. Д. увеличился до 16 человек.

1) Мочалов Павел—рабочий-токарь паровозного цеха, в партии с 1901 года, был арестован в 1903 году в сентябре м-це, в лесу во время общего собрания. На опушке леса была засада полиции, которая и схватила его вместе с товарищем Командиным—они были в то время в патруле. Мочалов просидел в тюрьме 8 мес., его обвиняли, как руководителя собрания. После вооруженного восстания 1905 года скрывался. Затем участвовал в экспроприации и в г. Костроме руководил боевой организацией. В 1908 г. эмигрировал в Персию, где и прожил до революции 1917 года. В настоящее время работает в г. Москве в правлении Авто-Треста.

2) Минин Алексей—рабочий-токарь арматурного цеха, член с.-д. (б.) с 1902 года, принимал активное участие в революционном движении, участвовал в разоружении полиции в 1905 г. Жив и в настоящее время.

3) Кирсанов Владимир—чертежник, работал в чертежном бюро, покончил жизнь самоубийством в 1906 году, находясь в подполье после вооруженного восстания 1905 г. Член партии с 1902 года.

4) Дмитриев Алексей—рабочий медно-трубного цеха, член с.-д. с 1902 года. Принимал активное участие в революционной борьбе, имел горячую натуру, был ранен весной 1905 года в обе руки, убит в июльском погроме 1905 года.

5) Латышев Алексей—рабочий сормовского завода, активный работник.

6) Волотов Андрей—рабочий сормовского завода, живет в Сормове.

7) Кудрявцев Петр—рабочий путиловского завода, работал в арматурном цехе, токарь, член партии с 1903 года, приговорен к смертной казни за восстание во флоте в 1906 году, приговор приведен в исполнение.

8) Спиридонов Алексей—рабочий болтового цеха, приговорен к смертной казни за целый ряд предъявленных обвинений в экспроприациях и вооруженное сопротивление при аресте в 1907 году. Приговор приведен в исполнение. Член с.-д. с 1903 г.

9) Юрьев Александр—рабочий медно-трубного цеха. Приговорен полевым судом к смертной казни за экспроприацию Волжско-Камского общества в 1906 году. Приговор приведен в исполнение.

10) Золин Михаил—рабочий сормовского завода, приговорен к бессрочной каторге в 1906 году, после революции 1917 г. возвратился. Жив.

11) Рогожников Филипп—рабочий судостроительного цеха, член партии с 1903 года. Приговорен за экспроприацию в 1906 году к бессрочной каторге, после революции 1917 года возвратился. Сейчас работает в Москве.

12) Ефремов Андрей—служащий кооператива железоскобяного отдела. Погиб от взорвавшейся бомбы в 1905 году вблизи столовой. Член партии с 1902 года.

13) Чернов Сергей—рабочий сормовского завода, член партии с 1902 года. Приговорен к смертной казни за экспроприацию в 1907 году.

14) Латышев—рабочий вагонно-механического цеха. Член с 1903 года. Жив.

15) Ленков Михаил—рабочий сормовского завода, член партии с 1903 года. Покончил жизнь самоубийством в 1906 году.

16) Чехонин Никифор—рабочий судостроительного цеха, член партии с 1903 года, служил во флоте, за убийство офицера в 1907 году приговорен к смертной казни.

Первое время перед Б. Д. стал вопрос о приискании средств; по договоренности с партийным коллективом был устроен в дер. Починок, в д. Новикова, вечер, который был посвящен судебному

процессу над т.т. из сормовской организации: Барановым, Замятиным, Павловым, Тюменевым и Урыковым П. Этот вечер был с буфетом, доход от которого предназначался в пользу боевой дружины. Из вырученных денег были куплены тогда 4 дробовых берданки. Январские события 1905 года сильно взволновали Б. Д. По получении известия о петербургской бойне было назначено партийное собрание в лесу, за Земской больницей (в то время там был лес). Это было 10 января. Собрание охранялось Б. Д., были расставлены патрули и установлен пароль для проходящих на собрание. Первый патруль стоял между староверским кладбищем, второй на бугре, не доходя до земской больницы, затем секретный патруль у канцелярии полицейского пристава, третий патруль у каменной школы, четвертый у сормовского пожарного депо и пятый на Канаве, против дома П. Третьякова. У патрулей были ракеты, которые должны были служить сигналом при появлении полиции. Шестой патруль на Песочной улице, на проулке, по направлению к староверскому кладбищу, был занят тов. Ефремовым, у которого была фитильная бомба, чтобы остановить полицию, в случае, если она направится по дороге в лес. Это—первое собрание, которое охранялось дружиной. Когда рабочие проходили на собрание, то при встрече с вооруженным патрулем должны были сообщить пароль и уже после этого идти на собрание. Приходившие на собрание товарищи чувствовали, что есть, хотя и небольшая, но вооруженная и организованная боевая сила. Охрана продолжала стоять до окончания собрания, все стоящие посты проверялись контролем. Все замеченное контролем, все сведения, передавались одному руководителю боевой дружины, который присутствовал на собрании. Все дальнейшие собрания были так же охраняемы, как и это первое.

К весне 1905 года боевая дружина стала пополнять свои ряды стойкими, надежными товарищами, так что к 1 мая 1905 года число членов Б. Д. дошло до 30 человек. Из вступивших были следующие т.т.:

17) Розанов Александр—рабочий сормовского завода, с.-д.

18) Болотников Александр—рабочий медно-трубного цеха, с.-д.

19) Рыбаков Василий—рабочий паровозо-сборочного цеха, с.-д.

20) Гусев Алексей—рабочий сормовского завода, член с.-д. партии.

21) Матвеев Александр—чертежник сормовского завода, с.-д. с 1903 года. Жив.

22) Дербенев Иван—рабочий судостроительного цеха, с.-д. с 1904 года. Умер.

23) Алешин Николай—рабочий судостроительного цеха, с.-д. с 1904 года. Жив.

24) Серов Алексей—рабочий механического цеха, слесарь, с.-д. с 1903 года. Жив.

25) Парфеныч (кличка)—рабочий механического цеха, с.-д. с 1903 года. Жив.

26) Попотин—рабочий снарядного цеха, токарь, убеждения у него были больше с.-р., но принадлежал к СДБД, осужден был в бессрочную каторгу за экспроприацию Малиновского скита, в 1917 году возвратился. В 1918 году вторично приговорен к смертной казни за бандитизм: совершил нападение на артельщика с с.-р. Ошмариным.

27) Зимин Петр—рабочий, с.-д., осужден в 1906 году в бессрочную каторгу, в революцию 1917 года возвратился. В 1918 году во время побега из-под ареста был застрелен начмилицией Сормова тов. Андреевым.

28) Абросимов Иосиф—рабочий судостроительного цеха, с.-д. с 1903 года. Жив.

29) Власов Иван—рабочий паровозного цеха, с.-д. Жив.

30) Каврецкий Иван—рабочий паровозного цеха, с.-д. Жив.

Штаб боевой дружины был избран на общем собрании Б. Д. из 5 человек: Мочалова Павла, Дмитриева Алексея, Минина Алексея, Кирсанова Владимира и Волотова Андрея. Штабом был по поручению общего собрания выработан устав для Б. Д., приступлено к военному обучению и приобретено знамя боевой дружины.

Устав боевой дружины:

§ 1. Б. Д. в своих действиях и выступлениях имеет полную независимость от местных организаций.

§ 2. Каждый член Б. Д. подчиняется распоряжениям штаба.

§ 3. При всех вооруженных выступлениях Б. Д. выполняет приказания руководителя, который выделяется штабом.

§ 4. Каждый член Б. Д. обязан проходить военно-строевое обучение по выработанному штабом порядку.

§ 5. Б. Д. имеет свое знамя двух-цветное: полоса красная сверху, вниз полоса черная, а в середине пятиконечная звезда.

§ 6. Б. Д. приобретает оружие путем покупки на имеющиеся средства и обезоруживания полиции, с таким расчетом, чтобы каждый член был обязательно вооружен револьвером.

§ 7. Каждый член Б. Д. обязан платить членский взнос в размере 2% с заработанного рубля.

С началом весны, как стаял снег, Б. Д. начала производить строевое обучение ружейным приемам и изучать обращение с бомбами. Для обучения строевому искусству был выделен член Б. Д. тов. Латышев Алексей, как знаток строя. Работа продолжалась до начала зимы 1905 года.

Члены штаба также строго распределили между собой обязанности. Мочалову, как руководителю Б. Д., было поручено готовить бомбы. В помощь ему назначили тов. Кирсанова Владимира. Минин и Дмитриев обязаны были выполнять работу по разоруже-

нию полиции. Волотову поручили выполнять организационную работу и обязанности казначея, ему также поручили изыскивать средства для Б. Д. путем устройства пикников и экспроприации кких-либо госуд. учреждений и буржуазии. Во избежании провала, функции каждого члена штаба Б. Д. были под строгой конспирацией, так что о выполнении какой-либо работы мог знать лишь тот, кто ее выполнял. Первым выступлением Б. Д. была перестрелка с полицией в 1905 году перед 1-м мая. Организация устроила собрание у ж.-д. моста из числа катающихся на лодках и вышедших на берег, а также гуляющих на мосту рабочих. Во время перестрелки был ранен т. Дмитриев.

Как только показалась в лесу зелень, Б. Д. начала устраивать пикники, с буфетом, сбор средств от этого шел в кассу Б. Д. на вооружение. Пикников было устроено три, на одном из них выручено 150 руб., деньги эти шли на покупку револьверов, которых было куплено 15 штук, системы «Смит и Вессон». В дальнейшем вооружение Б. Д. покупалось на средства, получаемые из разных источников.

К полугодовщине январских событий (9 июля 1905 года), в сормовской организации образовались две фракции: большевики и меньшевики. Руководитель Б. Д.—П. Мочалов, был членом президиума фракции большевиков. На одном из заседаний штаба Б. Д. т. Мочалов внес предложение об официальном слиянии всей Б. Д. с фракцией большевиков, что и было принято, при условии—допустить представителя от штаба на выборных началах в президиум партийной организации большевиков. Затем, на общем собрании членов Б. Д. было также вынесено единодушное постановление о слиянии с сормовской организацией большевиков. Штаб на срочном своем заседании выделил своего представителя т. Волотова, который и вошел в президиум сормовской организации большевиков официально от штаба Б. Д. с правом решающего голоса. В то время в президиуме большевистской фракции были т.т.: Павлов Д., Васильев П., Матвеев А., Мочалов П., и Волотов. Но нужно сказать, что члены президиума менялись в это время часто, что требовалось необходимостью конспирации. На одном из собраний президиума был поставлен вопрос о проведении дня 9 июля. Руководить демонстрацией было поручено Мочалову со штабом Б. Д. На улице демонстрация была не допущена полицией, а состоялась в дубовой роще (близ больницы), на месте митингов, где в первый раз красовалось знамя Б. Д. к 9 июля на собрании в роще число членов Б. Д. достигло 40 человек, из товарищей, вооруженных бомбами, была составлена цепь. Но силы Б. Д. были все-таки слабы по сравнению с вооруженными казаками и солдатами, которые не дали собранию устроить шествие по улице, а оттеснили демонстрантов в лес, к больнице.

10 июля в Сормове прошел слух, что в Н.-Новгороде черносотенцы избивают евреев и интеллигенцию. Сормовская Б. Д. подала помощь городским товарищам. Жертвой погрома пали член

штаба Б. Д. Дмитриев и член коллектива—Командин. После гибели Дмитриева, в штаб был выбран товарищ Латышев. Дальнейшая деятельность Б. Д. выражалась в ее усилении и улучшении вооружения. До 17-го октября все собрания происходили под охраной Б. Д. 19-го октября 1905 года шестые сормовичи в Н.-Новгороде были под руководящей охраной Б. Д.. Освобождение из тюрьмы политических заключенных было при непосредственном участии боевой дружины. При возвращении из Н.-Новгорода, Б. Д. вторично была сформирована и направлена в Канавино охранять Пушкинскую библиотеку, в которой заседал пленум нижегородской, канавинской и сормовской организаций. В дни «свобод» от 17 октября до 12 декабря Б. Д. охраняла сормовский район: полиция в то время не принимала никаких мер по отношению к хулиганству. Штабу Б. Д. пришлось заниматься расследованием уголовных и гражданских дел, производить ночные обходы. Это делалось совместно с с.-р.

В день вооруженного восстания 12 декабря, на срочном заседании штаба Б. Д. было решено избегать массовых вооруженных выступлений, а повести партизанскую тактику и делать частичные нападения. В ночь были пущены отряды для разведки. Утром, 13-го декабря, когда рабочими стихийно была начата постройка баррикад, пришлось принять участие в баррикадной борьбе. Б. Д. разделилась на два отряда: один находился все время на баррикадах, а другой занимался разведками.

В декабре перед вооруженным выступлением с.-д. Б. Д. об'единилась с с.-р. Б. Д. и решили идти в гор. Балахну, чтобы забрать там в арсенале оружие, но получили известие, что винтовки в Балахне, а замки от них отправлены в Н.-Новгород, и поездка в Балахну была отложена.

Многие сормовские боевые товарищи, вспоминая после свое плохое вооружение, жалели, что, будучи в Н.-Новгороде в «дни свобод», не могли овладеть арсеналом с оружием.

Отсутствие винтовок у восставших и на-ряду с этим прекрасное вооружение казаков и полиции, а также артиллерия, пущенная в ход при наступлении на баррикады,—решили исход восстания.

А. Волотов.

Убийство шпиона Пятницкого и начальника охранки Грешнера

К двадцатилетию первой русской революции 1905 года уместно вспомнить и опубликовать популярное в те годы «дело об убийстве сотрудника нижегородского охранного отделения Пятницкого»—1903 г. и еще более значительное—«дело об убийстве самого начальника этого отделения Грешнера»—1905 г. Эти два душителя революционного движения были настолько ненавистны рабочей массе, что, наконец, революционная Немезида опустилась на их головы.

В первом случае—по делу Пятницкого—обвинялись сормовские рабочие, во втором—высланный из Москвы А. Л. Никифоров. Это дело в истории нижегородского рабочего движения занимает особое место. Напрасно бы историк стал искать в этом деле «революционного приговора» какого-либо комитета. Его нет и не было. Приговором здесь был революционный гнев рабочей массы, революционная месть по собственной инициативе за тысячи незаслуженных обид, за тюрьмы, виселицы, ссылки и расстрелы—за всю ненавистную, гнусную политику самодержавного режима по отношению к рабочему классу и всему угнетенному русскому народу. И поэтому-то акт над Пятницким и Грешнером был встречен с энтузиазмом решительно всеми слоями культурного общества, в том числе и революционной социал-демократией (большевиками), несмотря на принципиальное отрицание индивидуального террора.

1. Как они работали

Шпионаж и провокация—два кита, на которых держалась царская охранка. Самодержавию недостаточно было миллионов солдатских и жандармско-полицейских штыков для борьбы с «возлюбленным» русским народом, недостаточно было открытой борьбы, нужно было применить самый подлый, самый отвратительный метод—шпионаж и провокация. Провокатор в условиях царского режима—страшный бич революционного подполья. От него не уйдешь, от него ничего не скроешь. Он проникает к вам

в душу, он посвящен во все сокровенные тайны революционной борьбы и незаметно, но систематически, передает вас и ваших товарищей в руки злейших врагов революции. Поэтому-то самодержавие и старалось насадить их всюду, где только можно, начиная с малой заводской ячейки и кончая высшими партийными органами. Столицы и провинция кишела провокаторами—большими и малыми. В центре—Азеф и Малиновский; у нас, в Нижнем—Лазарев и Соколов, позднее—Ульянов и Чемборисов. Этим последним вскрыла революция. Вероятно, вскроет и еще: архивы охранки дают богатый материал...

На тайную охрану, т.е. на штат шпииков, провокаторов и жандармов, царское правительство тратило колоссальные суммы, отпускаемые в бесконтрольное распоряжение начальников охранных отделений и жандармских управлений. На эти народные деньги было организовано «наблюдение за фабрично-заводскими рабочими», за городской интеллигенцией и просто за подозрительными обывателями. В фабрично-заводских поселках, при самых фабриках и заводах содержались явные и тайные жандармские пункты, из которых сыпались доносы начальству. В жандармских управлениях накапливались толстые «дела по наблюдению». Здесь, как в калейдоскопе, проходит вереница жандармских агентов: филеров и полицейских с их доносами, масса поднадзорных рабочих и интеллигентов, ряд мелких и крупных фактов, рисующих повседневную жизнь как рабочей массы, так и самого охранного аппарата.

Вот списки рабочих, обвиняемых в подстрекательстве к стачкам ¹⁾. «На учет» охранки взято 174 человека. Здесь рабочие самых разнообразных специальностей, из разных городов и местностей. Они или получили административную высылку, или находятся под гласным и негласным надзором полиции, часть из них прошла условный тюремный стаж. Обстановка и дела их были по форме различны, но по существу одинаковы и одинаков им царский приговор: тюрьма, высылка, надзор и лишение права проживать в столицах и крупных промышленных центрах. Но хуже всего то, что за каждым из них днем и ночью следит невидимая тень жандармского филера. Они, конечно, знают это, но избавиться не могут. «На свободе скованы руки и ноги»; сердце горит революционным огнем, энергия требует своего применения, а действия парализованы проклятым режимом...

А провокаторы делают свое гнусное дело. Вот жандармский агент доносит, что он «вошел в соглашение с двумя фабричными рабочими (указаны фамилии рабочих и фабрики—в том же деле), которые за деньги будут давать ему сведения о пропаганде на этих фабриках, при чем оплата будет зависеть от количества и важно-

¹⁾ Дело № 199 б. ниж. жанд. управ. за 1897 г. «по наблюдению за заводскими рабочими, со списками обвиняемых в подстрекательстве к стачкам и забастовкам».

сти выдаваемых лиц и фактов, т.-е. будет находиться в прямой зависимости от их стараний и умения. Здесь, как видим, применен такой принцип, при котором жалкие предатели должны «из кожи лезть», чтобы получить возможно больше серебрянников за «душу» своего брата—рабочего. Своего рода тейлоризм на жандармский лад. Такие сообщения поступали из разных фабричных районов, в том числе сормовского, павловского и др.

И результаты их работы налицо. Поступают уведомления о разброске прокламаций, о назначенной сходке, о том, что замеченный в подстрекательстве к стачкам мастеровой N прибыл на жительство в такой-то дом, по такой-то улице и поступил токарем на завод. Такой-то ясецает такого-то. «Икс» сидит дома и читает книжки—личность подозрительная; «Игрек» ведет себя так дерзко и вольно, что во время стачки или волнения может быть зачинщиком и агитатором; «Зет» при встрече иконы не снимает шапки—несомненно с антиправительственным образом мыслей. И так далее, и так далее. Целая вереница вольнодумных рабочих, фамилии коих аккуратно заносятся в жандармский список «особо поднадзорных лиц».

Дело было поставлено так, что о каждом движении, о каждом шаге более или менее видного рабочего или интеллигента самым подробным образом доносилось в охранное отделение и жандармское управление ¹⁾. Для шпионов и провокаторов существовали отдельные «инструкции по наблюдению», в которых предусматривались все «тонкости» этого гнусного дела. В начале 1900-х годов мы наивно думали, что творимая нами подпольно-революционная работа известна только самым близким товарищам по партии и что только нелепый случай мог нас выдать в руки жандармерии. Нет, мы ошибались. Все мы были под строгим учетом охраны и все наши дела, за редкими исключениями, были известны нашим врагам. Если некоторым из нас посчастливилось просуществовать на революционной работе без ареста два—три года, то вовсе не потому, что мы сильно конспировали, а просто потому, что жандармы выжидали наиболее удобного с своей точки зрения случая для ликвидации данной революционной группы.

Такое именно создается убеждение, когда просматриваешь дела жандармского управления и переписку охраны. Для жандармов не наша конспирация имела решающее значение, а реальная сила настроения рабочей массы, широта и глубина революционной пропаганды. И чем шире и глубже была охвачена масса этой пропагандой, тем меньше значения имели шпики и провокаторы, ибо такое настроение уже выводило рабочую массу из пределов подполья на улицу и противопоставляло ее вражеской силе в открытой революционной борьбе.

¹⁾ Из дела нижегор. жанд. упр. № 279 за 1904 г. и 412 за 1905 г. о Преображенском, Белозерове и Попове видно, что шпионы вели дневник—подробные записи о повседневной жизни этих поднадзорных и давали им свои конспиративные клички. А. Б.

2. Ликвидация Пятницкого

В июле или августе 1904 г. из круглой башни № 4 первого корпуса нижегородской тюрьмы меня перевели в общий политический барак в одиночку. В этом бараке против моей камеры, в двух общих больших камерах уже около года сидели сормовичи: Чугурин, Коновалов, Хрусталеv, Савин, Мокряков, Урыков, Сеня Баранов и еще кто-то. Все они, кроме Баранова, обвинялись в убийстве шпиона Пятницкого, по профессии портного. Дело это, в котором фигурировала сама охранка, велось под большим секретом. Арестованные не дали существенных показаний и оно тянулось более полутора лет. Только теперь представилась возможность проследить это дело. По данным охраны и жандармского управления, оно рисуется в следующем виде.

Начальник нижегородского охранного отделения Грешнер 22 сентября 1903 г. секретно писал начальнику жандармского управления, что 17 сентября, в 6 час. вечера, им получены сведения об убийстве в лесу, между Сормовом и Канавином, Мстиславского мещанина Могилевской губ., Давида Иоселева Пятницкого, труп коего обнаружен был случайно проходившим крестьянином¹⁾.

Убийство совершено на политической почве: Давид Пятницкий 20 июня 1903 года был передан Грешнеру, как секретный сотрудник, предшественником Грешнера — ротмистром Засыпкиным. Сотрудничество Пятницкого заключалось в том, что он заводил в рабочей среде Сормова и Н.-Новгорода близкие знакомства и о замеченных им противоправительственных действиях и замыслах разных лиц сообщал охранному отделению. Это сотрудничество—писал Грешнер—продолжалось успешно и спокойно до середины августа, когда вышедший среди других из тюрьмы политический И. Г. Минеев сообщил своим товарищам, что Пятницкий—шпион. Это же самое было сказано и лично Пятницкому, с угрозой его поколотить. Несколько раз Пятницкого приглашали ночью в глухие улицы, но он, «сметив дело», избегал этих прогулок. Обо всем этом Пятницкий взволновано докладывал Грешнеру при одном из своих тайных посещений охраны.

Вскоре, однако, путем бесед и угощений Пятницкий опять восстановил к себе доверие Минеева, но после этого сотрудничество его хотя и продолжалось в охране, но не так продуктивно. Последний раз Пятницкий был у Грешнера 15 сентября, в 8 час. вечера, и спрашивал—ехать ли ему в Сормово, куда приглашал его рабочий Ив. Вас. Хрусталеv. После часовой конспиративной беседы Пятницкий решил поехать в Сормово, но не к Хрусталеvu, а предварительно к рабочему Ив. В. Савину, у которого намеревался выведать—правда ли, что его подозревают в провокаторстве

¹⁾ Дело б. ниж. жанд. упр. № 165 за 1903—4 г. при ниж. губ. архиве.

и по его ответу и по глазам узнать о действительности. Поэтому Пятницкий решил принять все меры предосторожности.

Отправился он в Сормово 16 сентября и около 8 час. вечера застал на квартире у Савина еще двоих рабочих—Ив. Хрусталева и В. И. Беляева, пришедших за справкой относительно сходки. Пятницкий будто бы не знал Беляева, а потому последний при постороннем человеке стеснялся говорить о сходке и под предлогом прогулки пытался вызвать Савина из квартиры. Но Савин прямо заявил, что «никуда не может пойти, т. к. назначена сходка». После этого Беляев вышел из комнаты, а вслед за ним и Хрусталева, который в сенях шепнул Беляеву, что никакой сходки не будет и что о сходке они говорят нарочно, дабы обмануть Пятницкого, которого хотят заманить в лес и поколотить за шпионство. На лестнице второго этажа дома их нагнал Савин и сказал Беляеву то же самое, что и Хрусталева¹⁾.

На другой день в 12 час. Беляев, встретив на улице Савина, спросил: «Ну, как дела?». На это Савин ответил: «Плохо: вчерашнего еврейчика так побили, что вряд ли будет жить». В этот момент подошел другой молодой человек и добавил: «Так здорово побили, что он кричал, кричал, да и перестал... Вероятно совсем убили». Больше Беляев их в этот раз не расспрашивал, а утром 18 сентября слышал, как рабочий Александров кому-то говорил: «Это хорошо, что еврея убили, так ему и надо было...».

Получив 17 сентября сведения об убийстве Пятницкого, Грешнер понял, что это дело совершено Хрусталевым и Савиным или же при непосредственном их содействии, в том числе и Минеева, а потому срочно все свои соображения сообщил прокурору окружного суда. По тем же соображениям Грешнер распорядился той же ночью обыскать упомянутых рабочих и арестовать. Обыск не дал явных улик, указывающих на совершенное убийство, но все же при этом было выяснено, что Пятницкий в ночь накануне своей смерти действительно был у Савина, там же были рабочие Хрусталева и Мокряков, которые в 8 час. вечера ушли от Савина с Пятницким, но возвратились уже без него. Кроме того, в квартире Савина были найдены прокламации, изд. ниж. ком-та РСДРП под названием «О безработице в России».

Произведенным судебным следствием в убийстве Пятницкого была «установлена» причастность Хрусталева, Савина и Мокрякова. Все они, по агентурным сведениям, состояли членами революционной рабочей сормовской организации. В связи с этой организацией и убийством, 18 сентября было произведено еще дополнительно 12 обысков и арестов в Сормове и Н.-Новгороде. В Сормове были обысканы и арестованы: 1) И. Д. Чугурин, лично

¹⁾ Странным кажется, каким образом этот разговор в сенях «шепотом» дошел до начальника охраны? Очевидно, здесь налицо был и другой какой-то провокатор, коего подослал к Савину Грешнер для предосторожности во время посещения Пятницкого. Из дальнейшего разговора это выступает еще реальнее. А. Б.

знакомый Пятницкого, при обыске найдено 882 экз. воззваний «Письмо крестьянам от рабочих» и много друг. нелегальщины; 2) В. Е. Коновалов—живший в доме Чугурина, он познакомил Пятницкого с Савиным; 3) Я. М. Сачков—видный рабочий с.-д.; 4) С. В. Лисов—жил в одном доме с Савиным и Мокряковым и «безусловно причастен» к заговору; 5) П. А. Урыков—представитель сормовского с.-д. кружка, он за несколько часов до убийства Пятницкого был в городе по секретным делам и вернулся в Сормово в 7 час. вечера. В городе были арестованы:

1) Я. М. Свердлов—подпольный, грозил Пятницкому пропечатать его в прокламации, как шпиона (через две недели, 2 октября, был освобожден); Д. А. Сандлер—брат Ильи Сандлера—имел частые свиданья с Пятницким и давал нелегальщину; 3) Е. З. Капелевич—ходил с Пятницким на сходки и знакомил со своими с.-д. товарищами; 4) Фейгин И. Г.—также ходил с Пятницким на сходки, найдена нелегальная брошюра; 5) И. И. Абоимов—жил все время на квартире с Пятницким и посвящал его в секретные сношения организации, показывал и давал нелегальные книги; 6) А. С. Алейник и 7) С. К. Павлычев—оба жили одно время на квартире с Пятницким и знали о его поездках в Сормово.

Рассмотрев 28 сентября изложенное выше сообщение начальника охраны в связи с результатами обысков, жандармское управление, по соглашению с прокурором, признало: 1) что И. Хрусталеv, И. Савин, П. Мокряков, И. Чугурин, П. Урыков и В. Коновалов действительно состоят членами преступных рабочих кружков Сормова; 2) что преступный характер этих кружков выражается в пропаганде о необходимости ниспровержения самодержавной власти, с заменою ее выборным правительством и в возбуждении вражды между хозяевами и рабочими; 3) что при обысках в кв. Чугурина, жившего с Коноваловым, найдено значительное количество преступных изданий (найлены при вторичном обыске); 4) что это дает основание к заключению о предназначении этих изданий для распространения; 5) что записка Коновалова к Савину с просьбой познакомить Пятницкого с другими товарищами, устанавливает его связь с остальными членами кружка; 6) что принадлежность к этому делу Свердлова (о котором имеется в жандармск. упр. особое дело), Капелевича, Фейгина, Сандлера, Алейкина, Абоимова, Павлычева, Минеева и Лисова не устанавливается, при чем предполагается, что Лисов причастен лишь только к заговору об убийстве Пятницкого, и 7) что роль Сачкова среди сормовской организации остается неизвестной,—постановило: Ив. Савина, Ив. Хрусталева, Петра Мокрякова, Петра Урыкова, Ив. Чугурина и Вас. Коновалова привлечь в качестве обвиняемых по 2 ч. 250 ст., а двоих последних, кроме того, и по 2 ч. 252 ст. ул. о нак. В отношении остальных сведения и результат обысков для привлечения их к ответственности признаны недостаточными, в виду чего все они, кроме упомянутых сормовичей, привлеченных к делу, были из тюрьмы вначале октября освобождены.

3. Что делалось в организации

Неизвестно, с какой целью весьма пространные показания по делу дал жандармам рабочий паровозо-сборочного цеха Вас. Ив. Беляев. Он не так молод: ему было уже 29 лет, а потому товарищи вправе были потребовать от него более серьезного и конспиративного отношения к партийной организации, чем это он проявил на допросе. Пусть его показания продиктованы жандармским ротмистром, но они характеризуют деятельность Сормовской организации и в данном случае имеют уже исторический интерес, а потому мы сделаем из них некоторые выдержки. Вот, что поведал жандармам 11 октября 1903 года Беляев.

«Вскоре после маевки 1902 года сормовский рабочий Углев, который теперь сидит в тюрьме по политическому делу, пригласил меня в лес на сходку, около Сормова. С этого времени я и начал вращаться среди нелегальных кружков, занимающихся противоправительственной деятельностью, из любопытства вращаюсь среди них и до настоящего времени. За эти 1½ года часто бывал на сходках и на квартирах рабочих. На сходках, кроме рабочих, всегда присутствовали интеллигенты, они руководили ими и говорили больше других. Говорилось о бедности крестьян и рабочих, о больших налогах и податях, о том, что на все накладывается большой акциз, говорилось о том, что собранные с народа деньги тратит государь, проживая миллионы, тратятся эти деньги без пользы для народа—на содержание войска, флота и чиновников. Для борьбы с таким порядком на сходках рекомендовалось рабочим соединиться в один общий союз и устраивать демонстрации, на которых петь революционные песни, например: «Отречемся от старого мира», «Дружно, товарищи, в ногу» и др., выкидывая красные флаги с надписями: «Долой самодержавие, да здравствует 8-часовой рабочий день». На этих же сходках рекомендовалось—во время демонстраций оказывать полиции сопротивление и не расходиться, а в случае вызова войск—разбежаться, не выжидая стрельбы боевыми патронами. Далее говорилось, что хозяева—враги рабочих—трудами рабочих они наживают капиталы, а о рабочих совершенно не заботятся, что необходимо свергнуть самодержавие и заменить его республикой и что только после этого возможно установить 8-часовой рабочий день и облегчить положение народа.

Много говорилось о необходимости распространения среди рабочей массы нелегальной литературы, брошюр и листовок, так как устная пропаганда затруднительна и опасна. Литература доставлялась в большом количестве, приезжавшими из города интеллигентами и самими сормовскими рабочими, которые туда за ней ездили, особенно много доставлялось нелегальной литературы перед 1 мая. Рабочие, которые энергично занимаются противоправительственной пропагандой и распространением нелегальной литературы, составляют небольшие кружки по 12—15 человек в ка-

ждом и вносят по 2 копейки с заработного рубля в (политическую) кассу для нелегальной деятельности. Таких кружков в Сормове 20—25. Во главе кружка стоит рабочий, называемый представителем. Он собирал деньги с членов кружка, при чем третья часть оставалась в его распоряжении, а две трети передавались в кассу и шли на выпуск нелегальной литературы и другие нужды. Через представителей кружков устанавливалась связь с интеллигенцией. На деньги кружка покупалась и легальная литература для массы рабочих с целью подготовить их к чтению нелегальщины и к преступной деятельности вообще. Представитель кружка устанавливает, кому и в каком районе распространять прокламации, он же, по соглашению с другими представителями, назначает время и место сходок и т. д. На этих сходках обсуждались, между прочим, вопросы о более удобном устройстве сходок, так как за последнее время эти сходки часто предупреждались полицией. Поэтому установлен такой порядок, что о сходках знали только представители кружков, которые сообщали и вели товарищей на данную сходку в самый последний момент, не говоря о ее месте. Сходки были трех видов: кружковые, представительские и большие. Участие интеллигента на сходках было обязательно, если он почему-либо не приходил, рабочие тотчас же расходились. На представительских сходках, кроме интеллигентов и самих представителей, участвовали еще и кандидаты в представители, всегда из рабочих. Делалось это для того, чтобы, в случае ареста представителя или выхода его из кружка, осведомленный кандидат мог бы безболезненно для кружка занять в нем руководящую роль. Чаще всего устраивались сходки кружковые, затем уже представительские и реже других—общие. Большие сходки—массовки, которых за лето из 7 назначенных состоялось только 3. На эти массовки привлекались, главным образом, неорганизованные рабочие, с целью подготовки их к партийной деятельности; тут же раздавалась нелегальная литература. В виду возникших слухов о случаях предательства на этих сходках, они в последнее время созываются уже только из числа организованных рабочих, которые, в случае надобности, могут дать полиции отпор...».

Здесь не только выявлена в значительной степени деятельность организации, но и подробно очерчена самая схема партийного подполья. А это весьма важный ориентировочный козырь в руках жандармерии. Но и это не все. Дальше, словоохотливый на жандармские вопросы гр. Беляев подробно информировал о своих знакомствах с революционными рабочими и участниками сходок. Здесь фигурируют: Савин, Чугурин, Урыков, Хрусталеv, Мокряков, Коновалов и другие, что весьма характерно—не имеющие отношения к делу Пятницкого, Мочалов, Климов, интеллигент по кличке «Захар Иванович» (Бор. Позерн) и другие. Для жандармов достаточно нитей, чтобы составить «дело о преступной политической организации» на основании этих показаний. Эти показания, кстати сказать, принимают уже специфическое значение, если

припомнить, что секретный полупрошепотом разговор в квартире Савина, происходил накануне убийства Пятницкого, в присутствии именно Беляева, каким-то образом стал известен на другой же день (а, может быть, и в ту же ночь) охранному отделению...

4. Дело кончается прекращением

Об убийстве Пятницкого узнали и за границей. Краткие корреспонденции были напечатаны в заграничной партийной прессе: в центральном органе РСДРП—«Искре», № 52 от 7 ноября 1903 г. и органе с.-р. «Революционная Россия», № 35 от 1 ноября 1903 г. Следствие по этому делу тянулось до половины сентября 1904 года. Охранка напрягала все силы, чтобы узнать фактических виновников ликвидации Пятницкого, но, кроме общих фраз, на этот счет, ничего не добились от подставных свидетелей. Во второй половине сентября 1904 года обвиняемые—Коновалов, Чугурин, Хрусталев, Савин, Урыков, Мокряков из тюрьмы были освобождены, при чем дознание о Петре Урыкове, согласно заключения прокурора было выделено в «особое дело», в связи с делом по сормовской соц.-дем. организации, а дело Мокрякова в отношении его принадлежности к «преступному сообществу», за недостаточностью улик, было прекращено. Остальные обвиняемые, по освобождении из тюрьмы, до суда были отданы под гласный надзор полиции и местом своего жительства избрали Нижний-Новгород и Сормово, кроме Коновалова, который уехал в Ярославль, где окружным судом, по инициативе нижегородского прокурора, как несовершеннолетний, был снова освидетельствован в отношении умственных и физических способностей и снова был признан вполне нормальным, а следовательно, и подсудным.

Перед передачей дела в суд, оно снова было пересмотрено (новым прокурором Бальцевым) в связи с манифестом от 11 августа 1904 года, при чем прокурор вывел заключение, что это дело, возбужденное Грешнером, в связи с политическим убийством агента Пятницкого, не имеет достаточных данных для привлечения обвиняемых в качестве членов «преступного общества». Фактов для обвинения в убийстве оказалось так мало, что вместе с этим отпала и главная улика в принадлежности к «преступному сообществу». Из показаний свидетеля обвинения гражданина Беляева, старавшегося уличить обвиняемых в конкретных фактах их «преступной» деятельности, кроме общих мест о сходках и темах речей и т. п., прокурор также не мог констатировать. Оставалось одно «хранение» найденной при обысках литературы, но и это обвинение за силой манифеста от 11 августа 1904 года отпало само собой.

В виду «благоприятно» сложившихся для обвиняемых обстоятельств, это дело, в конце-концов, по предложению прокурора, было внесено на рассмотрение нижегородского губернского совещания, в составе губернатора, прокурора и нач. жанд. управления

(тоже нового, Левицкого, а начали дело Шеманин и Грешнер), которое 25 мая 1905 года, за недостатком улик, постановило: «дело прекратить, отменив принятую меру пресечения».

5. Как был убит Грешнер

Не успело еще окончиться дело о ликвидации сотрудника охраны Пятницкого, как за месяц до этого революционная пуля вырвала из рядов вражеского стана еще одного палача рабочего класса, на этот раз самого начальника охраны Грешнера. Если сормовичи признали необходимым убрать с революционного пути сотрудника охраны, то начальник ее заслуживал этого в неизмеримо больших размерах. И этот акт был совершен.

Грешнер не был «просто казенным чиновником», служившим, как многие, за чины, за страх, за деньги. Нет, это был артист своего дела, вдохновенный, идейный боец самодержавия против революции, против рабочего класса, против всего, что мешало царскому правительству. Если в свое время начальник московской охраны Зубатов, «по искреннему убеждению», боролся с революционностью рабочих путем насаждения своих провокаторских «экономических» организаций, то Грешнер, также «по искреннему убеждению» (и у палача есть свои убеждения), заплетал в среде рабочих и интеллигентов сложную паутину шпионажа, насаждая всюду шпииков и провокаторов. Он был не только начальником секретной охраны, но выступал и в открытой роли жандарма и полицейского. Кто не знал в 1900 годах Грешнера? Как начальник охраны, он строил и вдохновлял шпионско-провокационную систему, как открытый жандарм, он производил аресты и самолично допрашивал своих политических противников, и, наконец, как простой полицейский, он весьма часто сам, лично, выезжал на обыски и инструктировал полицию, как и где лучше искать литературу и оружие...

С Грешнером покончил революционер другого политического лагеря. Акт совершен был при следующих обстоятельствах. В ночь на 28 апреля 1905 года, после спектакля, Грешнер с одной из его дам (О. Н. Нормунд-Вашклевич) и ее служанкой (Рубинской) возвращался из городского театра домой¹⁾. Шли они пешком. Когда около квартиры, угол Дворянской и Варварки, Грешнер стал любовно прощаться со своей дамой, позади раздался револьверный выстрел, после которого начальник охраны успел вскрикнуть: «Меня убивают!» и свалился на мостовую. Вслед за этим с правой стороны в Грешнера были сделаны еще 3 выстрела, которыми он был убит окончательно (показание Вашклевич).

Покончив с охранником, стрелявший Никифоров побежал по Варварке, по направлению к Благовещенской (ныне Советской)

¹⁾ Из доклада нач. ниж. жанд. упр. от 30 апр. 1905 г. департаменту полиции за № 1643. Достаточно подробно этот случай описан также в «Ниж. Листке» от 29 апреля 1905 года. А. Б.

площади, преследуемый городскими и ночными сторожами. По дороге приходилось отстреливаться. Одним из таких выстрелов был сшиблен караульщик Курицын (потом умер), который столкнулся с Никифоровым вплотную на углу Варварки и Осыпной ул. и пытался задержать бежавшего. На Благовещенской площ. один из городских (Соколовский) все же настиг Никифорова и с помощью подоспевших ночных караульщиков схватил и повалил его на землю. Пули все были истрачены и защищаться оказалось нечем. Сбравшейся на выстрелы полицией Никифоров был обезоружен (отобрали «Браунинг») и под усиленным конвоем доставлен в 1 тюремный корпус.

Как потом выяснилось, Александр Львович Никифоров был выслан в Нижний-Новгород этапом из Москвы, как состоявший под особым надзором полиции и обвинявшийся в политической неблагонадежности. Он происходил из дворян Пензенской губернии. В Н.-Новгороде жил на Полевой ул, в д. Стецкой. Он был еще молод—23 лет от роду; по профессии служащий и рабочий. До приезда в Нижний служил в Москве у известного купца-молочника А. В. Чичкина. Среднего роста, коренастый, брюнет, просто одетый, Никифоров производил впечатление типичного рабочего, за какового и считали знавшие его нижегородцы. Он не был разговорчив. Допрошенный судебным следователем по особо важным делам, Никифоров не отказался от совершенного им акта и только в слова следователя, при вопросе «он ли убил ротмистра Грешнера?»—внес принципиальную поправку, заявив, что «убил не ротмистра Грешнера, а начальника охранки». В этом с принципиальной стороны была существенная разница.

Конечно, в связи с убийством Грешнера была поставлена на ноги вся охранка, весь аппарат жандармского управления и вся полиция. Затрещали телефоны, застучал телеграф. Во всех концах начали искать «корни заговора». Здесь любопытно отметить, как жандармы и охранка наткнулись на «либерального» московского 1 гильдии купца миллионера Чичкина, владельца многочисленных молочных ферм. Поводом к этому послужило найденное при обыске письмо Никифорова к Чичкину, к которому он раньше обращался с просьбой «оказать материальную поддержку, выслав хотя 50 руб. на нужное дело». Кроме того, Никифоров просил Чичкина: «выслать еще того, что я у вас брал, а также и друг. последующих (очевидно, нелегальной литературы) и адресовать не на мое имя, а на Евфросинью Моисеевну Рзянину от подательницы А. С. Яковлевой» (условный конспиративный адрес).

6. Осложнение с Чичкиным и казнь Никифорова

По телеграфному требованию нижегородской охранки и жандармского управления, в Москве у Чичкина был произведен обыск, а вслед за ним и арест, так как на его квартире оказалось в политическом отношении не совсем благополучно. При обыске найдена нелегальная литература, два револьвера, пять пачек патронов

и переписка. Но купца-миллионера, имеющего связи с «сильными мира сего», не так-то легко удержать в тюрьме. Он тоже принял свои меры, и на другой же день его ареста, т.-е. 30 апреля начальник московской охранки (полк. Тржецяк) телеграфировал начальнику нижегородского жандармского управления следующее: «Московский генерал-губернатор, входя в общественное и торговое положение известного его превосходительству Александра Васильевича Чичкина, владельца самой крупной в Москве торговли молочными продуктами гарантирует, что Чичкин не уклонится от суда и следствия. Благоволите ответить телеграммой».

Бороться с московским генерал-губернатором ни охранка, ни жандармы, конечно, не могли и были поставлены в затруднительное положение. А в это же время еще телеграмма от самого заключенного Чичкина: «По вашему распоряжению я арестован, никаких к тому оснований безусловно не вижу, владею торговым делом 3-миллионного оборота, имею в Москве 50 отделений и в семи южных городах. Все дело ведется лично мною, каждый день ареста расшатывает дело и приносит громадные убытки мне и моим поставщикам-помещикам и торговцам, коих имею несколько сот. Прошу немедленно освободить, залогом представляю все мое дело. О распоряжении прошу телеграфировать начальнику московского охранного отделения—Ч и ч к и н».

После этих телеграмм нач. ниж. жанд. управления «сдался» и послал телеграфное распоряжение в Москву об освобождении Чичкина, «но с «установлением» за ним тщательного наблюдения». Местная охранка, очевидно, не без основания, утверждала, что переписка Никифорова с Чичкиным «может служить раз'яснением обстоятельств, касающихся убийцы Грешнера».

Но поделаться ничего было нельзя: Чичкин был на свободе и, в случае надобности, мог спокойно подготовиться ко всему... Пока производилась эта переписка, аппарат охранки нащупывал родословную Чичкина, которая, к удивлению московского генерал-губернатора, оказалась, если не «красной», то в достаточной степени «розовой» и личный формуляр А. В. Чичкина также основательно скомпрометирован.

Охранка установила, что А. В. Чичкин, происходивший из крестьян Копринской волости, Рыбинского уезда, Ярославской губернии, еще 9 декабря 1896 года был подвергнут обыску и аресту совместно со своим братом, студентом Московского университета Николаем Чичкиным¹⁾. Последний принадлежал к кружку лиц, занимавшихся агитацией и распространением прокламаций среди рабочих на фабриках, заводах и железнодорожных мастерских. При обыске у него было отобрано несколько прокламаций изд. «Рабочего Союза», ящик с типографскими принадлежностями и заглавный лист брошюры «Отчет делегатов русских социал-демо-

¹⁾ Секр. письмо нач. моск. охран. отд. нижегородскому жанд. управлению.

кратов». А у Александра также найдено было несколько запрещенных брошюр заграничного издания, но после объяснений он из-под стражи был освобожден и дело о нем прекращено. Против же Николая было создано дело при московском жандармском управлении и по «высочайшему повелению» 18 марта 1898 года он был подчинен гласному надзору полиции сроком на 2 года, отбывании коего—с воспрещением жительства в столицах и столичных губерниях.

В январе 1905 года третий брат Александра Чичкина, студент Иван Чичкин был захвачен во время обыска на квартире у А. Л. Никифорова (служившего у А. Чичкина) по делу «Московской социал-революционной группы», при чем при обыске лично у Ивана Чичкина отобраны были два номера с.-д. газеты «Искра», №№ 59 и 61. Ивану Чичкину также, как и его брату Николаю, было воспрещено жительство в столицах и губернии.

Таким образом, семья Чичкиных, с точки зрения «начальства», оказалась весьма неблагонадежной и, если бы не капиталы и не связи купца Чичкина с генерал-губернатором и прочей знатью, насиделся бы он в тюрьме до-сыта. Чем кончилось дело Чичкина—из жандармской переписки не видно, а Никифорова в скором времени судили и, несмотря на хорошую защиту, осудили. Временный военный суд над ним состоялся 6 июля 1905 года в здании нижегородского окружного суда. Никифоров был приговорен к смертной казни через повешение. Смертный приговор приведен в исполнение в ночь на 12 августа 1905 года на дворе первого корпуса в нижегородской тюрьме.

7. Как реагировало Сормово

Убийство Грешнера на другой же день утром, 28 апреля, стало известно по всему городу и Сормову. На радостях в этот день в городе устраивались собрания и сходки, а сормовичи отметили это событие большой демонстрацией, окончившейся боевой стычкой с полицией. Вечером 28 апреля громадной массой (свыше 1.000 человек) с красными знаменами и революционными песнями двинулись они по Соборной на Шоссейную улицу. Полицейский пристав по телефону вызвал команду в 50 человек урядников и городских и, кроме того, захватил с собой отряд в 23 человека конных стражников, поскакал навстречу демонстрантам. Около клуба сормовичи встретили «фараонов» криками: «Долой полицию! Ура!» и открыли стрельбу из револьверов, а затем начали бросать в конных разрывные петарды. Не выдержав натиска, полиция «ретировалась».

Пройдя по Шоссейной улице, демонстранты вскоре начали расходиться, но на пути, в Бузычкином переулке, произошла новая схватка с нарядом пеших городских. Здесь дело кончилось серьезнее. Во время перестрелки с полицией пятеро из сормовичей рабочих были ранены, а именно: Ив. Толстиков, Ник. Старов, Бел. Сатдинов, Дм. Иванов и тяжело—Леонид Командин, находив-

шийся в то время уже под негласным надзором полиции и работавший при лавке общества потребителей. В виду серьезного ранения Командин, Толстиков и Иванов были отправлены сначала в заводскую больницу, а оттуда в губернскую земскую—для операции. Эта схватка была первым боевым крещением Леонида Командина, кончившего свою революционную кипучую жизнь в том же году, через два с половиной месяца в кровавой борьбе с нижегородской черной сотней.

Отношение сормовских рабочих к полиции и жандармам можно характеризовать словами сормовского жандармского вахмистра (Шустова), который, после очередной демонстрации 3 мая 1905 года в доносе жаловался своему начальству: «с большим трудом стало ходить по улице. Как только вышел из квартиры, встречают словами: «кровопийцы, долой жандармов и полицию, такие рожи служат у жандармов, бросьте служить». А вчера из их толпы, собравшейся более 500 человек, прострелили ногу полицейскому—отправлен в больницу...».

Вот каково было настроение рабочих. Поэтому-то убийство провокатора Пятницкого и начальника охранки Грешнера явилось вполне естественным актом революционного действия рабочей массы.

А. Белозеров.

Из моих воспоминаний

Мое участие в революционном движении начинается с весны 1903 года, в обществе т.т. Мити Павлова, Федора Рыбникова, Наташи Вавиловой, Алексея Огорокова, Михаила Перфильева, бр. Барановых, Мелентьева и других тов. сормовичей.

В 1904 году мы начали выпускать прокламации и листовки, заимствуя для этого, главным образом, материал из газеты Ленина «Вперед». Работало нас трое—Андрей Ефремов, Юлия Чернышева и я.

Прокламации и листовки переписывались на гектографе в моей квартире в Сормове, на Песках, которая, конечно, была законспирирована, и отсюда распространялись среди местных и других рабочих. Весной 1905 г. к этой работе прибавилась другая, требовались оружие, снаряды. Наша организация взялась за это дело.

Там же, в моей квартире производилась сборка снарядов, стаканы для которых нам доставляли рабочие ночной смены. Обыкновенно ночью стаканы перебрасывали нам через забор завода, мы их подбирали и уносили в мою квартиру, где днем мы их и начинали. Этой работой занимались Великанов, Ефимов и я.

1905 год был один из острых моментов в жизни организации. К этому времени окончательно назрел вопрос об открытом выступлении рабочих на борьбу за свои права. Полиция усилила свои наряды, отрядила казаков. За нами стали усиленно следить. С одной стороны спасая свое положение, а с другой—выполняя задания боевого комитета (которому подчинялась вся организация), мы стали готовиться к открытой борьбе. В это время приехал Митя Павлов с собрания Нижегородского комитета и, ознакомившись с положением дела, подал мысль дать отпор полиции и казакам.

И вот тут в моей памяти встает факт смерти Андрюши Ефремова, который недостаточно освещен другими товарищами в печати. Дело было так: как-то мы собрались на канаве, в доме Серебренникова, чтобы разрешить вопросы, связанные с вооруженным выступлением рабочих. Полиция, должно быть, догадывалась о настоящей цели нашего собрания, окружила наш дом казаками. Несколько человек из них ворвались в наше помещение и стали нас

переписывать. Один казак, бросивши фразу: «Я, сын Дона, могу ли терпеть такую сволочь»,—пустил в ход нагайку, ударив двух—трех товарищей. Эта дикая сцена ускорила приведение в исполнение намеченного плана мести.

Проводивши незваных «гостей», посоветовавшись друг с другом и заручившись одобрением Мити Павлова, мы решили бросить бомбы в помещение, где находились казаки (они расквартированы были в школе). Роли свои мы распределили так: Андрияша Ефремов должен бросить бомбу в середину казачьей казармы, а я и Пустоногов Н.—в правое и левое крыло. Но тут случилось непредвиденное обстоятельство, которое повело к катастрофе. Перед нашим выступлением пошел дождь. На улицах стало грязно и скользко. Ефремов, который первым должен подойти к казачьему помещению, нужно думать, поскользнулся и упал. Последовал страшный взрыв. В результате Андрияша Ефремов оказался убитым, Н. Пустоногов слегка ранен. Мне, естественно, пришлось податься назад и юркнуть в ближайший сарай, где и оставаться всю ночь до рассвета. Так, благодаря несчастной случайности, за которую Ефремов заплатил жизнью, нам не удалось осуществить свой план.

События развертывались с большой быстротой. Революция быстро подвигалась. Чтобы не повредить общему делу, конспиративную квартиру пришлось перенести в другое помещение, на Большую дорогу, в дом Ибрагимова. Здесь нас постигла также неудача.

Не помню, в какой день, когда я был на работе в рабочем кооперативе, ко мне прибегает испуганная соседка и сообщает, что на моей новой квартире случилось какое-то несчастье. Предчувствуя недоброе, я бегу домой и около нашего крыльца вижу толпу, которую одна из наших знакомых просит разойтись, разъясняя, что все это «мальчишки нашалили». В это время моя мама выпроваживает с крыльца Митю Павлова, Володю Кирсанова. В чем же дело? Оказалось, что Митя Павлов, начиная снаряды, допустил какую-то неосторожность, веледствие чего произошел взрыв, который привлек к себе любопытную публику.

К счастью, взрыв был небольшой, для окружающих безвредный; полиция его не слышала. Соседи нас любили и, когда полиция узнала об этом взрыве,—нас не выдали.

Связанные с вооруженным выступлением подробности (постройка баррикад на Большой дороге, у Каменной школы, бомбардировка казачьей артиллерии и проч.) уже описаны другими товарищами.

Я лично всецело была занята перевязкой раненых, которые поступали к нам на устроенный в доме Плескова пункт. Невозможно описать, что мы тут переживали. В результате мы оказались разбитыми. Надо было отступать, а раненых много. Нельзя было оставить их на расправу зверской полиции и казаков. Раненых решили перенести в больницу. На нашу беду стоявшее на пути здание народной столовой было подожжено казаками. Припомни-

наю, что среди раненых в это время, которым мы оказали помощь, был известный впоследствии провокатор Михаил Малиновский.

После этих событий нам с братом Михаилом Поповым, конечно, нельзя было оставаться в Сормове. Деньги, которые мне было поручено партией роздать семьям убитых товарищей, я передала своей матери, которая их хранила в цветочной банке и затем раздавала по спискам приходившим товарищам. Однако, постоянные посещения полицией нашего дома вскоре вынудили и мою мать оставить квартиру и переселиться в город.

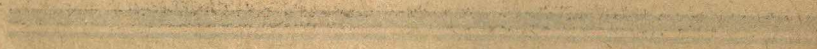
Пережитые события тяжело отразились на моем здоровье, так, что мне пришлось лечь в больницу. В феврале месяце 1906 г. я выписалась и уехала в Петроград, но прожила там недолго и возвратилась в апреле того же года обратно в Сормово, где и жила вплоть до моего ареста (1909 г.), принимая активное участие в партработе.

С. Мелентьева.

(Сима Соколова-Попова)

Faint, illegible text, likely bleed-through from the reverse side of the page. The text is mirrored and difficult to decipher.

C. H. ...
(CROSS ...)

Баррикады пятого года

13 декабря по осажденной школе полиция и казаки стали стрелять из орудий. Первой жертвой был Колчин, потом сейчас же был ранен в шею Говорунов. Его снесли вниз под лестницу, там не так было опасно. Далее ранили: Савину в ноги—обе чашки были вышиблены. Всего было убито и ранено человек 27.

Муж меня стал посылать домой, говоря: «я не могу бороться, когда ты здесь,—не забывай, что у нас есть Володька». Я пошла окольными путями домой. Но сидеть без дела, когда товарищи в опасности, не хотелось. Пошла на сборный пункт узнать, кто остался жив. В это время обсуждался вопрос о том, как и кому идти за патронами. Послали меня, предполагая, что на женщину меньше будет подозрения.

Ходить по улицам можно было только с восьми до одиннадцати утра. Придя домой, мне надо было отыскать и собрать патроны. Время было мало. Я положила патроны в сумку, чтобы не так было заметно. Дойдя до Соборной улицы, слышу стреляют по мне. Нужно было пересечь самое опасное место—Соборную улицу. Пули свистели тут и там, я бежала где пришлось, но все же патроны принесла. Товарищи меня встретили радостно и стали качать. Потом взяли бомбы и ушли. Я просилась с ними. Но муж не взял, а обратно идти было до вечера нельзя. Для меня было слишком тяжело оставаться без дела и я пошла на баррикады.

Рабочих победили. Многим пришлось жить нелегально. В шестом году муж попал в тюрьму за экспроприацию и был осужден на 15 лет.

У нас возникла мысль освободить осужденных. 4 июня 1908 года я решила с одним товарищем обследовать трубу, по которой шла сточная вода из тюрьмы. Эта труба находилась в Ковалихе посреди улицы. В час ночи мы пришли к отверстию и, выждав момент, полезли. Я пошла вперед, за мной товарищ; у нас был фонарь. Дышать было трудно: вся труба была заполнена грязью. На большое расстояние друг от друга были решетки, через которые мы пользовались свежим воздухом, чтобы не задохнуться. обследо-

вав трубу, мы убедились, что она подходит к бане, в которой будут мыться заключенные и через нее им бежать удастся.

Мы уже начали терять сознание, сердце билось, в глазах темно, думали, что обратно не выйдем. Но мысль, что нам надо еще многое сделать, чтобы освободить заключенных, нас не оставляла. План бегства не сложен. Мною была заказана кастрюля с двумя днами, куда были положены пилы, деньги 26 руб. и записка. Деньги нужны были для того, чтобы дать взятку полицейскому, который должен пропилить пол к отверстию трубы.

На другой день пошли в тюрьму на свидание, но на первое свидание не пустили и мы попали только во вторую очередь. На первом же свидании была арестована женщина, которая принесла ведро с двумя днами. После этого стали строго следить за всеми. Я ничего не знала об этом. Передаю свою кастрюлю с обедом, смотрю ставят на стол и спрашивают—кому? Говорю Ашмарину. Я догадалась, что попалась и бежать не сумею. Начинают сбивать дно кастрюли. Товарищ меня ждал за воротами. Я тут же стала проситься, чтоб меня пустили купить сахару для мужа. Отпустили. Подбегаю к товарищу; говорю: беги, если можешь, но бежать было некуда, товарища арестовали, меня же случайно не заметили. Тотчас же наняла извозчика и поехала в Сормово, чтобы освободить товарища. Приехав в Сормово, я послала женщину к себе на квартиру узнать, где мой Володька. Сообщают, что у меня был обыск и мой мальчик арестован. В квартире остался один полицейский. Решила пойти взять Володьку и какие-нибудь вещи и бежать из Сормова. Подхожу к квартире, смотрю стоит сестра и грозит мне. Я вошла, полицейский спит; перешагнув через винтовку, взяла сына, машину и ушла в окно. На другой день уехала в деревню. Мужа посадили в карцер со связанными руками.)

Из письма, которое я получила от знакомых видно, что когда сбили кастрюлю, деньги упали, помощник поднял и сунул в карман, этим я была спасена от ареста. После этого мне свидание не давали, муж сидел еще год, потом его услали на юг, где он пробыл в заключении десять лет.

Ашмарина.

Первые проблески профдвижения

Весной 1906 г. в Сормове оживилась профессиональная работа, подготовка к организации профессионального союза и выработка устава, руководилась интеллигентами, приезжающими из Н.-Новгорода, работу проводили конспиративно, в Дарьинском лесу. Из активных товарищей помню Скороходова, Александра Кострова, Валяева Николая. Закончив предварительно выработку устава (переписку его в 3-х экзмп. производили в Н.-Новгороде Покровские), оформили его нотариально и засвидетельствовали у нотариуса Рейтлингер. К этому нотариусу мы явились все четверо, как учредители профессионального союза по указанию профессионального секретариата, находящегося в Н.-Новгороде. От нотариуса устав передан был старшему фабричному инспектору Селивановскому. Лишь в августе 1906 г. мы получили на руки «Устав профессионального союза сормовских рабочих».

С получением устава приступили к записи в члены О-ва. Вначале записалось немного. Первое организационное собрание назначено было в воскресенье, не помню какого числа. Помещение предоставлено было в каменной школе. Но накануне собрания, в субботу, полиция собрание отменила, только потому, что дескать будет собрание профессионального союза служащих.

Наше собрание было перенесено на следующий праздничный день. Полицейская власть решила сорвать и это собрание; собрание разрешили лишь накануне в 8 час. вечера. Полиция рассчитывала, что мы не успеем оповестить рабочих, но в своих соображениях ошиблась. Объявления у нас были в карманах. Как только дали разрешение на проведение собрания, немедленно 5 товарищей (Валяев, Китаев, Скороходов и др.) объявления расклеили и тем самым уведомили товарищей о собрании.

На собрание явилось до 500 человек. На нем избрали правление и ревизионную комиссию. Правление состояло из меньшевиков и большевиков; в его состав вошли: тов. Алексеев, Сачков, Пресняков, Пысин, Замошников, Загребин, Рульков, Черкасов и др.

Работа правления закипела. Открылась библиотека, ставились спектакли, лекции, участвовали в конфликтных разбирательствах

между заводской администрацией Сормова и рабочими, а также принимали горячее участие в выборах уполномоченных в правление О-ва Потребителей служащих и рабочих. Состав первого правления проработал до марта м-ца; вместо него было избрано новое правление, в состав которого вошли новые товарищи: Романов Василий (брат Ивана Романова) и Михайлов Ник. Ст., других членов правления не помню. При первом составе правления профессиональная организация принимала активное участие в выборах Государственной Думы, а также и в проводах от сормовских рабочих члена государственной думы тов. Ивана Романова, которому перед отъездом на площади около вокзала М.-Н. ж. д. читался наказ.

Новый состав правления проработал не более 2-х месяцев. Союз закрыли, выставив мотивом к закрытию содержание в библиотеке якобы нелегальной литературы. После закрытия всю имеющуюся литературу, которую полиция не отобрала, передали в балахнинское земство. Впоследствии при содействии балахнинского земства открыли библиотеку имени «Тургенева».

Г. Юрлов.

Руководители стачечного движения и вооруженного восстания в Нижегородском рабочем районе в 1905 г.

Н. А. Семашко.

А. М. Лежава.

Б. Позерн.

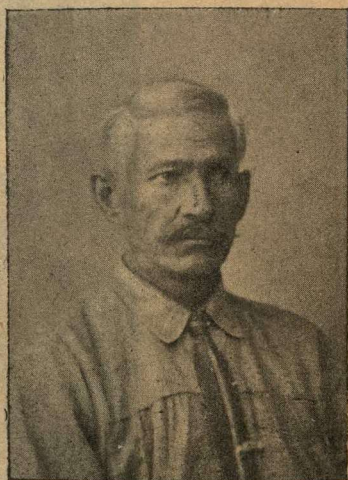
Участники событий 1905 г.

Сидят слева направо: т.т. А. Н. Чарухин, И. А. Ляпин, В. И. Мильгин (зав. истпартом). Стоят: Ф. И. Маштаков, А. А. Урыков, и И. М. Плесков. Группа товарищей, которым принадлежит коллективный труд—настоящий исторический очерк.

А. Я. Матвеев.

П. Н. Ануфриев.

Оба товарища работали в комиссии по составлению очерка

Тов. Александров

Сейчас работает в Ленинградских организ. ВКП(б), участник событий 1905 г.

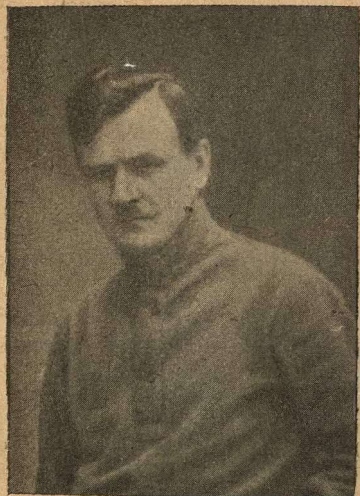

В. И. Шимборский

Участник событий 1905 года в Сормове, предательски убит казаками.

С. Мелентьева
(Сима Соколова - Попова)

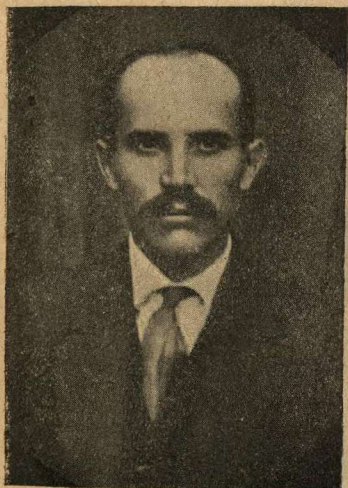

П. С. Мочалов

Начальник Сормовской боевой дружины РСДРП (б), работает сейчас в Московской организации ВКП (б).

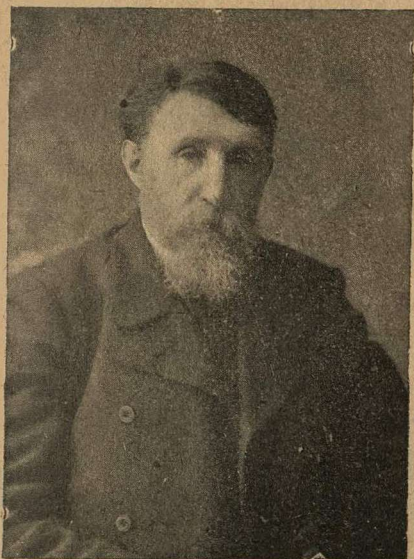
„Орлик“, с.д.

М. Я. Яковлев

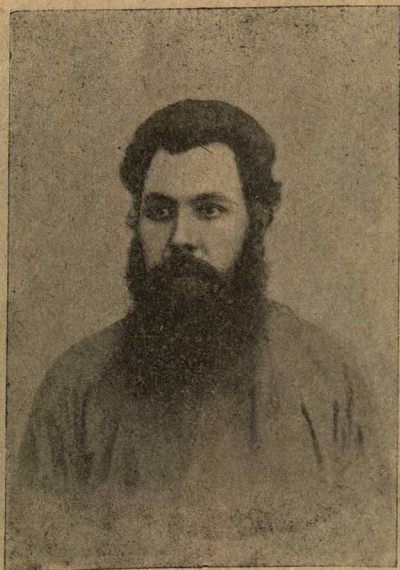
Н. П. Родин

Н. И. Долгополов

Л. Командин

П. Заломов

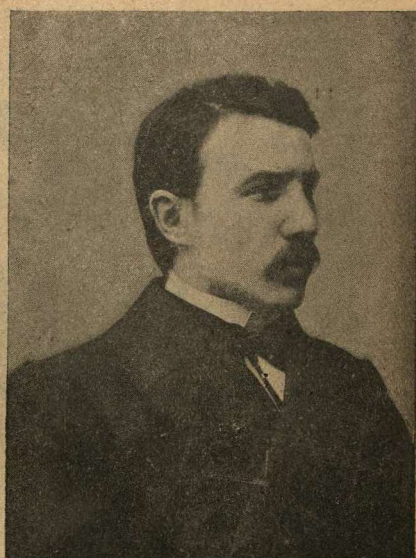
~~Е. Никифоров~~
А. Заремов

Чугурин

Олимпиев Ив. Матв.

А. И. Пискунов

1) Дом Макарова по Шоссейной ул. (ул. им. Коминтерна), около этого дома была установлена артиллерия, которая вела обстрел каменной школы и баррикад.

2) Дом И. Плескова, по 6. Шоссейной ул., против каменной школы. Здесь временно помещался Красный Крест во время вооруженного восстания. Со двора были взяты материалы, необходимые для постройки баррикад.

3) Дом Е. Н. Дыбкова на Старой Канаве. Здесь был также организован пункт Кр. Креста; большее количество раненых рабочих находилось в этом доме.

4) Дом Мити Павлова—конспиративная квартира. Здесь в период 1901—5 г.г. останавливался А. И. Рыков и др. приезжавшие в Сормово партийные работники.

5) Дом Красильникова у главной проходной. В нем помещалась канцелярия полицейского пристава, куда была брошена бомба товарище „Китычем“.

6) Сормовское О-во Потребителей (ныне С. Ц. Р. К.).

шиися в 1905 г. организацией РСДРП.

И ЖЕГОРОДСКІЙ РАБОЧИЙ ЛИСТОКЪ

№ 10

Февраль 1905 г.

№ 10

Пролетаріи всѣхъ странъ, соединяйтесь!

Рабочіе Петербурга 9 января сотнями тысячъ двинулись къ Зимнему Дворцу. Измученные голодомъ, лишенные политич. свободъ, послѣднейшаго произволомъ, который давить весь русский народъ отъ себя и отъ лица всего народа, они хотѣли подать царю петицію. Подписали ее десятки тысячъ

возвращались къ труду явшему... и да будетъ Богъ вамъ въ помощь"

А въ это же время рабочіихъ, которыхъ царь приглашаетъ къ труду, принимая ихъ на помощь даже Бога, въ это время ихъ сотнями, тысячами не принимаютъ на заводы, выславлять на родную

РОССИЙСКАЯ СОЦІАЛЬНО-ДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ РАБОЧАЯ ПАРТІЯ

Пролетаріи всѣхъ странъ, соединяйтесь!

ГРАЖДАНЕ!

Готовьтесь ко всеобщей политической забастовкѣ!

Въ Россіи два врага стоятъ другъ противъ друга: восставшій народъ и правительство.

Революціонный народъ пользуется ивншней у самодержавія, хотя эти пр не задрѣлены.

Народъ пользуется законными дувств. готовьтесь къ новому муче своего незаконнаго врага — самодержавія.

А самодержавное правительство будетъ ассигновкой рубль-накинулъ обратитъ его въ рабство.

Оно испугалось, восставшій нар оно не перестало ненавидѣть, но ст свободы, но оно душитъ, прозвонитъ угодю восставшему народу оно убралъ наторовъ изъ однихъ губерній, но в себя далеко и назначаетъ ихъ нова Оно закрываетъ газеты, сажаетъ зде какъ это сдѣлало оно недавно съ ны ваетъ народъ обвиненіямъ законно, а почтовыхъ труженниковъ за нихъ соколъ

Народъ видитъ и цѣнитъ эту с самодержавія и съ большой ненавистью къ новому явленію: изъ сего

— Долой...

восстанав.

—

содать в

восплатъ

Гри:

Пусть по

товари, к

сдѣлать

Рено

нашего о

чухъ и з

На)

Насилія правительства вынудили народъ начать восстаніе. Объявлена всероссийская забастовка. Бросайте работу въ понедѣльникъ, 12-го декабря въ 2 часа дня и добивайтесь:

НЕМЕДЛЕННОГО ОСВОБОЖДЕНИЯ ВСѢХЪ АРЕСТОВАННЫХЪ.

ОТМѢНЫ ВОЕННАГО ПОЛОЖЕНІЯ И СМЕРТНОЙ КАЗНИ.

ОТМѢНЫ ИСКЛЮЧИТЕЛЬНЫХЪ ЗАКОНОВЪ СОЗЫВА УЧРЕДИТЕЛЬНОГО СОБРАНІЯ на основаніи всеобщаго, прямого, равнаго и тайнаго избирательнаго права.

въ рабочихъ и св. Сироботавшимъ безъ отъ въ сутки, какъ бы въ в дистрибуціи ведоимъ ли объ этомъ на- лому-нибудь? законцевъ, и Треповъ аютъ рабочіихъ за то, ли правы; теперь, вв- еству очень плохо при- ркт. Но какое дѣло на- чинать забастовку?

РОССИЙСКАЯ СОЦІАЛЬНО-ДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ РАБОЧАЯ ПАРТІЯ

Пролетаріи всѣхъ странъ, соединяйтесь!

Товарищи! Мы только что пережили тяжелые дни. Мы видѣли, какъ озябшіе холодною правительствомъ — полковники и казаки расстрѣливали нашихъ товарищей; позорили нашихъ женъ убивая стариковъ и дѣтей; грабались въ наши дома, грабили наше имущество.

Эти дни, товарищи, — навсегда запечатлѣются въ нашей душѣ: — ненависть въ насъ възыскаемъ и убійцамъ заглади они въ сердцѣ нашемъ.

Такие дни переживаетъ сейчасъ вся Россія: Творимъ полны, Некуда въ слѣдствіи, какъ Фенхъ по городамъ

ГРАЖДАНЕ!

сншей доли, за то штельство видѣть помогать наши народнаго свобода; объединена и по-

мы не будемъ ун- еды наиболее соз- а интересовъ; ту- ме заводоуправле- вать.

рѣбъ съ народомъ.

въ; весь русский на- дель-же стойбо и жиса еще тѣнѣе.

и капиталистовъ

С. Д. Р. Ц.

Нижегородскій Статечный Комитетъ.

О Г Л А В Л Е Н И Е

Предисловие	5
-----------------------	---

I. Накануне.

II. После Кровавого воскресенья.

1) Первые стычки и забастовки	11
2) Администрация идет на уступки. Рабочие создали «собрание уполномоченных от цехов»	14
3) Борьба за земскую школу и рабочую кассу взаимопомощи	16
4) Революционная активность рабочих растет. Клуб под открытым небом	18
5) Экономические требования рабочих	23
6) Первая полугодовщина Кровавого воскресенья	26
7) Черная сотня за работой. Похороны первых жертв революционной борьбы	27
8) Новый экономический нажим на рабочих	30
9) Перед булыгинской думой	35
10) Соц.-демократическая организация развивает свою работу	38

III. „Политическая весна“ в Сормове.

1) Как встретили сормовичи манифест „о свободах“	45
2) Демонстрации и митинги в Нижнем. Рабочие освобождают политических заключенных из тюрем	46
3) Столовая—центр революционной работы	49
4) Рабочий суд	51
5) Первые ростки профессиональной работы	53
6) Руководство крестьянским движением.	55
7) Рабочие закрепляют новые порядки	—
8) Подготовка к всеобщей политической забастовке	60

IV. Перед декабрьским восстанием.

1) Завод после октябрьских демонстраций	65
2) Политическая забастовка объявлена	73

V. Вооруженное восстание.

1) Первые столкновения	77
2) „На баррикады“	82
3) Каменная школа—революционная крепость	84
4) Исход восстания решила артиллерия	88

VI. Дни реакции.

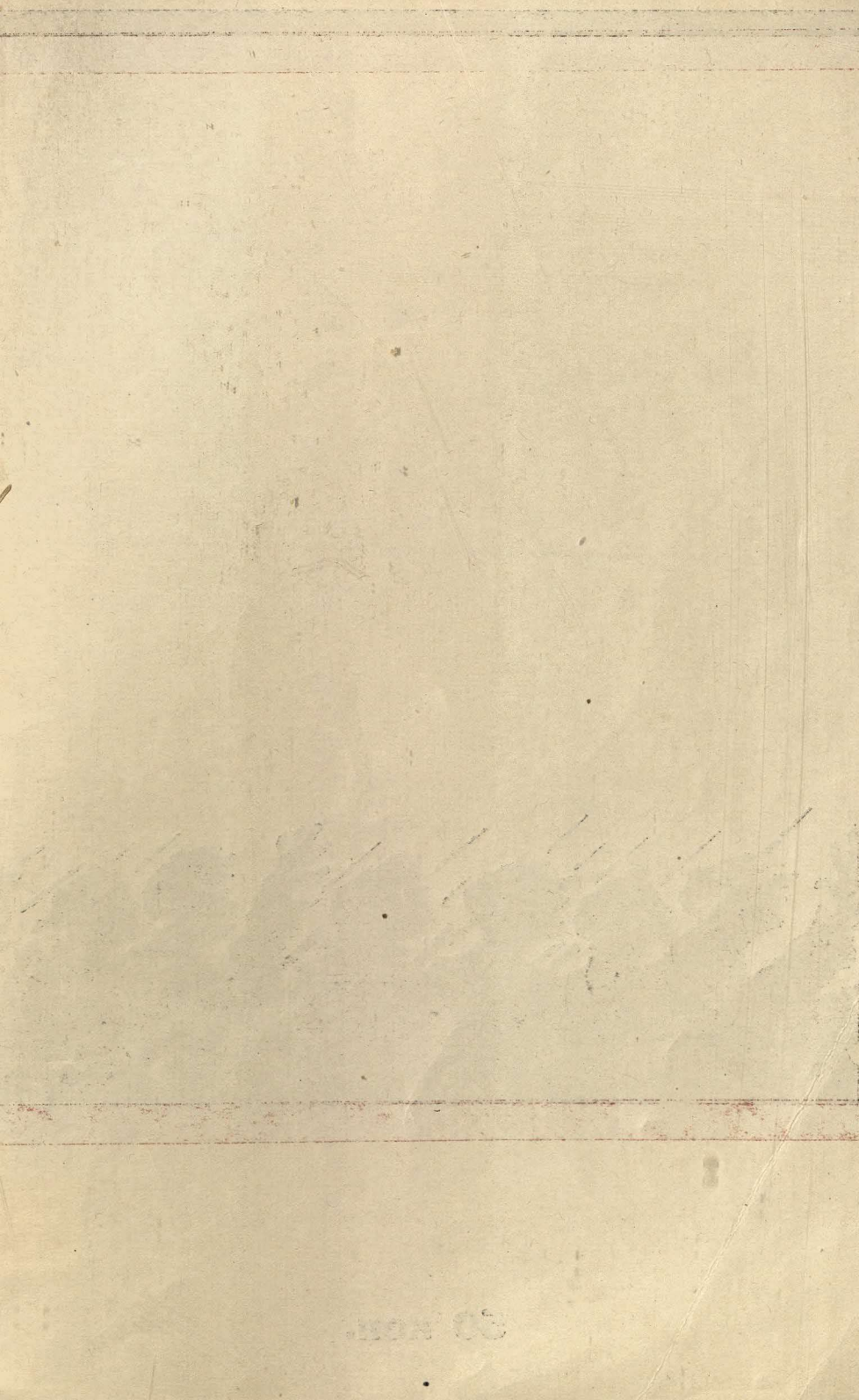
1) Расправа казачьих и полицейских банд	97
2) Закрытие завода	101
3) Ликвидация сормовского кооператива—центра партийной пропаганды	103
4) Жертвы вооруженного восстания	105

VII. Заключение	109
---------------------------	-----

Сормовская парторганизация в 1905 году	113
--	-----

Воспоминания.*

А. Волотов. Боевая дружина Сормовской организации РСДРП	123
А. Белозеров. Убийство шпиона Пятницкого и начальника охранки Грешнера	129
С. Мелентьева. Из моих воспоминаний	143
Ашмарина. Баррикады пятого года	147
Г. Юрлов. Первые проблески профдвижения	149
Фотографии	151
Приложения	154

2м.

50 коп.

